

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVIII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга III (88).

МАЙ-ІЮНЬ—1907 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Гносеологическій индивидуализмъ въ новой философіи и преодоленіе его въ новѣйшей философіи. Н. Лос- скаго	227
Психологическія предпосылки терпимости. С. Котлярев- скаго	239
Бернардъ Мандевилъ и его «Басня о пчелахъ». Н. Виногра- дова	255
Этическая проблема у Эд. Гартмана. П. Блонскаго	272

Императоръ Павелъ I. В. Чижа	221
Вліяніе аккомодациі и конвергенциі на воспріятіе глубины. Ал. Монтели	291

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Карль Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Переводъ съ рукописи Л. Фейнберга и С. Цедербаума, подъ редакціей Ф. Дана. С.-Петербургъ, 1906. 137 ст. Р. Орженцкаго	328
Eisler, R., Einführung in die Erkenntnisstheorie. Darstel- lung und Kritik der erkenntnistheoretischen Richtun- gen. Leipzig. 1907. Verlag von Johann Ambrosius Barth. S. 292. П. Тихомирова	340
Джорджъ Беркли. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. По порученію Философскаго Общества при Спб. университетѣ переведено Е. Э. Дебольской, подъ редакціей Н. Г. Дебольскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905 г. П. Блонскаго	345
И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. Спб. 1906. Цѣна 2 руб. Н. Лосскаго	349
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Revue philosophique—1906.	358
Revue de philosophie—1906. В. Волковичъ и З. Столица .	370
Извѣстія и замѣтки.	380
Объявленія.	

1. 1. 1.

Гносеологическій индивидуализмъ въ новой философіи и преодоленіе его въ новѣйшей философіи.

(Рѣчь, произнесенная 10 апрѣля въ Московскомъ Университетѣ передъ зачитою диссертациі «Обоснованіе интуитивизма».)

По словамъ Гегеля, новыя философскія системы „не уничтожаютъ принциповъ старыхъ, а только показываютъ, что эти принципы не были послѣднимъ, не были абсолютнымъ опредѣленіемъ“. Въ самомъ дѣлѣ, всякая попытка человѣческой мысли уложить вселенную въ рамки философскаго міросозерцанія содержитъ въ себѣ истину, но истину неполную, односторонне выраженную. Рамки не только системъ, но и широкихъ философскихъ направленій, напр., такихъ, какъ раціонализмъ или критицизмъ, неизбѣжно оказываются слишкомъ узкими для мірового дѣлага; повторныя попытки развити направленіе осуществляютъ его въ формахъ, все болѣе и болѣе философски утонченныхъ, т.-е. все послѣдовательнѣе развивающихъ основной принципъ направленія, но за то тѣмъ болѣе обнаруживающихъ бѣдность его въ сравненіи съ богатствомъ вселенной. Положеніе становится все болѣе и болѣе невыносимымъ и на смѣну одностороннему направленію постепенно выступаетъ, въ качествѣ реакціи противъ него, другое одностороннее направленіе, противоположное первому, или же, если два одностороннія направленія съ самаго начала развивались рядомъ, враждуя другъ съ другомъ, то является попытка дать синтезъ ихъ.

Имѣя въ виду этотъ путь развитія философіи, слѣдуетъ предположить, что величайшіе періоды въ ея исторіи, такіе, какъ древняя греческая и новая западно-европейская философія воплощаютъ въ себѣ глубочайшія противоположности человѣческаго міросозерцанія. Наболѣе глубокая изъ возможныхъ противоположностей кроется въ различіи между абсолютнымъ и міромъ конечныхъ вещей. Однако ясно, что не она руководила до сихъ поръ развитіемъ философіи; то здѣсь, то тамъ вліяніе этой противоположности сказывается, но оно не бываетъ систематическимъ. И не удивительно: это противоположность *міровая*. Поэтому вліяніе ея на человѣческое міросозерцаніе станетъ систематическимъ только тогда, когда человѣкъ преодолѣетъ въ своемъ міровозрѣніи всѣ чисто *субъективныя* противоположности и будетъ строить міросозерцаніе съ міровой точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія человѣческаго я. Пока эта ступень развитія не достигнута, прогрессомъ философіи управляютъ противоположности, возникающія съ точки зрѣнія человѣческаго я. Самая глубокая изъ нихъ есть противоположность между я и не я, между субъективнымъ и транссубъективнымъ міромъ, переплетающаяся въ дѣятельности познанія съ близкими ей, но не тождественными противоположностями, между субъектомъ и объектомъ, а также между мышленіемъ и бытіемъ и потому являющаяся въ философіи въ чрезвычайно многообразной и запутанной формѣ. Главные періоды европейской философской мысли служатъ воплощеніемъ именно этой противоположности. Греческая философія есть періодъ *недифференцированности субъекта и транссубъективнаго міра*; поэтому въ міросозерцаніи древняго грека субъектъ утопаетъ въ безбрежномъ океанѣ транссубъективнаго міра, и философскія системы безотчетно, непредназначенно пріобрѣтаютъ характеръ универсализма и реализма въ томъ смыслѣ, что въ нихъ господствуютъ объекты внѣшняго міра, и самъ субъектъ слагается изъ элементовъ этого міра и надѣляется его свойствами. Такъ какъ этотъ универсализмъ является результатомъ недиф-

ференцированности субъекта и транссубъективного міра, то, само собою разумѣется, онъ въ греческой философіи не выраженъ въ чистой формѣ и допускаетъ всевозможныя отклоненія и исключенія.

Иной характеръ имѣетъ новая философія XVII и XVIII вѣка. Въ ней познающій субъектъ начинаетъ понимать себя, какъ личность, какъ единую психическую (сознательную) жизнь, какъ духовную индивидуальность; онъ склоненъ считать себя субстанціей, и въ этомъ качествѣ противопоставлять себя, какъ законченную, самодовлѣющую единицу, всему міру не - я, какъ состоящему изъ другихъ субстанцій. Въ виду этого онъ склоненъ въ познаніи и въ практической жизни разсматривать свое я и свои индивидуальныя дѣятельности и переживанія, какъ верховную цѣль и какъ нѣчто первично данное; поэтому онъ устанавливаетъ субъективные идеалы теоретической и практической дѣятельности (субъективизмъ въ ученіи объ истинѣ, добрѣ, красотѣ) и критеріи приближенія къ идеалу или удаленія отъ него находить въ субъективной сторонѣ переживаній. Иными словами, въ системахъ философовъ этого періода господствуютъ, не универсальные принципы, а *индивидуалистическія* тенденции, ведущія въ конечномъ итогѣ къ субъективному идеализму. Конечно, склонность къ индивидуализму сказывается не только въ философскихъ системахъ этого времени, а и въ самой жизни. Въ религіи она проявляется въ возникновеніи протестантизма, въ распространеніи индивидуальныхъ формъ религіи, отвергающихъ не только церковь, но и всякую религіозную общину, и, наконецъ, въ распространеніи невѣрія, т.-е. совершеннаго освобожденія личности отъ всякаго общенія съ безусловно универсальнымъ началомъ, съ Божествомъ. Въ государственной и общественной жизни склонность къ индивидуализму сказывается въ возрастающей потребности въ политической и гражданской свободѣ. Такое же исканіе свободы замѣчается и въ области экономической жизни.

Конечно, этотъ индивидуализмъ лежитъ въ основѣ новой

исторіи не въ формѣ сознательно выработаннаго правила поведенія, а въ формѣ инстинктивнаго стремленія человѣческой личности къ самостоятельной жизни. Даже философією этого періода онъ руководить не какъ теорема, а какъ инстинктъ; такъ и должно быть, если важнѣйшіе періоды философской мысли опредѣляются столь глубокими основаніями, какъ ступени дифференціаціи субъективнаго и транс-субъективнаго міра, т.-е. служатъ выраженіемъ ступеней развитія духа, культуры и даже, можетъ быть, самого міра. Поэтому индивидуализмъ не сразу появляется въ развитой формѣ: сначала онъ смѣшивается съ инородными элементами и, очищаясь отъ нихъ лишь постепенно, достигаетъ максимума напряженія у ближайшихъ предшественниковъ Канта, а также у самого Канта и у Фихте въ первый періодъ его философскаго творчества. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ не моментальное крушеніе исключительнаго индивидуализма, а постепенное приобщеніе къ нему универсалистическихъ тенденцій. Это осложненіе философскаго мышленія, полагающее начало эпохѣ новѣйшей философіи, происходитъ не въ видѣ разрыва со старымъ, а путемъ органическаго роста: мыслящій индивидуумъ, углубляясь въ свое я, находитъ корни своего индивидуальнаго бытія въ Абсолютномъ, приходитъ черезъ Абсолютное къ пониманію другихъ конечныхъ индивидуальностей и строить міросозерцаніе, во всѣхъ отношеніяхъ координирующее (соотносящее на началахъ равноправія) міръ я и міръ не-я, а не субординирующее (подчиняющее) ихъ другъ другу. На этой почвѣ открывается возможность создать органическое міропониманіе, сочетающее универсализмъ греческой философіи съ индивидуализмомъ новой философіи, освобождаясь отъ односторонностей той и другой.

На этотъ путь новѣйшая философія вступаетъ наиболѣе очевиднымъ образомъ по крайней мѣрѣ въ той своей дисциплинѣ, которая считается основною, именно въ гносеологии. Такъ какъ мое изслѣдованіе „Обоснованіе интуитивизма“, вступленіемъ къ которому служить эта рѣчь, посвя-

шено проблемамъ теоріи знанія, то я и разсмотрю теперь этотъ вопросъ лишь со стороны развитія *гносеологическаго* индивидуализма въ новой философіи и преодоленія его въ новѣйшей философіи.

Есть три важныя стороны въ процессѣ знанія, которыя могутъ быть истолкованы въ духѣ индивидуализма, — составъ знанія (самыя переживанія, составляющія знаніе), происхождение знанія и значеніе знанія (трансцендентное или имманентное, адекватное или неадекватное и т. п.). Крайнею ступеню развитія гносеологическаго индивидуализма было бы ученіе о томъ, что всѣ эти три стороны познавательнаго процесса вполнѣ *имманентны* познающему субъекту, т.-е. ученіе о томъ, что всѣ познавательныя переживанія *цѣликомъ* суть личныя состоянія познающаго субъекта, что они происходят *сполна* изъ нѣдръ самого познающаго духа и даютъ знаніе *только* о явленіяхъ въ познающемъ субъектѣ.

Въ эмпиризмѣ Бекона и раціонализмѣ Декарта теорія знанія была, конечно, еще очень далека отъ этой крайней формы индивидуализма. У Бекона индивидуализмъ сказывается только въ формѣ намѣренія построить все знаніе на личномъ опытѣ, на произведенныхъ самимъ познающимъ субъектомъ наблюденіяхъ и экспериментахъ. При этомъ однако не исключается возможность того, чтобы составъ, происхождение и значеніе знанія были трансцендентными. Въ раціонализмѣ Декарта этотъ вопросъ уже ставится опредѣленнымъ образомъ и рѣшается въ такой формѣ, которая можетъ быть названа *первою ступеню развитія гносеологическаго индивидуализма*; въ самомъ дѣлѣ, Декартъ не только требуетъ, чтобы все міровоззрѣніе было построено чистымъ мышленіемъ познающаго субъекта, но еще и полагаетъ, что всѣ познавательныя переживанія (прирожденные идеи и ощущенія) *цѣликомъ* имманентны познающему субъекту. Однако у него сохраняется тѣсная связь между интеллектуальными процессами и внѣшнимъ міромъ, поскольку онъ признаетъ трансцендентное происхождение ощущеній и трансцендентное значеніе истиннаго знанія; поэтому его

теорія представляеть собою лишь первую ступень развитія гносеологическаго индивидуализма; на этой же ступени стоит съ одной стороны рационализм Спинозы, а съ другой стороны также и эмпиризм Локка и Беркли.

Вторая ступень развитія гносеологическаго индивидуализма могла осуществиться и дѣйствительно осуществилась въ слѣдующихъ двухъ модификаціяхъ: во-первыхъ, въ формѣ утвержденія, что все знаніе не только по своему *составу*, но также и по своему *происхожденію* имѣеть субъективный характеръ, т.-е. возникаетъ изъ природы души самого познающаго субъекта, а не подъ влияніемъ трансубъективнаго міра; во-вторыхъ, въ формѣ утвержденія, что все знаніе не только по своему *составу*, но и по своему *значенію* имѣеть субъективный характеръ, т.-е. даетъ свѣдѣнія лишь о томъ, что совершается внутри познающаго субъекта, а не о томъ, что находится внѣ его. Первая форма второй стадіи гносеологическаго индивидуализма воплотилась въ философіи Лейбница, по ученію котораго познавательный процессъ находится въ связи съ познаваемымъ внѣшнимъ міромъ лишь постольку, поскольку истинное знаніе имѣеть трансцендентное значеніе. Вторая форма второй стадіи гносеологическаго индивидуализма представлена философіею Юма, теорія котораго сохраняетъ связь между познавательнымъ процессомъ и трансубъективнымъ міромъ лишь постольку, поскольку въ основѣ ея сквозить мысль, что впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ возникаютъ въ познающемъ субъектѣ подъ влияніемъ трансубъективнаго міра.

Наконецъ, третья и послѣдняя ступень развитія гносеологическаго индивидуализма осуществлена въ теоріи знанія Канта, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ научному знанію, состоящему изъ всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій: въ самомъ дѣлѣ, поскольку Кантъ утверждаетъ, что наука познаеть лишь явленія и притомъ со стороны ихъ законмѣрности, вносимой въ нихъ самою познавательною способностью субъекта, его теорія знанія разсматриваетъ всѣ три стороны процесса научнаго знанія—составъ,

происхожденіе и значеніе его, какъ *имманентные познающему субъекту*. Только эмпирическое содержаніе знанія, не укладывающееся въ систему всеобщихъ и необходимыхъ сужденій, именно только ощущенія разсматриваются Кантомъ, какъ такая сторона познавательнаго процесса, которая, быть можетъ, обусловлена отношеніями познающаго субъекта къ вещи въ себѣ.

Путь отъ первой ступени развитія гносеологическаго индивидуализма вплоть до третьей пройденъ новою философіею не случайно: онъ былъ преднамѣченъ уже первою ступенью развитія гносеологическаго индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ, если въ опытѣ и въ мышленіи познающій субъектъ имѣетъ дѣло только съ своими душевными состояніями, то существуетъ глубокой расколъ между *знаніемъ* о внѣшнемъ мірѣ и *бытіемъ* внѣшняго міра, заставляющій философію рано или поздно придти къ идеализму, интеллектуализму, солипсизму и скептицизму. Дѣйствительно, если въ процессѣ знанія субъектъ имѣетъ дѣло только съ состояніями сознанія, то рано или поздно онъ долженъ придти къ мысли, что строить картину внѣшняго міра онъ можетъ только изъ матеріаловъ, аналогичныхъ процессамъ сознанія. На этотъ именно путь и вступаютъ Лейбницъ и Беркли. Мало того, поскольку этотъ идеализмъ разсматриваетъ представленія и понятія о внѣшнемъ мірѣ только какъ интеллектуальные феномены въ познающемъ субъектѣ, онъ приобретаетъ интеллектуалистическій характеръ, ярко выраженный по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ ученіямъ о внѣшнемъ мірѣ. Наконецъ, если познающій субъектъ имѣетъ дѣло только со *своими* состояніями сознанія, то рано или поздно философія должна отказаться отъ утвержденій обо всемъ, что находится внѣ субъекта, и придти къ солипсизму и скептицизму. Замѣчательно, что этотъ фазисъ развитія индивидуализма, являющійся неизбѣжнымъ результатомъ раскола между мышленіемъ и бытіемъ внѣшняго міра, представленъ не только эмпиризмомъ Юма; къ нему близокъ и рационалистъ Лейбницъ, обособляющій я отъ не-я

до такой степени, что, согласно его міровоззрѣнію, если бы Богъ уничтожилъ всю вселенную, кромѣ меня, то я этого даже и не замѣтилъ бы и могъ бы продолжать читать лекціи, совершить путешествіе въ Америку и т. п., такъ какъ весь міръ, съ которымъ я вступаю въ общеніе, развивается изъ нѣдръ моего духа, содержащаго въ себѣ въ видѣ *живой* копіи всю вселенную. Если расколъ между мышленіемъ и бытіемъ приводитъ къ необходимости такихъ странныхъ и хитроумныхъ гипотезъ для объясненія знанія о трансубъективномъ мірѣ, то ясно, что слѣдующіе за Лейбницемъ философы, даже и склонные къ метафизикѣ рационализма, какъ, напр., Кантъ, должны или придти къ скептицизму, подобно Юму, или искать новаго обоснованія научнаго знанія. Единственный оставшійся путь для этого новаго обоснованія знанія заключается въ сближеніи мышленія и бытія, въ признаніи того, что *объекты знанія имманентны процессу знанія*. Кантъ именно и ввелъ этотъ новый принципъ въ теорію знанія, однако, какъ вѣрный сынъ вѣка, онъ не только не порвалъ связи съ гносеологическимъ индивидуализмомъ своихъ предшественниковъ, но даже возвелъ его на высшую ступень развитія, сумѣвъ придать новому гносеологическому принципу индивидуалистическій характеръ: въ самомъ дѣлѣ, онъ сблизилъ мышленіе и бытіе не путемъ координаціи ихъ, а путемъ субординаціи бытія мышленію, путемъ утвержденія, что сама природа есть явленіе для познающаго субъекта, создаемое процессомъ опыта, а познаваемое бытіе есть лишь категория мышленія. Такимъ образомъ Кантъ устранилъ расколъ между знаніемъ и явленіемъ, но, какъ индивидуалистъ, онъ ввелъ новый расколъ между явленіемъ и вещью въ себѣ, и критика понятія вещи въ себѣ, произведенная ближайшими преемниками его, окончательно обнаружила неспособность индивидуализма обосновать процессъ знанія о внѣшнемъ мірѣ. Какимъ же путемъ должна была развиваться дальше теорія знанія? Ей оставалось только отказаться отъ гносеологическаго индивидуализма и признать

надъиндивидуальность знанія, т.-е. утверждать, что объектъ знанія можетъ быть *трансцендентнымъ въ отношеніи къ познающему субъекту* и тѣмъ не менѣе *имманентнымъ въ отношеніи къ процессу знанія*. Однако внезапное провозглашеніе такого принципа было бы рѣзкимъ разрывомъ между прошлымъ и настоящимъ въ исторіи философіи и было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы развитіе философіи руководилось отчетливо сознанными логическими требованіями мышленія. Если же на самомъ дѣлѣ философскія направленія обуславливаются такими причинами, какъ ступени дифференцированности я и не-я, или такими мотивами, какъ одностороннее самоутвержденіе личности, соотвѣтствующее извѣстной культурной ступени духа, то трудно допустить, чтобы переходъ отъ гносеологическаго индивидуализма къ теоріи надъиндивидуальности знанія совершился путемъ рѣзкаго разрыва съ прошлымъ, въ формѣ сознательно высказаннаго новаго принципа. Скорѣе надо полагать, что этотъ переходъ совершился путемъ бессознательнаго органическаго перерожденія индивидуализма въ теорію надъиндивидуальности знанія, такъ что моментъ перехода отъ индивидуализма къ его противоположности не былъ замѣченъ самимъ виновникомъ этого процесса. Этотъ оригинальный процессъ органическаго перерожденія дѣйствительно совершился въ философіи Фихте, пройдя черезъ моментъ такого крайняго индивидуализма, который, можетъ быть, на мгновеніе и осуществился въ мышленіи Фихте, но тотчасъ же былъ побѣжденъ имъ. Этотъ крайній пунктъ индивидуализма заключается въ предположеніи, что не только формы познавательнаго міра, но и все содержаніе его создается познающимъ я. Такимъ предположеніемъ устраняется изъ философіи Канта расколъ между явленіемъ и вещью въ себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вносится въ теорію знанія совершенно новое представленіе объ отношеніи между познающимъ субъектомъ и мировымъ цѣлымъ. Въ самомъ дѣлѣ, такое я, которое служитъ первоисточникомъ и носителемъ всей вселенной можетъ быть только Абсолютъ.

нымъ Субъектомъ, Вселенскимъ надъиндивидуальнымъ Я, къ которому всякое эмпирическое я относится лишь, какъ его модификація. Индивидуальное я познаетъ эту первооснову міра, углубляясь въ своемъ самопознаніи вплоть до своего вселенскаго корня, вплоть до того безусловнаго акта „Я полагаетъ себя“, который относится уже къ сферѣ надъиндивидуальнаго. Слѣдовательно, содержаніе этого акта знанія выходитъ за предѣлы эмпирическаго я, что возможно лишь въ томъ случаѣ, если эмпирическое я обладаетъ способностью нечувственнаго воспріятія (интеллектуальной интуиціи), такъ что объектъ знанія, трансцендентный въ отношеніи къ индивидуальному я, можетъ быть имманентнымъ акту знанія этого я и, слѣдовательно, процессъ знанія въ этихъ случаяхъ оказывается надъиндивидуальнымъ.

Конечно, Фихте стоитъ еще очень близко къ индивидуализму Канта, такъ какъ примѣняетъ понятіе интеллектуальной интуиціи только въ отношеніи къ знанію о дѣятельностяхъ я; но такъ какъ въ самомъ понятіи интеллектуальной интуиціи нѣтъ ничего, что обязывало бы къ такому ограниченію его, то не удивительно, что Шеллингъ широко использовалъ его для объясненія знанія о природѣ, а также объ Абсолютномъ и вмѣстѣ съ Гегелемъ развилъ ученіе о знаніи, уже совершенно отчетливо утверждающее надъиндивидуальность знанія. Системы этихъ философовъ отжили свой вѣкъ, но ученіе о надъиндивидуальности знанія не сходитъ со сцены въ философіи XIX вѣка, а, наоборотъ, все болѣе распространяется, возникая, какъ и во времена Фихте, все вновь и вновь главнымъ образомъ въ связи съ философіею Канта. Самымъ удобнымъ и простымъ путемъ для этого преобразованія философіи Канта является истолкованіе трансцендентальнаго единства апперцепціи, какъ единства надъиндивидуальнаго. Этимъ путемъ идутъ, напр., имманентная философія (Шуппе) и нормативный критицизмъ (Риккертъ). Съ другой стороны, и эмпиризмъ, идя прямо противоположнымъ путемъ, именно превращая че-

ловѣческое я въ связку ассоціирующихся и диссоціирующихся переживаній, пришелъ во второй половинѣ XIX в., напр., въ теоріи знанія Маха, къ усмотрѣнію того, что нѣтъ основаній утверждать, будто въ составъ знанія входятъ лишь элементы, составляющіе исключительную принадлежность познающаго субъекта.

Освободившись отъ гносеологическаго индивидуализма, перечисленные философскія направленія тѣмъ самымъ вырвались изъ тисковъ *субъективнаго идеализма*. Однако, слѣды происхожденія ихъ изъ индивидуалистическихъ теорій знанія еще слишкомъ замѣтны, такъ какъ въ качествѣ отрицательнаго наслѣдія они получили отъ своихъ предшественниковъ чрезмѣрную склонность къ *интеллектуализму*; имманентные философы, напр., рассматриваютъ объективно необходимые синтезы, какъ синтезы *категоріальные*, а эмпиристъ Махъ считаетъ содержанія опыта *ощущеніями*. Между тѣмъ, стоитъ только отчетливо поставить мысль, что знаніе есть процессъ надъиндивидуальный, содержащій въ себѣ объекты, трансцендентные въ отношеніи къ познающему *индивидууму*, и тотчасъ же станетъ ясно, что интеллектуализмъ теряетъ почву подъ ногами, такъ какъ синтезы, непосредственно данные познающему индивидууму извнѣ, могутъ быть также и реальными связями, а содержаніе объекта, которому незачѣмъ преломляться сквозь чувственность познающаго я, вовсе не обязано быть ощущеніемъ.

Такимъ образомъ теорія надъиндивидуальности знанія не требуетъ интеллектуализма и даже вообще не ведетъ съ необходимостью къ идеализму (мы говоримъ не о греческомъ идеализмѣ, а объ идеализмѣ новой философіи, строящемъ міръ изъ *психическихъ* процессовъ), но оставляетъ просторъ для построенія *реалистическаго* міросозерцанія, если онтологическія изысканія и изслѣдованія частныхъ наукъ дадутъ матеріалъ для него. Мое „Обоснованіе интуитивизма“ именно и задается цѣлью развить такую теорію

знанія, которая могла бы послужить фундаментомъ для реалистическаго міросозерцанія. Въ свою очередь на почвѣ такого міросозерцанія могло бы произойти преодоленіе всѣхъ формъ односторонняго индивидуализма (метафизическаго и практическаго) и сближеніе между тенденціями древне-греческаго и новаго европейскаго мышленія.

Н. Лосскій.

Психологическія предпосылки терпимости.

Существует ли въ современныхъ обществахъ проблема терпимости? Не принадлежитъ ли требованіе это къ тому обязательному нравственному минимуму, который выработанъ всей многовѣковой культурой? Вотъ вопросы естественные и законные, но безъ сомнѣнія не въ той степени простые и безспорные, какими они кажутся на первый взглядъ. Пускай уже больше сталъ лѣтъ терпимость признана обязательной для государства по отношенію къ гражданину, пускай слова деклараціи правъ перешли во множество европейскихъ конституцій и, наконецъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ были включены даже въ текстъ русскихъ основныхъ законовъ: намъ достаточно осмотрѣться вокругъ себя, чтобы увидать, сколько формъ и учреждений въ общественно-политической дѣйствительности носятъ на себѣ печать „варварской эпохи, когда за человѣкомъ отнюдь не признавалось права ни свободно мыслить, ни свободно выражать свои мысли.

Но главное, оказывается, что нетерпимость не исчерпывается запретительными нормами законодательства, насиліями государственной власти. Оказывается, она глубоко проникаетъ въ умы и сердца людей, считающихъ себя искренними друзьями свободы, и что это ея господство надъ общественной психикой особенно ярко сказывается въ минуты, когда орудія легальной нетерпимости, такъ сказать, теряютъ свою силу. Сколько разъ мы видѣли въ исторіи человѣчества, какъ тѣ, кто вчера апеллировалъ къ общей

свободѣ и общему праву, сегодня, поднятые колесомъ судьбы, начинаютъ говорить, что свобода есть свобода добра, а не зла, истины, а не заблужденія. Если они стѣсняются приближаться къ рукѣ государственной власти, которая еще такъ недавно была направлена противъ нихъ, они имѣютъ цѣлый рядъ другихъ средствъ, менѣе откровенныхъ и менѣе грубыхъ, но не менѣе дѣйствительныхъ, дабы показать заблуждающимся, куда можетъ привести ихъ „свобода зла“.

Мы не задаемся здѣсь цѣлью, конечно, поставить проблему терпимости во всей широтѣ. Вѣдь терпимость имѣетъ аспектъ не только индивидуально-психологическій, но и социологическій. Долгіе вѣка человѣчество жило въ традиціяхъ сплошной нетерпимости, и власти этой традиціи подпадали умы наиболѣе свободные, наиболѣе либеральные. Въ настоящее время несомнѣнно, напримѣръ, понятіе о терпимости у средняго француза и средняго англичанина сильно отличается. Въ глазахъ послѣдняго французскій законъ 1902 г. о религіозныхъ конгрегаціяхъ представляется актомъ явной нетерпимости и насилія надъ совѣстью вѣрующихъ; въ глазахъ перваго это лишь актъ необходимой государственной самозащиты и защиты гражданской свободы отъ клерикальной тираніи.

Несомнѣнно въ этомъ смыслѣ, что перемѣны въ учрежденіяхъ и законодательствѣ имѣютъ огромное вліяніе на весь духовный складъ общества. Многія русскія духовныя особы, которыя еще такъ недавно съ церковной кафедрой передавали свое убѣжденіе, что свобода совѣсти есть не что иное, какъ свобода отъ совѣсти—многія вѣроятно послѣ манифеста 17 апрѣля и 17 октября перемѣнили свое мнѣніе.

Во всякомъ случаѣ, мы беремъ вопросъ подъ угломъ зрѣнія индивидуально-психологическимъ: каковъ тотъ кругъ мыслей, каково то міросозерцаніе, которое располагаетъ человѣка къ терпимости и какое толкаетъ его въ противоположную сторону? На какой умственной и нравственной почвѣ заповѣдь „будь терпимымъ“ наиболѣе способна при-

нести плоды и гдѣ она осуждена быть гласомъ вопіющаго въ пустынь? Начнемъ съ умственныхъ состояній.

Есть два умственныхъ состоянія, повидимому противоположныя, но въ одинаковой мѣрѣ неблагоприятныя для развитія терпимости. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ мыслить себя обладателемъ полной истины, а несогласныхъ—рабами столь же полного заблужденія. Другое характеризуется напротивъ полнымъ скептицизмомъ: въ глазахъ человѣка истина есть вообще вещь совершенно условная: всѣ мнѣнія являются въ равной степени субъективными состояніями, ни одно изъ нихъ не можетъ претендовать на большую достовѣрность, чѣмъ другія; ни одно изъ нихъ въ концѣ-концовъ не стоитъ большаго, чѣмъ другія. Что касается до перваго состоянія, то оно намъ достаточно извѣстно изъ всей исторіи человѣческой культуры. Конечно, область, гдѣ оно проявлялось съ наибольшей яркостью, это область религіозная.

Мы можемъ наблюдать его въ эпохи наибольшей силы и напряженности религіознаго сознанія, когда оно всего дальше отстоитъ отъ какого-либо эклектизма. Какъ характерна въ этомъ отношеніи та метафизическая, такъ сказать, нетерпимость, которая была принесена въ міръ іудейскимъ монотеизмомъ и иранскимъ дуализмомъ въ противоположность утилитарной нетерпимости античнаго міра. И характерно, что мысль объ исключительномъ обладаніи религіозной истиной соединяется съ величайшимъ смиреніемъ. Человѣкъ чувствуетъ всю безконечность своей безпомощности передъ лицомъ Божества и въ то же время онъ полонъ сознанія превосходства передъ тѣми, кто не позналъ своего безсилія. Какъ сливаются эти два чувства въ раннемъ еврейскомъ мессіанизмѣ! Часто это осложняется чувствомъ національной обособленности, той гранью, которая отдѣляетъ „вѣрныхъ отъ невѣрныхъ“; но бываетъ и такъ, что происхожденіе здѣсь не принимается въ расчетъ. И это познаніе истины, поднимающее человѣка надъ себѣ подобными,

может не ограничиваться общими положеніями; оно может принимать форму разработанной совокупности догматовъ. Постепенно утверждается мысль, что для спасенія необходимо не только общее исповѣданіе, но и психологическая тренировка, что есть цѣлый рядъ истинъ, принятіе которыхъ обязательно для спасенія. Нетерпимость, которая сопровождала во многихъ странахъ распространеніе основныхъ истинъ христіанства, переходитъ въ нетерпимость истолкованія того или другого обряда, того или другого текста. Ненависть, раздѣлявшая послѣдователей Лютера и Цвингли (по средневѣковому воззрѣнію еретикъ и схизматикъ гораздо хуже язычника), была ничуть не меньше ожесточенія обоихъ протестантскихъ исповѣданій противъ католицизма, и среди самага лютеранства водворилась такая *rabies theologica*, которая до крайности смущала даже челоуѣка столь склоннаго къ теологической нетерпимости, какъ Меланхтонъ.

Конечно, область религіозныхъ вѣрованій есть только наиболѣе яркая въ этомъ отношеніи. Не меньшую роль игралъ догматизмъ въ исторіи научной мысли, гдѣ величайшія побѣды пріобрѣтались именно путемъ разрушенія стройныхъ системъ, которыя казались незыблемо прочными—и ожесточеніе, съ которымъ защищались эти системы, вполне соответствуетъ представленію объ ихъ прочности. Петръ Рамусъ конечно не единственная жертва этой вражды школь, которая немного чѣмъ уступала враждѣ церквей, и если не сопровождалась такимъ количествомъ пролитой крови, то лишь потому, что рука свѣтской власти была здѣсь гораздо менѣе заинтересована. И поразительна здѣсь вообще аналогія съ развитіемъ вѣрованій: новая мысль, которая освѣщаетъ необычнымъ свѣтомъ всю научную систему, является сначала какъ дерзкій вызовъ установившемуся догматизму; новаторъ имѣетъ обликъ разрушителя. Но проходятъ десятилѣтія, и эта мысль, вошедшая, такъ сказать, внутрь данной научной системы, сама обращается въ догматъ; направленіе, которое свои права строило на

правѣ всеиспытующаго разума, на правѣ сомнѣнія, уже аппелируетъ совсѣмъ къ другимъ началамъ. Экономическій матеріализмъ, можно сказать, революціонизировалъ историческое мышленіе, но какъ скоро превратился онъ въ застывшую догматическую систему, отстаиваемую со всей консервативной косностью.

Съ перваго взгляда кажется, что все это вовсе не имѣетъ прямого отношенія къ нетерпимости. Развѣ невозможно сознавать себя обладателемъ истины и въ то же время относиться къ другимъ, ея лишеннымъ, съ полнымъ уваженіемъ и симпатіей, ни въ чемъ не стѣснять проявленій ихъ мысли и чувства? Развѣ вѣрующій католикъ, въ глазахъ котораго нѣтъ спасенія людямъ внѣ его вѣроисповѣднаго общества, не можетъ поддерживать близкія и добрыя отношенія съ людьми другихъ исповѣданій. Конечно, здѣсь нѣтъ абсолютной невозможности, но здѣсь есть чрезвычайная психологическая трудность, и она безъ сомнѣнія тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе самая истина. Два филолога спорятъ о достовѣрности ранней римской традиціи; оба могутъ быть абсолютно убѣждены въ своей правотѣ и неправотѣ другого, но они все-таки не будутъ предполагать, что окружающій ихъ міръ погибнетъ, если истинный взглядъ на римскихъ царей, на Кориолана и Мененія Агриппу, не восторжествуетъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда рѣчь идетъ объ истинахъ, такъ сказать, обязательныхъ для спасенія человѣка и общества. Достаточно себѣ представить мышленіе и чувствованіе того, кто твердо убѣжденъ, что отвергающіе данное положеніе готовятъ себѣ вѣчную гибель. Какъ легко здѣсь создается настроеніе, диктующее: *com-pelle intrare* въ смыслѣ, придаваемомъ этимъ словамъ католической церковью. Ужели небольшое насиліе—такое зло, когда заблудшему грозитъ безконечная, беспросвѣтная мука? Тотъ, для кого Страшный судъ Орканьи или Микель Анджело не художественные символы, а страшная реальность, можетъ ли быть терпимымъ? И, наконецъ, развѣ Божество караетъ за заблужденіе вѣчными

муками, не показывает ли оно пути къ человѣческому правосудію!

Мы знаемъ, какое роковое значеніе для развитія нетерпимости въ христіанствѣ имѣла реформа IV вѣка, превратившая его въ государственную религію. Здѣсь была объективная историческая необходимость и оплакивать ее бесплодно, но самый фактъ несомнѣненъ: какое разстояніе отдѣляетъ Минуція Феликса отъ Фирмикуса Матерна! Какъ далеки главы Codex Theodosianus, посвященныя положенію церкви въ государствѣ, настроенію въ ранней христіанской общинѣ. Надо однако сознаться, что болѣе глубокий анализъ открываетъ въ церкви и у ея мыслителей психологическія состоянія, дающія благопріятную почву для развитія нетерпимости. Достаточно указать на Тертуліана.

Онъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ защитниковъ религіозной терпимости, къ которой онъ апеллируетъ, отстаивая право своихъ единовѣрцевъ жить въ Имперіи, не подвергаясь преслѣдованію. Но достаточно прочесть его страницы, посвященныя изображенію вѣчныхъ мученій невѣрныхъ, достаточно понять эту пламенную ненависть къ язычеству, и мы несомнѣнно увидимъ, насколько глубочайшія основы міросозерцанія Тертуліана направлены не въ сторону терпимости, и если бы онъ жилъ въ IV или V вѣкѣ, конечно его голосъ не звучалъ бы диссонансомъ въ общемъ хорѣ. Онъ не училъ бы иначе, чѣмъ величайшій выразитель христіанскаго міросозерцанія этой эпохи, блаженный Августинъ.

Намъ могутъ указать на новѣйшій католицизмъ, который часто въ борьбѣ со свѣтской властью апеллируетъ къ „правамъ человѣка и гражданина“ и къ общей свободѣ—свободѣ совѣсти, слова, преподаванія. Конечно, здѣсь совершилось приспособленіе къ новымъ условіямъ гражданской жизни и конституціоннаго строя, при которыхъ церковь не можетъ уже пользоваться особымъ покровительствомъ государственной власти, а принуждена опираться на общественное и народное сочувствіе, завоевывать это сочувствіе. Либерально-католическая школа Лакордера, Манта-

ламбера и др. могла искренно вѣрить въ примиреніе политической свободы и католицизма, противорѣчіе между его принципами и самымъ духомъ новой свободы оставалось.

Въ этомъ смыслѣ откровенная формула французскаго клерикальнаго публициста Вельо, обращенная къ представителямъ „свѣтскаго духа“ (*esprit laïque*), „мы просимъ у васъ свободы, такъ какъ она въ вашихъ принципахъ; мы отказываемъ въ ней вамъ, такъ какъ она не въ нашихъ принципахъ“, никогда не могла быть вполнѣ опровергнута либеральными католиками, какъ они не могли ослабить значенія знаменитаго силлабуса Пія IX, этого *sedeo* религиозной нетерпимости, какъ они не могли затушевать смысла провозглашенія на Ватиканскомъ соборѣ догмата папской непогрѣшимости.

Конечно, окружающая атмосфера гражданской и политической свободы не можетъ не отражаться на самомъ содержаніи современнаго католическаго міровоззрѣнія; приспособленіе происходитъ не только внѣшнее, но и внутреннее, и въ сознаніи современнаго католика ученіе о единоспасающей церковной истинѣ не можетъ уже приниматься во всей средневѣковой безпощадности.

Въ духовную жизнь католическаго міра введены эти противоположныя начала, но мы можемъ быть увѣрены, что истинная терпимость не будетъ для него возможна пока не разрушится представленіе о томъ, что внѣ данныхъ традиціонныхъ положеній человѣкъ осужденъ на гибель. Такое глубокое внутреннее измѣненіе мы видимъ въ протестантизмѣ XIX вѣка, который, конечно, въ меньшей мѣрѣ опирается на библейскую критику и новую религиозную философію, чѣмъ на Лютера и Кальвина.

И здѣсь область религіи не есть единственная и исключительная. Съ точки зрѣнія ортодоксальной социаль-демократіи матеріалистическій взглядъ на развитіе человѣческихъ обществъ есть обязательное условіе для признанія ея практическихъ идеаловъ. Могутъ ли социаль-демократы, признающіе единый вѣрный путь къ полному человѣческому

счастью, видящие въ несогласныхъ съ собою—людей, которые задерживаютъ освобожденіе человѣчества отъ страданій и неволи—могутъ ли они относиться съ дѣйствительной терпимостью? Какъ сильно искушеніе сдѣлать людей счастливыми, хотя бы и помимо ихъ воли! Только представивъ себѣ эту убѣжденность социаль-демократіи въ теоретической достовѣрности и практической безконечной важности ея положеній, мы можемъ понять и этотъ такъ непріятно поражающій партійный фанатизмъ. Только тогда можно вскрыть психологическую подкладку этой борьбы противъ Бернштейніанства, социальнаго реформизма и т. д. Только тогда мы поймемъ это чрезвычайное ожесточеніе, которое въ глазахъ идеологовъ партіи возбуждаютъ даже чисто отвлеченныя теченія мысли, вродѣ теоріи потребительной цѣнности, разъ они грозятъ предпосылкамъ этой партійной идеологіи.

Конечно, здѣсь очень многое зависитъ отъ степени, но все-таки какъ общее правило остается то положеніе, что догматизмъ,—тяготѣніе къ нему благоприятно развитію духа нетерпимости. Какъ бы ни доказывалось и ни признавалось право человѣка заблуждаться, но разъ область истины и заблужденія раздѣлены абсолютной гранью, разъ между полнымъ свѣтомъ и полнымъ мракомъ нѣтъ переходовъ, у человѣка всегда остается стремленіе воздѣйствовать достаточно энергичными мѣрами на себѣ подобныхъ, дабы заставить ихъ принять истину. Онъ всегда бы могъ ссылаться на аргументы отъ принципа общаго блага, которые обладаютъ, надо это признать, значительной соблазнительностью.

Тотъ, кто захотѣлъ бы бороться въ защиту терпимости, долженъ былъ бы направить свои удары прежде всего на умственный догматизмъ, на соблазнъ обладанія монополевой истиной. Это одинъ изъ самыхъ пагубныхъ теоретическихъ и противообщественныхъ практическихъ соблазновъ.

Нетерпимость развивается не только на почвѣ догматическаго фанатизма. Мы знаемъ въ исторіи другой типъ людей, которые ни мало не вѣрятъ въ объективную истину вообще, въ глазахъ которыхъ различныя вѣрованія и раз-

личныя міросозерцанія одинаково условны, которые знаютъ въ этомъ вопросѣ лишь критерій цѣлесообразности, но которые во имя этого критерія цѣлесообразности не останавливались ни передъ какими насиліями. И въ самомъ дѣлѣ, какія особыя права имѣеть человѣческая личность въ исканіи истины, если самая цѣль совершенно обманчива.

Гораздо лучше отобразить ту совокупность идей, которыя могутъ внѣдриться въ данное общество съ пользой для него и сдѣлать ихъ обязательнымъ такъ сказать міросозерцаніемъ. Мысль объ этой обязательности оскорбительна лишь до тѣхъ поръ, пока мы вѣримъ въ объективную истину; которой здѣсь приходится жертвовать подъ внѣшнимъ давленіемъ, но разъ ея нѣтъ, какой критерій тогда остается, кромѣ большей или меньшей полезности? Одинъ будетъ преслѣдовать извѣстное умственное направленіе въ своекорыстныхъ цѣляхъ, другой для блага самихъ преслѣдуемыхъ, но и здѣсь и тамъ высшимъ началомъ являются вовсе не истинность и ложность.

Мы знаемъ, какъ полный религиозный индифферентизмъ соединяется съ неменѣ жестокой нетерпимостью, чѣмъ самый цѣльный фанатизмъ. Не даромъ система организованной борьбы съ ересью, какъ она развилась во вторую половину среднихъ вѣковъ, восходитъ столько же къ законамъ великаго скептика императора Фридриха II какъ и къ дѣятельности его враговъ—папъ. Наиболѣе яркое теоретическое обоснованіе и оправданіе этой связи скептицизма и нетерпимости мы находимъ у Гоббса. Онъ въ сущности примѣняетъ къ области познания и вѣрованія то, что традиція римскаго права выставила относительно законовъ: *quod principi placuit legis habet vigorem*; для Гоббса истина есть то, что признаетъ за таковую верховная власть. Его перечисленіе „*seditiosae opiniones*“ можетъ быть смѣло поставлено на одну доску съ католическими силлабусами и индексами, но оно не имѣетъ въ дѣйствительности того возмутительнаго характера лицемѣрія, которое кажется ему присущимъ, именно потому, что Гоббсъ и не скры-

ваетъ своего совершеннаго скептицизма: то, чего онъ требуетъ отъ гражданина въ интересахъ государственнаго спокойствія и порядка духовнаго подчиненія, вовсе и не есть жертва, ибо все, выходящее за предѣлы непосредственнаго опыта, одинаково мало достовѣрно. Странная нетерпимость Огюста Конта, его рѣзко враждебное отношеніе ко всякой самобытной индивидуальной умственной работѣ питалось обоими источниками, и его догматическимъ позитивизмомъ, и его полнымъ скептицизмомъ въ области того, что выходитъ за предѣлы позитивнаго мышленія.

Эта нетерпимость, рождающаяся изъ невѣрія въ истину, особенно свойственна людямъ, которые волею судьбы близко стоятъ къ жизни государственнаго механизма и оказываются, такъ сказать, загипнотизированными „государственной необходимостью“ (*raison d'état*). Психологически безконечно труднѣе отстаивать ограниченія, поставленныя усиліями человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, если вѣрить въ возможную плодотворность этихъ усилій. Вотъ отчего среди самыхъ пламенныхъ защитниковъ такъ называемыхъ охранительныхъ началъ „есть такъ много людей, которые одинаково мало вѣрятъ и въ охранительныя, и во всякія другія начала“. Психологія выдающихся представителей реакціи первой половины XIX вѣка намъ болѣе извѣстна изъ оставшагося біографическаго и прочаго матеріала; мы совершенно ясно видимъ, какъ сильна была скептическая основа, напр., у Метерниха. Когда-нибудь съ этой стороны мы, быть можетъ, ближе узнаемъ дѣятелей русской реакціи какъ Катковъ и Побѣдоносцевъ.

И когда Филиппъ II на свободолобивыя предложенія Маркиза Позы отвѣчаетъ замѣчаніемъ о неисправимой мечтательности этого сорта людей, онъ является въ гораздо большей степени служителемъ „государственной необходимости“, для котораго мысли дѣлятся на полезныя и вредныя, а не на истинныя и ложныя, чѣмъ представителемъ догматическаго фанатизма. Но такой служитель государственной необходимости охотно подастъ руку самому без-

пощадному фанатику - изувѣру; въ нужную минуту онъ сумѣетъ использовать всю его ожесточенную нетерпимость противъ „еретиковъ“. Мы знаемъ, какъ идеей государственной церкви одинаково дорожили и защитники теократическаго единомыслія, и сторонники государственнаго абсолютизма. То же самое мы видимъ вообще, когда дѣло идетъ о духовномъ управленіи человѣческими обществами. Въ этомъ смыслѣ непревзойденнымъ остается образъ величайшаго скептика, „великаго инквизитора“, который далъ Достоевскій.

Конечно; скептицизмъ является въ чрезвычайно разнообразныхъ психологическихъ сочетаніяхъ; онъ можетъ сопровождаться извѣстнымъ чувствомъ состраданія къ человѣческому безсилію, или добродушной ироніей.

Скептикъ и Лука въ „На днѣ“ Горькаго, и этотъ скептицизмъ не мѣшаетъ ему во имя пользы культивировать человѣческія заблужденія, выставляя ихъ за подлинную истину. Но всегда опасна утрата вѣры въ силу человѣческаго духа, утрата уваженія къ нему; гдѣ найти другой источникъ терпимости? Ренанъ предлагалъ какому-нибудь европейскому миллионеру устроить фальшивое чудо на горѣ Сафедъ: организаторъ его могъ бы быть свидѣтелемъ, какъ создается новая религія, какъ люди изъ-за нея проливаютъ кровь и размышлялъ бы о человѣческой глупости и человѣческомъ простодушіи.

Если дѣйствительно вся исторія вѣрованій объясняется такими умышленными или неумышленными операціями, какую цѣну имѣетъ религіозное чувство? И если бы миллионеръ Ренана послѣ своего эксперимента сдѣлался руководителемъ судьбы какого-нибудь человѣческаго общества, онъ имѣлъ бы довольно мало мотивовъ заботиться объ обезпеченіи свободы совѣсти и навѣрное, познавшій на опытѣ какую цѣну имѣетъ эта свобода, гораздо выше ея ставилъ бы „государственную необходимость“.

Если эти два противоположных полюса—абсолютный догматизмъ и абсолютный скептицизмъ—одинаково благоприятствуютъ развитію нетерпимости, то мы должны ожидать, что терпимость прививается преимущественно на почвѣ промежуточныхъ психологическихъ состояній. И это апріорное предположеніе вполнѣ подтверждается анализомъ дѣйствительности.

Въ той духовной атмосферѣ, въ которой живетъ современное человѣчество, есть идея, явившаяся результатомъ научнаго развитія и глубоко запечатлѣвшаяся въ мышленіи людей, которые въ какой бы то ни было мѣрѣ были причастны этому развитію: я понимаю идею относительно-сти знанія. Эта идея въ сущности говоря представляетъ выработанный наукой палладіумъ и противъ застывшаго догматизма, и противъ бесплоднаго скептицизма. Она приучаетъ насъ понимать познаніе истины динамически. Никакой индивидуумъ и никакая эпоха не могутъ представлять себя монополистами истины; истина сегодняшняго дня не была таковой вчера и, быть можетъ, не будетъ ею завтра. Но въ то же время здѣсь не происходитъ простой калейдоскопической смѣны взаимносмѣняющихся заблужденій. Здѣсь есть несомнѣнное поступательное движеніе. Поле человѣческой мысли расширяется, ея методы становятся отчетливѣе и тоньше. Безъ сомнѣнія познаніе всегда фрагментарно, и предѣлы, которые открываютъ намъ опыты и теорія познанія, не могутъ быть перейдены, пока человѣкъ есть человѣкъ, но и въ этихъ предѣлахъ дается безконечно много ищущему и испытующему уму.

Человѣкъ, воспитанный на этой идеѣ, конечно, никогда не будетъ представлять людей, раздѣляющихъ его воззрѣнія и людей несогласныхъ, какъ царство Ормузда и Аримана.

Онъ знаетъ, какъ измѣнчива, тонка и трудно уловима та грань, которая отдѣляетъ истину отъ заблужденія. Лучшая гарантія достиженія первой—это ея добросовѣстное исканіе; лучшее средство облегчить такое добросовѣстное исканіе—это упрочить полную свободу, полную терпимость.

Онъ знаетъ, что лишь только въ этой атмосферѣ, свободной отъ подозрительности и ненависти, чистые мотивы стремленія къ истинѣ получаютъ наибольшую силу. И это же самое чувство, конечно, удаляетъ его отъ индифферентизма, ибо исторія не есть простая фантазмагорія мысли, она есть наростаніе новыхъ цѣнностей. Въ концѣ-концовъ на почвѣ относительности знанія создается представленіе объ общечеловѣческой умственной солидарности, о преемственной работѣ поколѣній, которая связываетъ современную астрономію съ тѣми, кто на берегахъ Тигра и Евфрата за много тысячъ лѣтъ до нашей эры сдѣлалъ наблюденіе надъ звѣзднымъ небомъ. Это творчество не индивидуальное, а коллективное, творчество, можно сказать, всего человѣческаго рода; такая мысль создаетъ въ человѣкѣ истинную потребность въ терпимости. И, несомнѣнно, тотъ, кто прямо или косвенно своими научными трудами или философскими обобщеніями внѣдрялъ эту идею въ сознаніе обществъ, оказалъ великую услугу дѣлу терпимости.

Другой принципъ, еще болѣе широкій и также находящійся въ тѣснѣйшей связи съ ростомъ терпимости, это принципъ безконечности и многообразія истины, безконечности тѣхъ аспектовъ, подъ которыми она является. Эта мысль лучше всего излѣчиваетъ отъ догматической гордости, отъ притязаній обладать абсолютной истиной, отъ замкнутости школы. Какъ ограничено откровеніе бытія, являемое каждому человѣку и какъ оно несоизмѣримо со всей полнотой его; тотъ, кто не понимаетъ этого, еще находится во власти антропоцентрическаго взгляда.

Наконецъ, здѣсь мы научаемся цѣнить безконечное разнообразіе тѣхъ отношеній, въ которыя можетъ стать индивидуумъ къ цѣлому; мы научаемся здѣсь той столь часто забываемой истинѣ, что нѣтъ противорѣчія между положительнымъ знаніемъ и метафизическимъ воззрѣніемъ, нѣтъ противорѣчія между ними и религиознымъ воспріятіемъ міра—ибо здѣсь дается рядъ началъ, связующихъ человѣка съ различными сторонами бытія.

Насколько такое пониманіе благоприятно развитію терпимости, мы всего яснѣ видимъ, когда сравниваемъ его съ противоположнымъ міросозерцаніемъ, имѣющимъ и въ настоящее время немало послѣдователей, исповѣдующихъ его, почти какъ религіозную догму—монизмомъ. Разъ единство не является здѣсь регулятивнымъ принципомъ, а опредѣляетъ самое содержаніе міросозерцанія, разъ въ жертву единству приносятся всѣ неизбѣжныя дисгармоніи человѣческаго духа, разъ провозглашается законность лишь какого-нибудь одного отношенія человѣка къ міру—опять съ неизбѣжностью рождается догматизмъ и осужденіе несогласно мыслящихъ. Это одна изъ самыхъ опасныхъ сторонъ въ господствѣ подобнаго міросозерцанія. И, наоборотъ, чѣмъ яснѣ человѣкъ представляетъ всю несоизмѣримость своихъ способностей съ содержаніемъ мірового цѣлаго и въ то же время все величіе самого акта сознанія, тѣмъ больше онъ подготовленъ къ выполненію великой заповѣди терпимости.

И это имѣетъ особенное значеніе въ области религіозной. Въ сущности говоря лишь на почвѣ признанія несоизмѣрности историческихъ религіозныхъ формъ и исповѣданій и безконечнаго ихъ объекта—возможно сочетаніе глубочайшей религіозной жизни съ полной терпимостью. Шлейермахеръ проникательно вѣрно поставилъ проблему, когда онъ увидѣлъ сущность ея въ чувствѣ, проникающемъ самыя разнообразныя формы поклоненія божеству, когда онъ показалъ глубочайшую близость, соединяющую, не смотря на все внѣшнее несходство, съ христіанствомъ Спинозу. Но онъ остановился, быть можетъ, слишкомъ на индивидуально психологической сторонѣ. Та громадная работа научной мысли, которая открываетъ намъ все многообразіе связей между „язычествомъ“ и „христіанствомъ“, которая открываетъ поразительныя параллели іудаизма и ассириававилонской культуры, которая возсоздаетъ цѣльность религіознаго процесса въ человѣчествѣ,—эта работа, безъ сомнѣнія, не можетъ остаться безъ вліянія на измѣненія въ

самой религіозной психологіи. „Унаслѣдованныя цѣнности“ здѣсь не разрушаются, а углубляются и сплетаются съ новыми завоеваніями человѣческаго духа. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ говорить сердцу безсмертныя слова Фауста:

„Wer darf ihn nennen
 Und wer bekennen:
 Ich glaub ihn.
 Wer empfinden
 Und sich unterwinden
 Zu sagen: ich glaub ihn nicht?
 Der Allumfasser,
 Der Allerhalter,
 Fasst und erhält er nicht
 Dich, mich, sich selbst?“

Тогда тѣ формы общенія, которыя намъ кажутся условными и искусственными, вродѣ „конгрессовъ религій“—общенія между всѣми, которыя въ разнообразномъ временномъ служатъ Единому Вѣчному, тогда они станутъ великой, мощной потребностью, и старый религіозный фанатикъ сдѣлается психологически невозможнымъ.

Мы брали только интеллектуальную область, но, конечно, терпимость опредѣляется не одною ею; она плодъ не только тѣхъ или другихъ умственныхъ навыковъ, привычекъ, точекъ зрѣнія. Не меньшую роль здѣсь играетъ, конечно, тотъ разнообразный строй чувствованій, которымъ опредѣляется отношеніе человѣка къ ему подобнымъ. На фонѣ одинаково цѣльнаго, если угодно, догматическаго міросозерцанія средневѣковый католицизмъ произвелъ и апостола великой любви Франциска, и апостола фанатической ненависти Доминика. Оба были совершенно одинаково убѣждены, что ни одинъ человѣкъ не можетъ найти спасенія внѣ путей, указанныхъ церковью. Доминикъ, въ своихъ выводахъ дошелъ здѣсь до конца; онъ посвятилъ себя дѣлу организаціи искорененія гибельныхъ заблужденій—дѣлу, ко-

торое было для него связано съ существованіемъ христіанскаго общества. Францискъ думалъ, что никакое заблужденіе, никакая ересь не можетъ устоять передъ безконечной любовью, разлитой въ міръ, любовью, которая родственна міровой красотѣ и восходитъ къ источнику всякой истины—Богу. Онъ воспѣвалъ солнце и мѣсяцъ, день и ночь, людей и міръ животныхъ тварей, жизнь и смерть и думалъ, что душа, занятая этими чувствами, сама уйдетъ отъ ереси—и только, организуя свое братство, онъ какъ бы нехотя указалъ на возможность упорной ереси, которая все-таки можетъ проникнуть туда и на вопросъ, какъ поступить тогда, онъ отвѣтилъ вполнѣ въ духѣ своихъ покровителей, папы Иннокентія III и Григорія IX.

И развѣ, переходя къ современной эпохѣ, мы не видимъ постоянно этого страннаго сочетанія умственнаго крайняго и исключительнаго догматизма съ той душевной мягкостью, которая позволяетъ протягивать братскую руку и иначе мыслящему?

Это уже другая область, не менѣе, конечно, необходимая для того, кто хочетъ быть апостоломъ и проповѣдникомъ этой рѣдкой добродѣтели. Онъ научится здѣсь тому, что прежде всего онъ долженъ возвѣщать вѣру въ человѣческое достоинство и состраданіе къ человѣку и что эти чувства вполнѣ совмѣстимы съ глубокой безпощадной нетерпимостью къ пороку и злу. Ибо терпимость, а не холодное равнодушіе, предполагаетъ признаніе этого достоинства въ другомъ и чувство связи съ нимъ. И отъ холоднаго высокомерія, которое готово постоянно повторять: *percat mundus, fiat veritas*—считая *veritas* за свою собственность, излѣчиваетъ не только болѣе широкая философія, но и непосредственно пробужденная доброта. И эта послѣдняя гораздо способнѣе дать человѣческому обществу искомое „моральное единство“, чѣмъ всевозможные обязательные символы духовнаго или свѣтскаго исповѣданія.

С. Котляревскій.

2 Бернардь Мандевилъ и его „Басня о пчелахъ“.

(Окончаніе) ¹⁾.

Считая себялюбіе главнымъ двигателемъ человѣческой дѣятельности и самымъ сильнымъ орудіемъ прогресса вообще, Мандевилъ естественно долженъ былъ враждебно относиться къ мыслителю, который альтруизмъ разсматривалъ какъ неотъемлемую и изначальную принадлежность человѣческой природы. Мы разумѣемъ Шефтсбѣри. Въ своихъ сочиненіяхъ Мандевилъ не разъ противопоставляетъ свои воззрѣнія взглядамъ упомянутаго моралиста. Наиболѣе цѣнныя въ этомъ отношеніи мѣста находятся въ трактатѣ Мандевила подъ заглавіемъ „Изысканіе о природѣ общества“. „Этотъ благородный писатель (Шефтсбѣри) говоритъ тамъ, между прочимъ, Мандевилъ, воображаетъ, что человѣкъ, разъ онъ созданъ для соціальной жизни, долженъ родиться съ естественнымъ влеченіемъ къ цѣлому, часть котораго онъ составляетъ, и съ склонностью искать блага этого цѣлаго. Исходя изъ этого предположенія, онъ каждое дѣйствіе, совершаемое въ интересахъ общаго блага, называетъ добродѣтельнымъ, а всякій эгоизмъ, всецѣло исключаяющій такое отношеніе, именуетъ порокомъ. Въ отношеніи къ людямъ онъ разсматриваетъ добродѣтель и порокъ какъ постоянныя реальности, которыя должны оставаться неизмѣнными во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, и воображаетъ, что человѣкъ здороваго ума, слѣдуя только правиламъ здраваго

¹⁾ Вопросы Философій, кн. 86.

смысла, не только можетъ находить это „прекрасное и честное“ (pulchrum et honestum) въ нравственности и въ произведеніяхъ искусства и природы, но можетъ управлять собой при помощи своего разума такъ же легко и удобно, какъ умѣлый всадникъ при помощи узды управляетъ хорошо выѣзженной лошадыю“ ¹⁾. „Но всякій внимательный читатель этой книги, продолжаетъ Мандевилъ, скоро замѣтитъ, что нѣтъ двухъ системъ болѣе противоположныхъ, чѣмъ моя и лорда. Я признаю его понятія благородными и утонченными: они являются высокимъ комплиментомъ для человѣческой природы и способны, при содѣйствіи небольшого энтузіазма, внушить намъ самыя благородныя чувства относительно достоинства нашей возвышенной природы, но какая жалость, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и я не пошелъ-бы такъ далеко, если бы почти на всякой страницѣ этого трактата не пытался доказать, что прочность ихъ не согласуется съ нашимъ повседневымъ опытомъ“. ²⁾ Въ своихъ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ по поводу возрѣній Шефтсбѣри Мандевилъ старается яснѣ вскрыть иллюзорность понятій „прекраснаго и истиннаго“, поскольку эти концепціи разсматриваются какъ нѣчто универсальное и общеобязательное. „Погоня за этими концепціями (какъ реальными), замѣчаетъ онъ между прочимъ, не лучше, чѣмъ всякое несбыточное и безумное предпріятіе“ ³⁾. Опытъ, по мнѣнію Мандевила, наоборотъ, обнаруживаетъ постоянную измѣнчивость этихъ концепцій, подобно нѣкоторымъ другимъ принципамъ, которые также несправедливо считаютъ неизмѣнными. „Главная цѣль, которую я преслѣдовалъ въ этомъ сочиненіи ⁴⁾, заключается въ томъ, чтобы доказать, что „pulchrum et honestum“, преимущественно и дѣйствительно цѣнное изъ всѣхъ

1) Mandeville. A search into the nature of society. The fable of bees. I, p. 371—372.

2) Ib., p. 372.

3) Ib., p. 380.

4) A search into the nature of society.

вещей, большею частью такъ же непрочны и измѣнчивы, какъ это можно сказать относительно модъ и обычаевъ, что, слѣдовательно, заключенія, выведенныя изъ ихъ предполагаемой достовѣрности, не имѣютъ значенія, и благородныя понятія о природныхъ добрыхъ качествахъ человѣка являются вредными, такъ какъ они ведутъ по ложной дорожкѣ и только химеричны: справедливость этого я иллюстрировалъ самыми очевидными примѣрами изъ исторіи. Я говорилъ о нашей любви къ обществу и объ отвращеніи къ одиночеству, насквозь изслѣдовалъ разнообразныя мотивы этихъ стремленій и показалъ, что всѣ они коренятся въ эгоизмѣ.“¹⁾

Приблизительно то же самое Мандевилъ говоритъ и въ своихъ „Диалогахъ“, при чемъ онъ здѣсь указываетъ на враждебность основныхъ принциповъ Шефтсбѣри самому духу христіанства и, наоборотъ, пытается показать, что его собственныя воззрѣнія могутъ содѣйствовать только укрѣпленію основъ христіанской религіи. „Я согласенъ съ вами, говоритъ Мандевилъ устами Клеомена въ шестомъ діалогѣ, что онъ (Шефтсбѣри) былъ ученый человѣкъ и изящный писатель, обнаружилъ богатое воображеніе и тонкость мысли, писалъ изящно и сильно. Но если, съ одной стороны, нужно признать, что его чувства относительно свободы и гуманности были благородны и возвышены и что нѣтъ ничего пошлаго или вульгарнаго въ „Характеристикахъ“, то съ другой стороны нельзя отрицать, что его идеи о добрыхъ и превосходныхъ качествахъ нашей природы были настолько же романтическими и химерическими, насколько онѣ являлись красивыми и привлекательными. Онъ слишкомъ сильно старался соединить двѣ противоположности, которыя никогда не могутъ быть примирены—невинность въ сферѣ нравовъ и то, что считается великимъ въ свѣтѣ. Въ интересахъ достиженія этой цѣли онъ оказывалъ содѣйствіе деизму, и подъ видомъ бичеванія папизма и суевѣрія онъ нападалъ на самую біблію. Наконецъ, под-

¹⁾ Id., p. 394—395.

вергая насмѣшкѣ нѣкоторыя мѣста Священнаго Писанія, онъ, повидимому, старался подкопать основанія откровенной религіи, намѣреваясь утвердить, на развалинахъ христіанства, языческую добродѣтель“¹⁾. Наоборотъ, авторъ „Басни о пчелахъ“, показавши человѣка самому себѣ въ различномъ освѣщеніи, прямо приводитъ къ необходимости не только откровенія и вѣры, но и практической стороны христіанства. Этого достигаетъ онъ, съ одной стороны, обнаруженіемъ суетности міра и самыхъ утонченныхъ его наслажденій, съ другой—убѣжденіемъ въ недостаточности человѣческаго разума и языческой добродѣтели для достиженія истиннаго счастья“²⁾.

IV.

„Басня о пчелахъ“ обратила на себя вниманіе при самомъ своемъ появленіи, и интересъ къ этому произведенію не ослабѣлъ и послѣ того, какъ это сочиненіе было переиздано въ значительно увеличенномъ объемѣ, въ видѣ двухтомнаго произведенія, заключающаго въ себѣ, кромѣ текста самой „Басни“, цѣлый рядъ трактатовъ и упомянутые діалоги. Еще при жизни автора мы встрѣчаемъ нѣсколько сочиненій, направленныхъ противъ „Басни о пчелахъ“. Произведенія этого рода обыкновенно касаются не одного Мандевила, но и его антипода во многихъ отношеніяхъ—Шефтсбѣри. Особенно это нужно сказать объ извѣстномъ произведеніи Беркли „Алсифронъ или мелкій философъ“, второй діалогъ котораго посвященъ именно Мандевилю (третій діалогъ направленъ противъ Шефтсбѣри)³⁾. Специально Мандевила имѣетъ въ виду памфлетъ Лоу (Law), появившійся нѣсколько раньше (1724 г., Remarks on the fable of bees). Снова обоихъ мыслителей (т.-е. Мандевила и Шефтсбѣри) касается „Опытъ относительно „Характеристикъ“

1) Mandeville. The fable of bees, v. II, p. 432.

2) Id. p. 431.

3) Появился въ 1732 г.

д-ра Брауна, вышедшій уже послѣ смерти Мандевиля (въ 1751 г.). Но еще раньше взгляды обоихъ мыслителей сопоставляются въ извѣстномъ сочиненіи Гетчеста „Исследование объ источникѣ нашихъ идей красоты и добродѣтели“, вышедшемъ въ 1725 году. Но мы въ настоящее время не будемъ входить въ разборъ этой полемики, тѣмъ болѣе что она въ значительной степени носитъ субъективный характеръ ¹⁾,—мы остановимся только на замѣчаніяхъ по поводу главнѣйшихъ принциповъ Мандевиля, высказанныхъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ смерти этого писателя знаменитымъ творцомъ политической экономіи Адамомъ Смитомъ. Мы разумѣемъ его сужденіе о Мандевилѣ, которое находится въ его сочиненіи „Теорія нравственныхъ чувствъ“, вышедшемъ въ 1759 г. А. Смитъ говоритъ о Мандевилѣ въ главѣ подъ названіемъ „О системахъ слишкомъ свободныхъ въ нравственномъ отношеніи“.

Изложивъ основные принципы Мандевиля, А. Смитъ указываетъ причину той парадоксальности, которая невольно бросается намъ при чтеніи „Басни о пчелахъ“. „Большая ошибка книги Мандевиля, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что онъ старается представить каждый аффектъ (passion) совершенно порочнымъ, между тѣмъ какъ аффектъ бываетъ таковымъ въ извѣстной степени и въ извѣстномъ направленіи. Поэтому онъ считаетъ суетностью все, что имѣетъ отношеніе—или должно имѣть—къ чувствамъ другихъ, и при помощи такой софистики онъ устанавливаетъ благоприятное для себя заключеніе, что пороки частныхъ лицъ являются общественнымъ благодѣяніемъ“ ²⁾. Далѣе, А. Смитъ пытается найти источникъ для такового именно толкованія эмоциональной стороны человѣческой природы. „Нѣкоторыя популярныя аскетическія доктрины, распространенныя въ эпоху, предшествующую жизни Мандевиля и видѣвшія сущ-

¹⁾ Подробный обзоръ литературы, направленной противъ „Басни о пчелахъ“, можно найти въ монографіи Сакманна (Sakmann) Bernard de Mandeville und Bienenfabel—Controverse. Freiburg i. B. 1897, S. 192—278.

²⁾ A. Smith. The theory of moral sentiments 6 ed. London, 1790, v. II. p. 317.

ность добродѣтели въ искорененіи всѣхъ нашихъ аффектовъ, были истиннымъ основаніемъ для этой свободной системы. Мандевилю было легко доказать, во-первыхъ, что полная побѣда въ томъ отношеніи никогда не имѣла мѣста между людьми, и во-вторыхъ, что универсальность такой побѣды была бы гибельна для общества, полагая конецъ всякой промышленности и торговлѣ и, нѣкоторымъ образомъ, всей работѣ человѣческой жизни. Первымъ изъ положеній онъ, повидимому, доказалъ, что нѣтъ истинной добродѣтели, а то, что претендуетъ быть таковымъ, есть только ложь и клевета на человѣческій родъ, а вторымъ, что пороки отдѣльныхъ лицъ являются общественнымъ благодѣяніемъ, разъ безъ нихъ ни одно общество не можетъ успѣвать или процвѣтать ¹⁾. Высказавъ далѣе свое окончательное сужденіе о взглядахъ Мандевиля, знаменитый экономистъ отличаетъ и ту долю истины, которая, по его мнѣнію, несомнѣнно есть въ парадоксальныхъ утвержденіяхъ автора „Басни о пчелахъ“. „Какой бы разрушительной ни казалась эта система, продолжаетъ Смитъ, она никогда бы не захватила столь большого числа лицъ и не причинила бы такой большой тревоги тѣмъ, которые являются друзьями лучшихъ принциповъ, если бы она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не граничила съ истиной. Система естественной философіи можетъ показаться очень правдоподобной и долго приниматься людьми, и въ то же время она можетъ не имѣть основанія въ природѣ и „не заключать никакого сходства съ истиной“ ²⁾. Но иначе обстоитъ дѣло съ системами моральной философіи, и авторъ, претендующій объяснить намъ происхожденіе нашихъ нравственныхъ чувствъ, не можетъ такъ грубо обмануть насъ и не можетъ столь далеко уклониться отъ истины ³⁾.

Въ этомъ отношеніи авторовъ сочиненій изъ области естественной философіи можно сравнить съ путешественниками, повѣствующими объ отдаленныхъ странахъ, кото-

¹⁾ *Ib.*, p. 318—319.

²⁾ *Ib.*, p. 319—320. Таково, по мнѣнію Смита, извѣстное ученіе Декартъ о вихряхъ.

³⁾ *Ib.*, p. 320—321.

рыя мы плохо знаемъ и о которыхъ можемъ слушать нѣкоторыя преувеличенныя сообщенія. Наоборотъ, авторы моральныхъ трактатовъ похожи на повѣствователей о жизни близкихъ намъ мѣстностей, и мы быстро можемъ отличить ложь отъ истины въ ихъ рассказахъ. По отношенію къ такимъ авторамъ, по мнѣнію Смита, можно сказать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ ихъ положеній должны быть справедливы, и даже тѣ, которыя больше всего являются преувеличенными, должны имѣть нѣкоторое основаніе, иначе ложь была бы открыта и при безличномъ просмотрѣ, который мы расположены дѣлать. Авторъ, указывающій, въ качествѣ основанія какого-либо естественнаго чувства, какой-нибудь принципъ, который не имѣетъ никакой связи съ нимъ и не похожъ на другой принципъ, имѣющій такую связь, могъ бы показаться нелѣпымъ и смѣшнымъ самому неразсудительному и неопытному читателю¹⁾.

Замѣчанія А. Смита касаются почти исключительно моральныхъ воззрѣній Мандевила, между тѣмъ какъ въ охарактеризованныхъ взглядахъ автора „Басни о пчелахъ“ есть другая сторона, которая также не могла остаться безъ вліянія на крупнѣйшаго представителя политико-экономической науки въ XVIII вѣкѣ. Мы разумѣемъ именно воззрѣнія Мандевила на природу экономическихъ отношеній, поскольку объясненіе ихъ находится въ связи съ основными психологическими и политическими взглядами этого мыслителя. Эту связь нѣкоторыхъ существенныхъ положеній А. Смита съ столь парадоксальными взглядами Мандевила отмѣчалъ еще Рошеръ, указывавшій, между прочимъ, на то, что обоснованіе принципа раздѣленія труда у знаменитаго экономиста очень напоминаетъ разсужденія его предшественника, автора „Басни“²⁾. Приблизительно то же самое говорить и знаменитый авторъ „Капитала“, называющій Мандевила „честнымъ че-

¹⁾ Ib., p. 322.

²⁾ Roscher. Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre Leipzig, 1852, S. 123.

ловѣкомъ и свѣтлой головой“¹⁾. Наконецъ, Ф. А. Ланге въ своей „Исторіи матеріализма“ также указываетъ на эту связь основныхъ воззрѣній Мандевила съ нѣкоторыми важнѣйшими теченіями политической экономіи. „Я того мнѣнія, говоритъ талантливый историкъ, что теорія крайней манчестерской школы и практическая мораль учредителей и другихъ очень почтенныхъ кружковъ настоящаго общества не только лишь случайно совпадаютъ съ „Баснею о пчелахъ“ Мандевила, но исторически и принципиально вытекаютъ изъ одинаковаго источника. Если этимъ Мандевилемъ и возвышается на степень представителя великой исторической мысли, то я не имѣю ничего возразить противъ этого“²⁾. Какъ бы сильно ни были готовы протестовать противъ преувеличеній въ пресловутой баснѣ о пчелахъ Мандевила, говоритъ Ланге въ другомъ мѣстѣ, все же основное положеніе, что пороки служатъ для общаго блага, было нѣкоторымъ образомъ тайною статью просвѣщенія, которая рѣдко упоминалась, но никогда не забывалась. И ни въ какой области видимость истины не говорила такъ сильно въ пользу такого положенія, какъ именно въ области политической экономіи... Въдѣ ея стремленіе направлено съ самаго начала къ споспѣшествованію *матеріальному* народному благосостоянію, и тутъ легко предположить, что прогрессъ общества есть просто сумма всѣхъ прогрессовъ недѣлимыхъ; недѣлимое же, такъ, по крайней мѣрѣ, неоспоримо видно изъ купеческаго быта всѣхъ временъ—недѣлимое можетъ достигнуть матеріальнаго благосостоянія только безцеремоннымъ преслѣдованіемъ своихъ собственныхъ интересовъ; пусть же добродѣтель практикуется въ другихъ областяхъ, насколько это позволяютъ средства“³⁾.

Но изображеніе истиннаго характера политико-экономическихъ воззрѣній Мандевила и выясненіе его значенія въ

1) К. Марксъ. Капиталь. Перев. подъ ред. П. Струве. Спб., 1906, т. I. с. 244. 440.

2) Ф. А. Ланге. Исторія матеріализма, пер. Н. Страхова, изд. 2-е, ст. 273.

3) Ib., с. 661—662.

развитіи ученій этого типа встрѣчаетъ значительныя затрудненія съ той стороны, что генезисъ взглядовъ Мандевила въ этой области не можетъ быть вскрытъ въ настоящее время съ достаточною полнотою и убѣдительною. Ранѣе упомянутый Рошеръ справедливо отмѣчаетъ всю сложность вліяній, подъ которыми слагались взгляды, въ сферѣ народнаго хозяйства, какъ Мандевила, такъ и А. Смита ¹⁾. Намѣреваясь возвратиться къ этому вопросу въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ очерковъ, мы въ настоящее время коснемся происхожденія воззрѣній Мандевила въ другой области—именно сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу его этическихъ взглядовъ (въ широкомъ смыслѣ), поскольку послѣдніе основываются на своеобразной, ранѣе охарактеризованной психологіи.

V.

Основные воззрѣнія Мандевила въ указанной области, конечно, не могутъ считаться вполне оригинальными, и намъ нетрудно сдѣлать указанія на предшественниковъ Мандевила въ этомъ отношеніи. Прежде всего, на англійской почвѣ мы можемъ назвать знаменитаго Гоббса, котораго такъ напоминаетъ Мандевилъ и своими психологическими предпосылками, и своими этическими принципами. Здѣсь мы видимъ тотъ же пессимизмъ, то же убѣжденіе, что эгоизмъ есть основная пружина человѣческой дѣятельности, что альтруистическія побужденія совсѣмъ не являются изначальною принадлежностью нашей природы. Мы не имѣемъ доказательствъ, что Мандевилъ внимательно изучалъ Гоббса, но мы знаемъ, что основные взгляды этого мыслителя были ему извѣстны, тѣмъ болѣе что въ самыхъ сочиненіяхъ Мандевила есть ссылки на Гоббса ²⁾. Но наряду съ этимъ крупнѣйшимъ представителемъ англійской мысли мы должны назвать еще нѣкоторыхъ континентальныхъ философовъ, которые также могли вліять на разработку главнѣйшихъ воззрѣній Мандевила. Это, прежде все-

¹⁾ Roscher. Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre, S. 123.

²⁾ Напр., The fable of bees, v. II, pp. XXVIII, 195.

го, скептики XVI—XVII вв., такіе философскіе писатели, какъ Монтэнь и Бэйль. Первый жилъ гораздо раньше Мандевиля (1533—1592), а второй умеръ въ годъ появленія „Басни о пчелахъ“ (1705). Въ произведеніяхъ Мандевиля мы находимъ указанія на знакомство мыслителя съ обоими упомянутыми философами, при чемъ сочиненія Бэйля—какъ соотечественника и почти современника Мандевиля—могли быть хорошо извѣстны послѣднему ¹⁾. Но едва ли можно сомнѣваться, что самое сильное воздѣйствіе Мандевилъ испыталъ со стороны также отчасти родного себѣ писателя, французскаго уроженца, герцога Ларошфуко, автора знаменитыхъ афоризмовъ (*Reflexions et maximes morales*, 1665). Уже бѣглое знакомство съ этимъ произведеніемъ показываетъ, что основные принципы этого мыслителя слишкомъ близки къ воззрѣніямъ Мандевиля, и послѣдній привнесъ въ свои сочиненія слишкомъ мало оригинальнаго по сравненію съ своимъ французскимъ прототипомъ. Еще у Ларошфуко мы встрѣчаемъ тѣ же постоянныя утвержденія, что наши самыя возвышенныя побужденія коренятся въ нашемъ эгоизмѣ; что честолюбіе, стыдъ, тщеславіе являются главными рычагами нашей дѣятельности и что въ этихъ и подобныхъ имъ грубо-эгоистическихъ аффектахъ заключается источникъ нашихъ, повидимому, самыхъ безкорыстныхъ побужденій ²⁾. Что Мандевилъ зналъ этого писателя и что, слѣдовательно, здѣсь можетъ идти рѣчь не о логическомъ совпадении, а о генетической зависимости, это доказывается ссылками самого Мандевиля на упомянутаго мыслителя ³⁾. Наконецъ, нужно назвать еще одного мыслителя, который также, несомнѣнно, оказалъ вліяніе на Мандевиля и притомъ довольно значительное. Это извѣстный реставраторъ античнаго эпикуреизма—П. Гассенди. Мандевилъ былъ знакомъ съ сочиненіями Гассенди, какъ это можно видѣть изъ

1) Ср. *The fable of bees*, v. I, p. 180; v. II, p. 136.

2) Ср. Hasbach. *Larochefoucault und Mandeville*. *Schmoller's Jahrbuch*, B. 14, 1890, S. 11.

3) Ср. *The fable of bees*, v. I, p. 235.

собственного свидѣтельства писателя ¹⁾). При болѣе внимательномъ сравненіи взглядовъ этихъ мыслителей мы можемъ точнѣе указать точки соприкосновенія у нихъ и отмѣтить генетическую зависимость Мандевиля отъ его предшественника. Здѣсь можно упомянуть объ общемъ механическомъ или, скорѣе, натуралистическомъ міросозерцаніи обоихъ мыслителей (поскольку рѣчь идетъ о вторичныхъ причинахъ, а не о первой основѣ сушаго), о высокой оцѣнкѣ обоими философами эгоистическихъ задатковъ человѣческой природы, мысль о постепенномъ прогрессѣ человѣческаго рода—въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ (у Мандевиля) къ преданіямъ о первобытной невинности человѣка и т. п. Все это свидѣтельствуешь о близкомъ знакомствѣ англійскаго писателя съ эпикуреизмомъ, и, быть можетъ, не только съ французской реконструкціей этого направленія, а съ самимъ античнымъ эпикуреизмомъ, какъ онъ нашелъ наиболѣе яркое выраженіе въ знаменитой поэмѣ Лукреція (*De rerum natura*). По крайней мѣрѣ, пятый діалогъ Мандевиля (во второмъ томѣ „Басни о пчелахъ“), гдѣ изображается процессъ постепеннаго совершенствованія человѣческаго рода, начиная съ самыхъ начальныхъ стадій жизни, очень напоминаетъ извѣстную пятую главу поэмы.

Такимъ образомъ, работа Мандевиля создавалась подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ предшествующихъ мыслителей, и основныя концепціи, которыя мы встрѣчаемъ въ трудѣ этого писателя, далеко не могутъ быть названы оригинальными. Но тѣмъ не менѣе „Басня о пчелахъ“ носитъ значительные слѣды своеобразія, и послѣднее выражается въ оригинальной комбинаціи тѣхъ принциповъ, которые существовали раньше Мандевиля, и въ тѣхъ иллюстраціяхъ, которыя приводитъ Мандевиль для уясненія своихъ положеній. Здѣсь можно упомянуть о той рѣзкой и иногда, быть можетъ, грубой формѣ аргументовъ

¹⁾ Ср. *The fable of bees*, v. II, p. XXV.

Мандевилья, которая придаетъ характеръ парадоксальности всему сочиненію. Здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе и та особенность въ этой аргументаціи, что она оперируетъ, главнымъ образомъ, съ явленіями историко-культурными и экономическими, и на почвѣ анализа этихъ именно фактовъ авторъ пытается утвердить справедливость своего парадоксальнаго положенія, что пороки отдѣльныхъ лицъ являются необходимымъ условіемъ для процвѣтанія общества. Наконецъ, бросается въ глаза еще одна подробность: Мандевиль пытается, какъ мы видѣли, согласовать свои взгляды съ традиціонною христіанскою моралью, которая, по его мнѣнію, является совершенно неизбежною при признаніи крайняго эгоизма человѣческой природы: благодаря этому эгоизму, непреодолимому собственными силами, человѣкъ вынужденъ искать опоры въ помощи свыше. Первая изъ отмѣченныхъ особенностей, быть можетъ, имѣла для себя основаніе въ самомъ характерѣ Мандевилья, въ своеобразіи его духовнаго облика, отчасти, вѣроятно, объясняется намѣреннымъ стремленіемъ къ парадоксальности, въ цѣляхъ привлеченія большаго вниманія къ своему произведенію. Что касается второй изъ упомянутыхъ особенностей, то оцѣнка ея тѣсно связана съ опредѣленіемъ самой задачи сочиненія, которая едва ли легко можетъ быть установлена въ силу того колорита парадоксальности, который присущъ большинству аргументовъ Мандевилья. Конечно, трудно допустить, чтобы Мандевиль защищалъ порочныя проявленія сами по себѣ и даже относительно добродѣтельное состояніе считалъ недостижимымъ по существу въ условіяхъ современной культурной жизни. Равнымъ образомъ, едва ли можно принимать за чистую монету тотъ оппортунизмъ, который такъ легко предположить у этого писателя, если слишкомъ буквально понимать нѣкоторыя его отдѣльныя положенія. Такое предположеніе плохо мирится съ его идеей прогресса вообще, реальность котораго такъ часто подчеркивается Мандевилемъ. Гораздо естественнѣе допустить, что Мандевиль имѣлъ въ виду болѣе

глубокую цѣль—вскрыть тѣ противорѣчія, которыя коренились въ самомъ существѣ современной ему культуры,—показать, что при извѣстныхъ условіяхъ культурный прогрессъ неизбежно сопровождается массою отрицательныхъ явленій, которыя едва ли будутъ когда-нибудь устранены вполне. Исходя изъ этой, быть можетъ, нѣсколько пессимистической концепціи, подкрѣпляемой своеобразнымъ анализомъ человѣческой природы, Мандевилъ естественно является врагомъ того оптимистическаго міросозерцанія, яркимъ выразителемъ котораго былъ Шефтсбѣри. Оптимизмъ этотъ стремился иногда почерпать для себя подкрѣпленіе въ извѣстныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, а отсюда попытки Мандевиля показать бесполезность аргументовъ съ этой стороны, въ связи съ его стремленіемъ использовать теологическое міросозерцаніе совсѣмъ для противоположной цѣли. Аргументація на этой почвѣ является, какъ извѣстно, столь типичной не только для этой эпохи, но и для болѣе позднѣйшаго времени—въ силу своеобразныхъ условій въ развитіи религіозной жизни въ Англіи. Такимъ образомъ, замыселъ Мандевиля могъ быть гораздо глубже, чѣмъ можно предположить при бѣгломъ знакомствѣ съ сочиненіемъ. Что осуществленіе этого замысла было проведено не совсѣмъ удачно, и во всякомъ случаѣ здѣсь не было достигнуто полной убѣдительности, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Очевидны и причины этого неуспѣха. Это, прежде всего, односторонность основной психологической концепціи Мандевиля. Если эгоистическимъ задаткамъ человѣческой природы, дѣйствительно, принадлежитъ большая роль на всѣхъ стадіяхъ развитія, то въ то же время громадное значеніе выпадаетъ и на долю социальныхъ качествъ, которыя также можно считать прирожденными. Если эгоистическія склонности коренятся, главнымъ образомъ, въ инстинктѣ самосохраненія, то другой могущественный инстинктъ—сохраненія рода является основою для противоположныхъ тенденцій—симпатическихъ или альтруистическихъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Мандевилъ стоитъ въ

этомъ случаѣ на плечахъ одного изъ крупнѣйшихъ своихъ предшественниковъ—Гоббса и раздѣляетъ всѣ крайности психологическихъ представленій этого мыслителя. Дальнѣйшая ошибка Мандевила имѣетъ свое основаніе въ его одностороннемъ повиманіи культурнаго процесса, поскольку этотъ мыслитель современный ему типъ прогрессивнаго движенія считалъ вполне нормальнымъ и отвѣчающимъ законамъ культурнаго роста вообще. Едва ли можно сомнѣваться, что тѣ формы культурной жизни, которыя имѣлъ передъ глазами Мандевилъ, заключали въ себѣ множество отрицательныхъ проявленій, но отсюда еще не было основаній для категорическаго утвержденія, что этотъ культурный строй является единственнымъ и неизмѣннымъ въ своемъ существѣ и что констатируемая здѣсь отрицательная явленія составляютъ неизбѣжную принадлежность культуры на всякой стадіи. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ Мандевилемъ особенностей въ сферѣ экономическихъ и социальныхъ отношеній уже утратили или утрачиваютъ свой острый характеръ, другія болѣе тѣсно связаны съ самимъ существомъ буржуазнаго строя и могутъ быть устранены только путемъ коренной реформы этого строя—на основаніяхъ, противоположныхъ указанному типу культуры. Поэтому въ охарактеризованномъ взглядѣ Мандевила мы, съ одной стороны, можемъ видѣть недостаточно исчерпывающій анализъ культуры вообще, поскольку здѣсь одна изъ преходящихъ ея стадій принимается за абсолютную форму. Съ другой стороны, мы встрѣчаемся здѣсь, несомнѣнно, съ болѣе глубокимъ проникновеніемъ въ существо переживаемой стадіи, когда идея равноправности и принципъ справедливости въ распредѣленіи продуктовъ труда еще не получили полного признанія и не сдѣлались достояніемъ общества, еще сильно проникнутаго аристократическими тенденціями—въ ихъ самыхъ различныхъ развѣтвленіяхъ. Поскольку Мандевилъ, исходя изъ анализа этой именно формы культуры, приходитъ къ довольно пессимистическимъ выводамъ, постольку его заключенія имѣютъ для себя относительно прочныя

основанія и во всякомъ случаѣ онъ смотритъ на вещи болѣе трезво, чѣмъ его современникъ—Шефтсбѣри, съ своимъ довольно призрачнымъ оптимизмомъ. Въ этомъ отношеніи можно вполне согласиться съ извѣстнымъ историкомъ англійской философіи Л. Стивеномъ, который пытается оцѣнить вообще научное значеніе характеризуемаго мыслителя. „Съ чисто научной точки зрѣнія, говоритъ Стивенъ, Мандевилъ выше Шефтсбѣри. Онъ обязанъ своимъ превосходствомъ рѣшимости взглянуть въ лицо фактамъ, вмѣсто того, чтобы отдѣлываться пустой риторикой. Въ то время какъ Шефтсбѣри презрительно отвергаетъ теорію первобытной дикости человѣка, какъ несогласную съ понятіемъ дѣйствующаго по извѣстному плану провидѣнія, Мандевилъ предвосхищаетъ, во многихъ отношеніяхъ, взгляды новѣйшихъ философовъ. Онъ даетъ родъ гадательной исторіи, описывая борьбу за существованіе, благодаря которой человѣкъ постепенно возвысился надъ дикими звѣрями и образовалъ союзы для взаимной защиты. Онъ показываетъ, какъ развитіе воинскихъ наклонностей могло постепенно укрѣплять возникающій порядокъ. Онъ открываетъ зарожденіе религіи въ природномъ фетишизмѣ, который побуждаетъ маленькихъ дѣтей воображать, что все (существующее) думаетъ и чувствуетъ точно такъ же, какъ они сами. Онъ описываетъ медленный ростъ языка, онъ же дѣлаетъ общее замѣчаніе, дѣйствительно поучительное и многозначительное, что многія вещи, которыя обыкновенно приписываются гению одного человѣка, въ дѣйствительности являются результатомъ продолжительнаго времени и многихъ поколѣній, медленно и бессознательно содѣйствующихъ созданію произведеній культуры, безъ большого различія въ природной проницательности (людей)“ ¹⁾. Равнымъ образомъ, не менѣе правъ и нѣмецкій біографъ Мандевила, посвятившій изслѣдованію воззрѣній этого мыслителя очень цѣнную монографію. Указывая различные недостатки въ сочиненіяхъ

¹⁾ L. Stephen. History of english thought in 18 century. London, 1876, v. II, p. 40.

Мандевіля, нѣмецкій историкъ (Сакманъ), между прочимъ, замѣчаетъ: „И однако это не простой софистъ и не пустой резонеръ: для этого у него слишкомъ много остроты и пронизательности въ отношеніи дѣйствительности. Нельзя отрицать, что онъ обнаружилъ даръ тонкаго и удачнаго пониманія явленій культурной исторіи духа. То пониманіе и та оцѣнка, которыя онъ проявилъ въ отношеніи этики эгоизма, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, бросающихся въ глаза, представляютъ собою результатъ, до котораго еще не возвысился ни одинъ мыслитель его вѣка. Даже философы просвѣщенія къ несовершенному знанію относительно того, что честолюбіе и стыдъ составляютъ психологическую пружину, прибавили только очень немного по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ Мандевиль. Быть можетъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что даже въ отношеніи современной философіи культурной исторіи изображеніе и оцѣнка того явленія, для котораго Мандевиль далъ естественно только слабыя и неопредѣленные эскизные штрихи, составляютъ задачу, которая еще ждетъ своего рѣшенія“ ¹⁾. Этотъ же историкъ вполнѣ справедливо отмѣняетъ и другую заслугу Мандевіля, когда этимъ мыслителемъ вскрываются противорѣчія въ самомъ понятіи культуры, поскольку культура создается на почвѣ борьбы между матеріальными и моральными факторами, при чемъ этотъ антагонизмъ усиливается, если самое понятіе этики мыслится сравнительно абстрактно, приближаясь въ этомъ случаѣ къ своеобразнымъ представленіямъ христіанской морали. „Парадоксъ, который соединяется съ именемъ Мандевіля, говоритъ изслѣдователь, подъ софистической оболочкой скрываетъ все-таки здоровое зерно. Какою бы изворотливостью ни характеризовалась формулировка, она совершенно правильно указываетъ на напряженность враждебныхъ элементовъ въ нашей культурѣ. Кто будетъ отрицать, что этические силы, которыя еще живы среди насъ и съ распаденіемъ которыхъ утра-

¹⁾ Sakmann. Bernard de Mandeville und die Bienenfabelcontroverse. Freiburg i. B. 1897. S. 298.

тится самое чистое и благородное въ нашемъ историческомъ бытіи, заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ идеи, которыя, если ихъ развить до ихъ абстрактныхъ послѣдствій, приведутъ къ разложенію нашихъ историческихъ формъ, чему трудно предвидѣть конецъ? И кто сталь бы оспаривать, что могущественныя земныя силы, которыя участвуютъ въ созданіи нашей культуры, поскольку онѣ являются жизненными, повинуются своимъ собственнымъ законамъ больше, чѣмъ желала бы теорія, и передъ налагающими обязательство мыслями склоняются не такъ, какъ повелѣваетъ идея?¹⁾

Всѣ эти соображенія отбѣняютъ многозначительность тѣхъ концепцій, которыя нашли свое выраженіе въ охарактеризованномъ произведеніи Мандевиля, но какъ онѣ отразились въ дальнѣйшихъ направленіяхъ англійской морали, объ этомъ будетъ рѣчь уже въ слѣдующихъ очеркахъ.

Н. Виноградовъ.

¹⁾ *Ib.*, S. 298—299.

Этическая проблема у Эд. Гартмана.

(По книгѣ „Das sittliche Bewusstsein“.)

Кому изъ образованныхъ людей не извѣстно имя Эдуарда Гартмана, кто не знакомъ, хотя бы по наслышкѣ, съ его глубокомысленной, мрачной, но увлекательной „философіей безсознательнаго“? И врядь ли нужно оправдываться въ желаніи снова напомнить читающей публикѣ объ этомъ философѣ, снова пересмотрѣть, хотя бы вкратцѣ, основанія его ученія.

Но если умѣстно вспомнить философію Гартмана вообще, то тѣмъ болѣе умѣстно вспомнить тѣ части ея, которыя, представляя изъ себя большую цѣнность, по тѣмъ или другимъ причинамъ для широкаго круга читателей сравнительно мало извѣстны. Такая участь, между прочимъ, выпала на долю и этикѣ Гартмана. Странное дѣло, „Das sittliche Bewusstsein“, книга, въ которой изложена этическая система Гартмана, сразу была встрѣчена критикой привѣтственно, въ ней высказана масса глубокихъ мыслей, собрано много цѣннаго матеріала, а между тѣмъ кто не знаетъ Гартмана какъ автора „Philosophie des Unbewussten“, и многимъ ли изъ неспециалистовъ извѣстно его „Das sittliche Bewusstsein“? Вспомнить о Гартманѣ именно какъ объ этическомъ писателѣ—задача настоящей статьи.

I.

Какъ ставить Гартманъ этическую проблему, въ чемъ видить онъ сущность ея, какое разрѣшеніе ея онъ намѣчаетъ?

Какъ въ теоретической философіи наивный реализмъ является міропониманіемъ человѣка, еще чуждаго философской рефлексіи, такъ въ практической философіи аналогичное мѣсто занимаетъ эгоизмъ. Я, я долженъ быть счастливъ! Что мнѣ до міра, что мнѣ до остальныхъ людей, если я лично отъ этого не получаю никакой выгоды! Какое дѣло мнѣ, что и послѣ моей смерти міръ все будетъ продолжать существовать, что другіе придуть мнѣ на смѣну—я хочу жить, я хочу быть счастливымъ! Этотъ крикъ абсолютнаго самоутвержденія, дерзкій, громкій крикъ, несется черезъ всю исторію человѣчества, начиная съ древнегреческой философіи, кончая нашимъ вѣкомъ американизма и своекорыстія. Счастья! Наслажденій!

Но развѣ возможна жизнь, вся полная яркаго, свѣтлаго счастья, развѣ наслажденіе не мимолетно, развѣ не приходится расплачиваться за него тяжелымъ похмѣльемъ? Намъ нужно умѣть дѣлать выборъ между наслажденіями. И мѣняется идеаль: уже не легкомысленный киренаикъ, всецѣло отдавшійся моменту, но расчетливый мудрецъ, знатокъ жизни ставится образцомъ. Однако, врядъ ли такой идеаль удовлетворитъ наше нравственное сознаніе—вѣдь если дозволено все, за что не придется платиться страданіемъ, то, слѣдовательно, для всесильнаго деспота дозволены всѣ преступленія, для капиталиста оправдываемо всякое надругательство надъ беззащитнымъ рабочимъ? Конечно, отвѣтитъ послѣдовательный эгоистъ, все оправдывается желаніемъ личнаго счастья. Но безпощадная жизнь, полная мукъ и жестокой борьбы, открыто смѣется надъ этимъ желаніемъ; она достаточно ясно всѣмъ говоритъ: личное счастье на землѣ невозможно. И эту истину знатокъ жизни, мудрецъ долженъ понять раньше, чѣмъ кто-либо другой, и самое большее, чего онъ можетъ желать,—это покой, безмятежность. *Здѣсь* счастья нѣтъ, но душа не можетъ сразу отречься отъ своего желанія,—счастье *тамъ*, по ту сторону гроба, въ небесной обители. И человѣкъ, всю жизнь изнывая отъ страданія, тѣшитъ себя радостной вѣрой въ без-

смертіе, въ рай... Проходятъ вѣка. Знаніе растеть. Вѣра слабѣеть. Вѣра въ личное безсмертіе стала уже сознательной иллюзіей. Представленіе о раѣ и адѣ не мирится съ нравственными воззрѣніями: Богъ любви и всепрощенія караетъ человѣка, который уже не можетъ воскреснуть, чтобы исправиться; Богъ любви караетъ безконечными муками за преходящій грѣхъ... Угасаетъ надежда на личное счастье, нѣтъ его ни здѣсь, ни тамъ. И вотъ все убѣдительно становится проповѣдь отреченія. Тщетны попытки удовлетворить свои желанія, лишняя потребность—лишнее страданіе. Такъ отречемся же отъ всѣхъ потребностей, станемъ подобными древнимъ циникамъ! Больше того, отречемся отъ самой жизни. И вотъ въ философіи начинаются споры, какъ вѣрнѣе всего можетъ быть достигнута смерть для человѣчества. Эгоизмъ опровергнуть. Кто началъ жить только для своего счастья, теперь томительно жаждетъ небытія. То драгоцѣнное Я, ради котораго были приведены въ движеніе и земля, и небо, онъ отбрасываетъ теперь какъ негодную ветошь. Мораль *самоутвержденія* послѣдовательно перешла въ мораль *самоотрицанія*.

Итакъ, эгоизмъ не можетъ быть правиломъ для жизни; не въ немъ, но въ томъ, что чуждо ему, мы должны искать это правило. Можно ли найти его, гдѣ его искать, мы еще не знаемъ, но мы знаемъ за то, гдѣ его не искать. Найдемъ мы его, и наша жизнь наполнится цѣннымъ содержаніемъ, не найдемъ, она останется безсмысленнымъ метаніемъ между опьянѣніемъ призрачными иллюзіями и самымъ горькимъ похмѣльемъ. Во всякомъ случаѣ будемъ искать.

Кое-что ужъ и найдено: найденъ отрицательный принципъ морали. Если хочешь быть нравственнымъ, отойди отъ эгоизма, отрекись отъ „своего“. Самоотреченіе есть начало и основа нравственнаго; само по себѣ оно не даетъ ничего положительнаго, но оно расчищаетъ мѣсто для этого положительнаго. Безъ самоотреченія нѣтъ нравственности, и пессимизмъ есть необходимое условіе ея.

Разбиты надежды на личное счастье, увѣренности своими силами достигъ на этомъ пути твердаго и непоколебимаго нравственнаго принципа нѣтъ. Слабый, безсильный чело-вѣкъ ждетъ помощи извнѣ; онъ испытываетъ нужду въ авторитетѣ. Онъ послушно повинуется авторитету семьи, государства и государственныхъ законовъ, общества и общественныхъ нравовъ; онъ ждетъ, что ему скажетъ церковь; онъ слѣдитъ, чтобы Божество санкціонировало его дѣйствія, чтобы жизнь его была исполненіемъ божескихъ заповѣдей. И онъ думаетъ, что, исполняя чужую волю, онъ совершаетъ этически цѣнные поступки. Но развѣ можно быть сытымъ оттого, что другой ѣстъ. И какъ только тогда я сытъ, когда я самъ ѣмъ, такъ только тогда моя воля можетъ претендовать на этическое значеніе, когда она сама себя опредѣляетъ по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ. Исполненіе возвѣщаемой въ формѣ заповѣди чужой воли есть внѣшній механическій процессъ, результатъ котораго, въ лучшемъ случаѣ, есть лишь внѣшняя механическая легальность дѣятельности. Гетерономная мораль есть суррогатъ морали, въ которомъ нуждаются только незрѣлые духомъ и слабые. Только тотъ индивидуумъ, только тотъ коллективъ можетъ претендовать на этическую характеристику, воля котораго автономна, воля котораго сама опредѣляетъ себя къ дѣятельности. Я въ себѣ самомъ ношу свой нравственный законъ; Богъ, говорившій раньше изъ огненной тучи, снизошелъ въ нашу грудь.

Принципъ автономной морали настолько общепризнанъ, что нѣтъ нужды на немъ долго останавливаться. Теперь дорога расчищена, предпосылки морали — пессимизмъ и автономія воли — выяснены: только тотъ, кто отрекся отъ личнаго счастья, кто самъ даетъ себѣ заповѣдь, только тотъ можетъ быть признанъ нравственнымъ дѣятелемъ. Уже мы можемъ приступить къ разрѣшенію вѣкового томительнаго вопроса: что такое нравственность, въ чемъ сущность ея, какое обоснованіе ей должно быть дано?

II.

Обладаемъ ли мы нравственнымъ сознаниемъ, присутствуетъ ли въ нашей душѣ этической моментъ? Этотъ вопросъ, разумѣется, рѣшается при помощи самонаблюденія, и самонаблюденіе даетъ намъ утвердительный отвѣтъ. Являясь свидѣтелями чьихъ-либо поступковъ, мы всегда непосредственно и непроизвольно реагируемъ на созерцаніе ихъ извѣстнымъ оцѣнивающимъ сужденіемъ: „это плохо“, „это хорошо“. Мы обладаемъ какъ бы нѣкоторымъ вкусомъ, которымъ и руководимся въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Однако, основываться исключительно на этомъ вкусѣ въ своей дѣятельности нельзя, для этого онъ слишкомъ поверхностенъ и субъективенъ. Вкусъ обращаетъ вниманіе преимущественно на форму явленій, а не на внутреннее содержаніе ихъ, и часто, прельстившись внѣшностью, можетъ проглядѣть тяжелую внутреннюю борьбу. Но разъ его объектомъ является форма, блескъ, то мораль, основанная на немъ, годна лишь для тѣхъ, чья жизнь сплошная блестящая игра, для вѣчно блаженныхъ олимпійскихъ боговъ или покрытыхъ шумной славой героевъ, но не для тѣхъ, кому выпала скучная, сѣрая доля. Кромѣ того, о вкусахъ не спорятъ. Фома Кемпійскій прельстился нравственно прекраснымъ образомъ Христа, Ницше привлекалъ негодушій и дерзкій Антихристъ. Кто же правъ, гдѣ же искать идеала? Каждый слушайся своего вкуса? Но если во мнѣ самомъ вспыхнетъ коллизія, если въ моемъ сердцѣ сойдутся и Христось и Антихристъ и подымутъ мучительный споръ, если мнѣ станетъ необходимо нужно рѣшиться и сдѣлать выборъ, то кто мнѣ укажетъ его? Вкусъ въ себѣ самомъ не содержитъ никакихъ основаній, почему надо выбрать это, а не то. Итакъ, будемъ искать дальше!

Существованіе у насъ нравственнаго вкуса говоритъ намъ о томъ, что нравственное сознаніе дѣйствительно у насъ есть, но гдѣ же лежатъ корни человѣческой нравственности, что въ нашей душѣ побуждаетъ насъ къ нравственной жизни?

Едва ли есть необходимость говорить о громадной роли чувства в нашей жизни, и вполне понятна поэтому мысль искать именно в немъ, въ чувствѣ основной двигатель нравственности. Представители шотландской школы—Кумберлендъ, Шефтсбѣри, Гетчесонъ, Смитъ—особенно ярко выразили это направленіе. Однако, ихъ ученіе объ особомъ какомъ-то „моральномъ чувствѣ“ психологически невѣрно; такого чувства нѣтъ, а то, что подразумѣвается подъ нимъ, есть лишь абстрактная формула для совокупности отдѣльныхъ конкретныхъ чувствъ, каждое изъ которыхъ обладаетъ большей или меньшей этической цѣнностью ¹⁾. Изслѣдовать значеніе каждаго отдѣльнаго чувства наша ближайшая задача.

Одинъ ставитъ на первое мѣсто чувство чести и гордости, другой считаетъ подлиннымъ нравственнымъ чувствомъ чувство стыда, третій видитъ идеаль нравственности въ кающейся Магдалинѣ, въ ея покаянной тоскѣ, наконецъ, иной цѣнитъ выше всего чувство возмездія; для многихъ вѣрующихъ лучшее чувство—набожность. Шопенгауэръ строить свою этику на состраданіи, а для средневѣкового рыцаря и поэта высшимъ качествомъ была вѣрность. Слѣдить за Гартманомъ въ его оцѣнкѣ нравственнаго значенія каждаго изъ этихъ чувствъ намъ нѣтъ нужды; его окончательный выводъ, что ни одно изъ этихъ чувствъ не можетъ быть единственнымъ и исключительнымъ нравственнымъ двигателемъ въ человѣкѣ, врядъ ли вызоветъ особая возраженія. За то намъ придется нѣсколько подробнѣй остановиться на двухъ наиболѣе важныхъ въ нравственной жизни чувствахъ—любви и долгѣ. Любовь! Врядъ ли кто станетъ отвергать ея великое нравственное значеніе, врядъ ли кто не преклонится передъ нею. Она включаетъ въ себя всѣ лучшія стороны прочихъ чувствъ и является вѣнцомъ ихъ.

¹⁾ «Das moralische Gefühl ist also keinesfalls als ein einfacher Sinn oder ein einheitliches Vermögen zu verstehen, sondern als eine *Summe* spezifischer Gefühle von höherem oder geringerem sittlichen Einfluss und Werth». См. Hartmann, Das sittliche Bewusstsein, 1886, S. 148.

Вотъ человѣкъ, пылающій активной любовью ко всему, что существуетъ: и къ ближнимъ и къ дальнимъ, и къ женѣ и къ другу, и къ согражданамъ и къ врагамъ, и ко всѣмъ людямъ и ко всему міру до послѣдней былинки включительно; его сердце въ своемъ порывѣ охватило всю вселенную, и развѣ не назовемъ мы его высоко нравственнымъ чело-вѣкомъ! Но, тѣмъ не менѣе, любовь не можетъ быть единственной основой нравственнаго поведенія. Я всегда буду любить больше тѣхъ, кто близокъ мнѣ, кто около меня, кого я вижу, чѣмъ тѣхъ, кто гдѣ то вдали, чѣмъ то, что является какой-то отвлеченностью; близкое, наглядное всегда будетъ сильнѣй возбуждать чувство. Всѣмъ, конечно, извѣстна та тяжелая и часто повторяющаяся борьба между любовью и долгомъ, когда я люблю и дѣлаю все для того, кого не долженъ такъ сильно любить, и въ то же время не даю своей любви тому, кого я долженъ любить, когда, въ силу извѣстныхъ психологическихъ причинъ, я не люблю такъ, какъ это требуетъ справедливость. И развѣ такая любовь будетъ нравственной? Ясно, слѣдовательно, что любовь быть единственнымъ нравственнымъ мотивомъ не можетъ, чувство долга должно ее регулировать.

Нравственность въ своемъ развитіи проходитъ три стадіи. Первая стадія характеризуется тѣмъ, что естественная склонность и долгъ еще не столкнулись между собою, еще не вступили въ борьбу; въ моемъ сердцѣ еще не разыгрывается тяжелая драма совѣсти, я безгрѣшенъ какъ первые люди до вкушенія плодовъ отъ древа познанія добра и зла, я невиненъ, какъ дитя, какъ дикарь. Вторая стадія—это существованіе уже сознательнаго отношенія къ добру и злу; вмѣстѣ съ тѣмъ уже идетъ борьба между склонностью и долгомъ, между „я хочу“ и „я долженъ“. Третья стадія—добродѣтель, т.-е. разрѣшеніе конфликта между склонностью и долгомъ въ высшую гармонію ихъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что въ дѣйствительности эти три стадіи развитія нравственности не такъ рѣзко очерчены, но незамѣтно и постепенно переходятъ другъ въ друга.

Нравственное сознание должно необходимо пройти всё три стадии. Пѣть хвалу первобытной невинности дикаря это значитъ закрыть глаза на животную грубость его натуры, да, кромѣ того, какую же гарантію будемъ имѣть мы тогда противъ искушеній? Совершенно отрицать значеніе невинности и спорить противъ первоначальнаго тождества склонности и долга также ошибочно, ибо въ борьбѣ своей противъ склонности долгъ самъ опирается на склонность, долгъ самъ есть склонность. Чувство долга все же есть чувство, и отчуждать его отъ другихъ нашихъ чувствъ и склонностей значитъ дѣлать его психологически безсильнымъ, другими словами, допускать, явно ли, скрыто ли, что нравственное, должное нами не можетъ быть осуществлено, что оно не имѣетъ въ насъ силы. Но нельзя также искать нравственность и исключительно въ добродѣтели. Кто это дѣлаетъ, тотъ смѣшиваетъ добродѣтель съ первобытной невинностью и забываетъ, что для добродѣтели важно не выпаденіе чувства долга, но гармонія его съ естественной склонностью, и что добродѣтель не дается рокомъ, но завоевывается. Только тотъ, въ чьемъ сердцѣ должное имѣетъ опору въ склонностяхъ, но кто пережилъ уже драму совѣсти и побѣдоносно прошелъ черезъ искушенія, кто боролся и самъ завоевалъ себѣ гармонію своей нравственной жизни, ничего изъ пройденнаго не забывъ, только тотъ совершилъ полное восхожденіе по ступенямъ нравственности и достигъ вершины ея.

Въ первой стадіи нравственности совѣсть еще не проснулась, въ третьей она уже примирилась, и только во второй стадіи звучитъ ея голосъ въ нашей душѣ. Характернымъ, хотя чисто формальнымъ, признакомъ нравственнаго въ этотъ періодъ является то, что оно сознается какъ должное. Нравственно то, что я долженъ дѣлать, безнравственно то, дѣлать что я не долженъ. Нравственность и долгъ здѣсь синонимы, и для тѣхъ, кто этой ступени еще не перешелъ, чувство долга, обязанности будетъ высшимъ моральнымъ чувствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, лишь на этой

ступени развитія нравственнаго сознанія просыпается моральная рефлексія, и я не только чувствую, но и мыслю нравственный или безнравственный характеръ моихъ склонностей. Благодаря этой рефлексіи, содержаніе нравственнаго сознанія становится настолько яснымъ, что дѣлается необходимымъ, по крайней мѣрѣ, въ чувствѣ, признаніе его обязательности. Моральное значеніе представляемой склонности или дѣятельности констатируется для сознанія признаніемъ обязательности ея.

Нравственно то, что сознается какъ обязательное. Но почему это именно, а не другое сознается какъ обязательное? Мораль долга, мораль чисто формальная, на это указанія не даетъ, да не только мораль долга, но и всякая вообще другая мораль, построенная на чувствѣ. Чувство говорить мнѣ: любить, быть благодарнымъ, вѣрнымъ нравственно; не любить, не быть благодарнымъ, вѣрнымъ безнравственно. Оно даетъ мнѣ различіе нравственнаго и безнравственнаго, но на какомъ основаніи это различіе производится, почему я обязанъ любить, чувство на это отвѣта никогда не сможетъ дать. А между тѣмъ именно долженствованіе, обязательность и характеризуютъ собою сознательную нравственность, какъ мы только что говорили. Спрашивается теперь: разъ ни вкусъ, ни чувство не въ состояніи вызвать въ насъ представленіе долженствованія, но, тѣмъ не менѣе, чувство обязанности дѣйствительно и фактически существуетъ въ нашемъ сознаніи, то какимъ психологическимъ факторомъ оно вызывается? Что является причиной долженствованія? Разумъ, слѣдуетъ отвѣтъ.

III.

Въ человѣкѣ живетъ стремленіе къ тому, чтобы вся его жизнь и вся его дѣятельность была разумной, чтобы всѣ его чувства и поступки были оправданы разумомъ. Пока моя нравственная жизнь основана на инстинктѣ и чувствѣ, она неустойчива и слаба, лишь съ помощью разума она

достигаетъ прочной почвы, лишь разумъ даетъ опредѣленные нравственные законы. Мой нравственный вкусъ можетъ говорить мнѣ лишь условно: если это должно соотвѣтствовать нравственному вкусу, то оно должно быть сдѣлано такъ-то и такъ-то, но онъ вовсе не требуетъ, чтобы все существующее подчинилось ему, чтобы оно стало нравственно прекраснымъ. Скорѣе, наоборотъ: безобразія жизни отталкиваютъ его и заставляютъ отдалиться отъ дѣйствительности; переработать, преобразовать по-своему эту дѣйствительность онъ не стремится, ибо онъ вполне удовлетворенъ міромъ фантазіи и грезъ. Не такъ разумъ. Разумъ возстаетъ изъ всѣхъ силъ и борется противъ всего неразумнаго, и только онъ одинъ требуетъ, чтобы не только въ области идеальнаго, но также и въ области реального все стало разумнымъ. Что касается человѣка, то, съ одной стороны, разумъ категорически требуетъ, чтобы было все разумно въ человѣческомъ мышленіи, и это требованіе находитъ себѣ выраженіе въ логическихъ законахъ; съ другой стороны, разумъ требуетъ, чтобы было все разумно и въ практической дѣятельности, устанавливая рациональные законы нашего поведенія. И смотря по тому, въ чемъ проявляется дѣятельность разума, мы различаемъ теоретическую и практическую стороны его, короче говоря, теоретическій и практическій разумъ. Такъ какъ въ этикѣ рѣчь идетъ лишь о практической дѣятельности, то принципомъ нравственной жизни здѣсь является практическій разумъ въ томъ смыслѣ, что разумъ приводитъ въ содержаніе воли и управляетъ проявленіемъ ея. Разумъ можетъ въ различныхъ индивидуумахъ проявляться въ различной степени; онъ можетъ быть иногда затемненъ различными аффектами, страстями, склонностями, надеждами и опасеніями; но разъ онъ начинаетъ обнаруживаться, онъ всегда будетъ равенъ самому себѣ, онъ всегда будетъ проявляться и дѣйствовать одинаковымъ образомъ. Разумъ всегда одинъ и тотъ же, изъ чего слѣдуетъ всеобщность и обязательность его. И какъ законы теоретическаго мышленія

всеобщи, необходимы и обладают объективнымъ значеніемъ именно въ силу своей логичности и разумности, такъ на томъ же самомъ основаніи и законы практической дѣятельности всеобщи, обязательны для разумныхъ существъ и объективны.

Теперь мы можемъ отвѣтить, что такое долгъ. Съ одной стороны, долгъ есть склонность, съ другой стороны, эта склонность имѣетъ характеръ обязательности именно въ силу своей рациональности, своей разумности; иначе говоря, долгъ есть разумная воля.

Итакъ, нравственность должна быть построена на разумѣ. Но это не значить еще, что теоретическая истина и практическая правда одно и то же. Конечно, въ метафизическомъ разсмотрѣніи Истина, Добро и Красота являются тремя основными цвѣтами того спектра, въ которомъ преломляется абсолютная идея при обнаруженіи своей сущности въ явленіи, и единство ея сущности въ разумныхъ сторонахъ явленія необходимо проявляется какъ совпаденіе всѣхъ трехъ сторонъ ея обнаруженія. Но въ эмпирическомъ опытѣ теорія и практика слишкомъ самостоятельныя области: моя дѣятельность вовсе не является логическимъ слѣдствіемъ изъ извѣстныхъ предпосылокъ, и безнравственность дѣятельности не зависитъ отъ ошибочности этихъ предпосылокъ. Теоретическій разумъ и практический не одно и то же.

Обратимся къ разсмотрѣнію практическаго разума. Онъ, какъ было уже сказано, властно требуетъ, чтобы все—и внѣшняя природа, и характеръ отдѣльнаго человѣка, и общественныя отношенія—стало разумнымъ. Но чѣмъ богаче и обширнѣй та область, которую онъ пытается охватить, тѣмъ труднѣе его задача; нашъ ограниченный разумъ не можетъ охватить все сразу и вынужденъ поэтому прибѣгать къ тому, чтобы оставлять безъ вниманія ту или иную сторону дѣйствительности и рѣшать такимъ образомъ свою сложную задачу постепенными абстракціями.

Такимъ путемъ получаютъ опредѣленные законы и правила, имѣющіе примѣненіе къ извѣстнымъ отдѣльнымъ слу-

чаемъ. Нужно только не забывать, что эти законы и правила, все-таки, только абстракціи, и крайне ошибочно приписывать имъ безусловное, независимое отъ данныхъ конкретныхъ условій значеніе.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ абстрактной морали являются лозунги 1789 г.—свобода и равенство. Когда я говорю „я свободенъ“, то я всегда долженъ сказать, въ какомъ отношеніи я свободенъ, другими словами, въ чемъ именно я не испытываю принужденія. Теоретики Великой французской революціи мыслили принципъ свободы какъ отвлеченный принципъ абсолютной свободы, но ясно, что такъ поступать невозможно: вопросъ о томъ, свободѣ ли или принужденію должны мы отдавать предпочтеніе въ каждомъ данномъ случаѣ, рѣшается не на основаніи понятія свободы какъ такового, но на основаніи содержанія этого понятія, на основаніи того вида и той степени принужденія, которые существуютъ. Только въ одной области всегда и неизмѣнно должна быть утверждаема абсолютная свобода, это въ области религіи, ибо здѣсь вся суть дѣла и заключается во внутреннемъ духовномъ процессѣ, и вѣра не можетъ быть декретирована извнѣ. Зато въ политической и соціальной жизни допустимъ всякій видъ принужденія, обеспечивающій и содѣйствующій культурному развитію общества. Вѣдь, говоря вообще, весь процессъ человѣческой культуры и заключается въ томъ, что индивидуумъ все больше и больше освобождается отъ гнета природы именно потому, что онъ все больше и больше подчиняется принужденію со стороны людей или цивилизаціи. Господство человѣка надъ природою растеть, но на счетъ его соціальной свободы. Равнымъ образомъ ошибоченъ принципъ и абсолютнаго равенства, такъ какъ ходъ развитія культуры доказываетъ намъ прямо обратное, именно, онъ доказываетъ намъ все большій ростъ дифференціаціи.

Спасая абсолютную свободу, защитники ея пытались перенести ее изъ внѣшней области во внутреннюю, уча такимъ образомъ о свободѣ нашей воли. Но индетерминизмъ,

ученіе о свободѣ воли, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ человѣческой волѣ, не выдерживаетъ критики, и мы должны его совершенно отвергнуть. Наша воля строго детерминирована, и если можно говорить о какой-либо свободѣ ея, то лишь въ слѣдующемъ смыслѣ: воля свободна, если волевой процессъ совершается нормально, безъ патологическихъ потрясеній: ходъ воспріятій и представленій не течетъ произвольно, эгоистическіе мотивы отсутствуют, разумъ господствуетъ надъ остальными силами души.

На мѣсто принципа абсолютной свободы Гартманъ выдвигаетъ принципъ порядка, гарантіей котораго является его разумность. Объективно онъ находитъ свое выраженіе въ правѣ, субъективно—въ справедливости (*Billigkeit*). Тѣмъ не менѣе, ни право, такъ какъ оно въ своей абстрактной формулировкѣ не предусматриваетъ всего разнообразія конкретныхъ случаевъ, ни справедливость, такъ какъ въ ней проявленіе разума слишкомъ инстинктивно для сознанія своего генезиса и разумнаго обоснованія, быть послѣдними принципами практическаго разума не могутъ. Наше изслѣдованіе должно идти дальше.

IV.

Разумная воля есть цѣлесообразная воля, и то, въ чемъ проявляется разумъ въ жизни сознательнаго духа, есть цѣлесообразная духовная дѣятельность.

Но ясно, конечно, что не всякая цѣль имѣетъ одинаковое значеніе; должна быть установлена градация цѣлей съ подчиненіемъ всѣхъ ихъ абсолютной цѣли, и частныя цѣли обладаютъ цѣнностью лишь постольку, поскольку онѣ являются средствами для цѣлей высшаго порядка. Нравственна та дѣятельность, которая служитъ дѣйствительно цѣнной цѣли, а дѣйствительно цѣнная цѣль есть та цѣль, которая, во всей своей цѣлости, есть средство для достиженія абсолютной цѣли.

Итакъ, передъ нами стоитъ вопросъ о цѣляхъ нравственной дѣятельности.

И мы знаемъ, какой отвѣтъ обыкновенно дается сразу: эта цѣль—индивидуумъ, онъ является для своей дѣятельности самоцѣлью. Но развѣ это вѣрно? Если мы хоть немного всмотримся въ общій ходъ природы, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ гибнуть безцѣльно миллионы сперматозоидовъ и яицъ, не образовавъ зародыша, какъ изъ миллиардовъ зародышей, быть можетъ, только одинъ достигаетъ развитія, какъ масса дѣтей умираетъ еще грудными, какъ много высоко одаренныхъ людей уносится смертью, не успѣвъ ничего совершить, какъ беспощадно естественный ходъ вещей разбиваетъ счастье и жизнь сотенъ тысячъ лучшихъ изъ людей, какъ ожесточенная борьба за существованіе между расами, народами, племенами и классами требуетъ все новыхъ и новыхъ безчисленныхъ жертвъ, какъ повсюду индивидуумы низшаго порядка массами приносятся въ жертву для размноженія конституирующихся изъ нихъ индивидуумовъ высшаго порядка, если мы всмотримся во все это, то мы не сможемъ не признать того, что нигдѣ, ни въ какой области индивидуумъ не является самоцѣлью, что вездѣ въ природѣ онъ фигурируетъ только какъ средство и лишь постольку и обладаетъ цѣнностью.

Уже въ началѣ статьи мы видѣли, какъ возникала и гибла иллюзія личнаго счастья, здѣсь ли, на землѣ, тамъ ли, на небѣ. На смѣну ей возникаетъ новая иллюзія—возможно большее счастье для возможно большаго количества людей. Правда, въ отличіе отъ эгоизма, альтруизмъ отличается своимъ нравственнымъ характеромъ: эгоистъ ставить высшимъ и единственнымъ принципомъ своей дѣятельности свое собственное благо, а все остальное есть лишь средство для счастья его „я“; альтруистъ же отдаетъ свою жизнь и всѣ свои силы на служеніе чужому благу; онъ своимъ „я“ жертвуетъ для „не—я“, и поскольку эгоизмъ не можетъ быть нормой жизни, такъ какъ онъ ищетъ и цѣнитъ „свое“, постольку альтруизмъ нравственъ, отрекаясь отъ „своего“ и все отдавая „чужому“. Но это, однако, еще

не означаетъ, что послѣдній можетъ быть самостоятельной цѣлью человѣческой дѣятельности.

Послѣдовательное проведеніе принципа возможно большаго количества счастья для возможно большаго количества людей Гартманъ видитъ въ социализмѣ, требующемъ имущественнаго равенства всѣхъ членовъ общества. Но отъ социализма онъ не ждетъ ничего хорошаго: равное вознагражденіе за трудъ будетъ имѣть результатомъ пониженіе производства, вмѣстѣ съ тѣмъ, экономическое равенство повлечетъ за собой упадокъ потребления утонченныхъ, изысканныхъ благъ, а вслѣдствіе уничтоженія привилегированнаго культурнаго меньшинства погибнуть науки и искусства. Быть можетъ, эти возраженія социализму намъ покажутся слишкомъ тривиальными и неосновательными, но это вовсе не ослабляетъ всей серьезности и жгучести поставленной Гарманомъ общей проблемы о взаимоотношеніи между культурой и счастьемъ.

Культура растетъ. Вмѣстѣ съ ростомъ культуры жизнь человѣчества становится сложнѣй, потребности обгоняютъ возможность удовлетворенія ихъ. Безпощаднѣй становится чрезмѣрно развившаяся рефлексія, человѣкъ дѣлается воспріимчивѣй и впечатлительнѣй; все острѣй и чаще страданіе, все очевиднѣй ложь иллюзіи. Золотой вѣкъ не впереди насъ; кто грезитъ о немъ, тотъ долженъ обратиться назадъ, къ жизни первобытнаго дикаря, лишеннаго всякаго интеллекта, всякихъ желаній, всякихъ потребностей. Итакъ, кто хочетъ, пусть зоветъ людей обратно къ животной жизни, кто хочетъ, пусть продѣлываетъ лгать довѣрчивому человѣчеству сладкими сказками о грядущемъ счастьѣ, мы же смѣло должны признать истину пессимизма. Этотъ пессимизмъ, эта проповѣдь самоотреченія, это ученіе о тщетности всякаго порыва къ какому бы то ни было счастью вовсе не ведетъ къ квіэтизму. Пессимизмъ говоритъ лишь, что не счастье существенно для человѣка и человѣчества, что человѣкъ долженъ смѣло и бодро стать лицомъ къ лицу со страданіемъ міра, ясно и разъ навсегда сознавъ,

что страданіе наполняетъ жизнь всякаго живого существа; онъ говоритъ, что жизнь должна быть принята безъ иллюзій, со всѣми ужасами ея, и что не въ счастіѣ заключается цѣль жизни, и не за счастье нужно бороться. Таково великое нравственное значеніе пессимизма.

Мы стоимъ передъ дилеммой: или культура, или счастье, и наше нравственное сознаніе не рѣшается принести культуру въ жертву счастью. Принципъ развитія, прогресса выступаетъ какъ фактъ нравственнаго сознанія, какъ вполнѣ самостоятельный моральный принципъ.

Эволюціонная теорія въ настоящее время признается господствующей. Весь міръ, какъ неорганической, такъ и органической, разсматривается нами съ исторической точки зрѣнія. Но съ выступленіемъ на міровую сцену человѣчества эволюція въ смыслѣ прогресса во внѣшней организаціи прекратилась, она, въ приложеніи къ человѣчеству, понимается какъ эволюція культуры. Каково же содержаніе, какова цѣль историческаго развитія?

Счастье? Нѣтъ, мы видѣли уже, какъ природа и исторія безпощадно, равнодушно смѣются надъ нашимъ счастьемъ и ежеминутно грозятъ разбить его окончательно. Быть можетъ, сама нравственность? Также нѣтъ. Нравственность сама, какъ продуктъ историческаго развитія, нуждается вмѣстѣ съ послѣднимъ въ оправданіи. Кромѣ того, мы уже дознали, что принципъ нравственности надо искать въ цѣли, а цѣль эта есть развитіе культуры человѣчества. Но если цѣль нравственной дѣятельности есть развитіе культуры, то нравственность отнюдь не можетъ быть цѣлью послѣдняго, ибо тогда она была бы цѣлью того, средствомъ для чего она служить.

Мы разсматриваемъ, въ метафизикѣ, міровой процессъ, а вмѣстѣ съ нимъ и культурный, какъ реализацію абсолютной идеи. Заключительнымъ моментомъ этой реализаціи и является культура человѣчества. Для насъ эта реализація идеи обозначается какъ усиленіе разумности, углубленіе чувства и утонченіе вкуса, другими словами, какъ самоусо-

вершенствованіе; послѣднее есть средство, при помощи котораго идея достигаетъ своей реализаціи, есть форма содѣйствія человѣчества конкретнымъ цѣлямъ универсальнаго развитія, участія въ выполненіи телеологическаго мірового плана. Здѣсь мы подходимъ къ самому существенному. Гартманъ разсматриваетъ міръ какъ цѣлесообразно развивающійся организмъ. На извѣстной стадіи развитія міра возникаетъ моральное сознаніе; наша воля, первоначально безсознательная, становится сознательной и отвѣтственной за свои дѣянія.

Такимъ образомъ, нравственность не есть противоположное природѣ, но лишь высшее по степени развитія. Нравственный міропорядокъ есть та часть мірового плана, которая по отношенію къ исполнителямъ ея характеризуется ихъ сознательностью и отвѣтственностью и которая является высшей стадіей по отношенію къ естественному міропорядку.

Сознаніе постигаетъ цѣли мірового процесса и дѣлаетъ ихъ цѣлями индивидуальной воли, задачей человѣческой жизни; цѣль (τέλος) міра сознаніе ставитъ закономъ (νόμος) для дѣятельности индивидуума. Изъ этого слѣдуетъ, что, поскольку телеологія является моральнымъ принципомъ, постольку для нравственнаго дѣятеля необходимо знаніе міровыхъ цѣлей, постольку нравственность зависитъ отъ теоретическаго міросозерцанія. Но данныя цѣли не суть постоянная величина; постоянной является лишь абсолютная цѣль, а посредствующія цѣли видоизмѣняются на различныхъ ступеняхъ развитія. И сумма нравственныхъ цѣлей даннаго періода есть не логическая, а историческая категорія; мы обладаемъ не абсолютной, но относительной нравственностью.

Съ этой точки зрѣнія разрѣшается проблема зла, существующаго въ нравственномъ міропорядкѣ. Нравственность въ своемъ развитіи проходитъ черезъ извѣстныя стадіи. Міръ эволюционируетъ. Вчера мнѣ, какъ нравственному дѣятелю, была задана задача реализовать такія-то міровыя

цѣли; сегодня моя дѣятельность направляется уже на иныя высшія цѣли. То, что вчера было моею нравственной задачей, сегодня уже сознается мною какъ низшее. И вотъ такое преслѣдованіе низшихъ индивидуальныхъ цѣлей въ то время, какъ для сознанія уже раскрылась ихъ дисгармонія съ цѣлями высшаго порядка, и есть зло. Вотъ почему неэтиченъ эгоизмъ. Вѣдь эгоистъ преслѣдуетъ личное, индивидуальное счастье, тогда какъ нравственному сознанію человѣка уже ясно стало, что индивидуумъ не является самоцѣлью, что цѣль нравственной дѣятельности другая. Эта цѣль есть содѣйствіе и упроченіе нравственнаго міропорядка какъ человѣческой части цѣлесообразно развертывающагося мірового плана, и это участіе человѣка въ міровомъ развитіи, это человѣческое дѣло во вселенскомъ дѣлѣ выражается въ борьбѣ за развитіе и упроченіе культуры. Каковы конкретныя формы этой борьбы за культуру, каковы средства для поднятія ея, на это даются самые разнообразныя отвѣты, и отвѣтъ, даваемый Гартманомъ, для насъ въ настоящую минуту не такъ ужъ интересенъ, ибо здѣсь онъ выходитъ за предѣлы теоретической этики. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть вынесенъ окончательный приговоръ социально-эвдемонистической морали. Эта мораль ставитъ цѣлью человѣческой дѣятельности человѣческое всеобщее счастье. Этимъ самымъ она отрицаетъ дальнѣйшее развитіе, постановку высшихъ цѣлей, ибо такая постановка высшихъ цѣлей, отрицая наличныя цѣли, есть источникъ неудовольствія для индивидуумовъ низшаго порядка. И ложь альтруизма заключается въ томъ, что онъ отрицаетъ эти привходящія высшія цѣли и думаетъ, что онъ уже нашелъ въ суммѣ данныхъ цѣлей индивидуумовъ низшаго порядка цѣль высшаго порядка. Это не вѣрно. Цѣль для семьи не есть счастье семьи, но счастье высшей индивидуальности, скажемъ, на примѣръ, общины; цѣль общины не благо всѣхъ членовъ ея, но благо провинціи. Наконецъ, цѣль человѣчества вовсе не счастье, не благо расъ, народовъ, племенъ и людей, но нѣчто другое, нѣчто такое, что

выходить за рамки исторической дѣятельности человѣчества, за рамки феноменальнаго міра вообще. Но поскольку счастье и благо людей необходимо какъ условіе возможности развитія культуры, поскольку альтруизмъ направленъ на сохраненіе и совершенствованіе людей какъ носителей этого развитія, постольку онъ состоятеленъ и вмѣстѣ съ принципомъ культурной эволюціи синтезируется въ высшемъ моральномъ принципѣ—принципѣ нравственнаго міропорядка.

V.

Мы знаемъ уже, что не является нравственностью, что такое нравственность, и при наличности какихъ субъективныхъ условій она осуществляется индивидуумомъ. Отвѣтъ на первый вопросъ гласилъ, что исканіе личнаго счастья и подчиненіе чужой волѣ не есть нравственное дѣяніе, но этимъ еще не устанавливалось, что надо называть нравственнымъ. Отвѣтъ на второй вопросъ, правда, говорилъ, что нравственность есть, и опредѣлялъ, что такое нравственность, но такъ какъ безнравственность фактически такъ же дана, какъ и нравственность, то возникало новое недоумѣніе, почему я долженъ выбирать нравственность, а не безнравственность, почему я долженъ служить добру, а не злу. Наконецъ, выясненіе, при помощи какихъ психологическихъ факторовъ я могу противиться злу и осуществлять добро, помимо теоретическаго интереса, представляло и практическую пользу, указывая, что въ себѣ я долженъ развивать, *если* желаю осуществлять добро; но вмѣстѣ съ тѣмъ это выясненіе предоставляло чисто случайному обстоятельству—моему характеру, моимъ склонностямъ и проч.—рѣшеніе того, пожелаю ли я или нѣтъ осуществлять добро, и если пожелаю, то хватитъ ли у меня характера для исполненія моего желанія. Я знаю, что есть въ мірѣ добро, и я знаю, что такое это добро; я знаю, какія пружины въ своемъ душевномъ механизмѣ мнѣ нужно привести въ движеніе для осуществленія добра, но почему я долженъ слу-

жить добру и могу ли я служить ему—передъ этой основной проблемой мы стоимъ теперь. Знаніе, что такое нравственность, какъ объективный фактъ, еще не дѣлаетъ эту нравственность субъективно необходимой; субъективные же факторы нравственной жизни объективно являются чѣмъ-то случайнымъ, завися отъ случайностей индивидуального характера. Нравственное сознаніе покоится на двухъ точкахъ опоры, которыя висятъ въ воздухѣ, и само вмѣстѣ съ ними виситъ въ воздухѣ. Оно не можетъ, конечно, оставаться въ такомъ положеніи; оно томится и страстно ищетъ разрѣшенія проблемы. Это разрѣшеніе лежитъ тамъ, гдѣ сходятся корни объективного и субъективного, по ту сторону субъективныхъ побужденій къ добру и объективныхъ цѣлей нравственной дѣятельности, т.-е. въ метафизической области. Да, мораль можетъ быть обоснована только на почвѣ метафизики, или же она вовсе не можетъ быть обоснована.

На почвѣ какой же метафизики можетъ быть обоснована мораль, какія метафизическія предпосылки должны лечь въ основаніе найденнаго нами содержанія нравственнаго сознанія?

Можно разсматривать отдѣльные индивидуумы какъ вполне самостоятельно существующія существа и объяснять единство мірового цѣлаго какъ внѣшнее собраніе совершенно независимыхъ субстанцій—это точка зрѣнія плюрализма. Но если такъ, то тогда практическимъ выводомъ изъ этого міросозерцанія будетъ абсолютная самодержавность личности, мораль эгоизма, т.-е. та самая мораль, которую мы отвергли какъ ложную.

Можно, наоборотъ, признать реальность индивидуума ошибочной и утверждать, что истинно существуетъ только Единое, а множественность индивидуумовъ есть лишь видимость—это точка зрѣнія абстрактнаго монизма. Но тогда, слѣдовательно, всѣ измѣненія (жизнь и смерть, дѣятельность и страданія), происходящія въ этой „видимости“, также только видимости, и потому совершенно не вліяютъ,

не затрогиваютъ истинно сущаго Единаго; качества и поступки индивидуумовъ безразличны и не имѣютъ никакого значенія.

Теизмъ пытается примирить монизмъ и плюрализмъ формулой: единымъ является Творецъ, множественнымъ—твореніе. Поскольку теизмъ признаетъ, что сфера единства есть основаніе для сферы множественности, постольку онъ правъ, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей теизмъ есть ученіе безусловно ложное. Ложь его состоитъ въ томъ, что, признавая творенія реальными субстанціями, онъ провозглашаетъ субстанціальныи дуализмъ между Творцомъ и твореніями, каковой дуализмъ влечетъ за собой неосновательное перенесеніе съ абсолюта на твореніе понятія „производной абсолютности“, а съ творенія на абсолюта понятія личности. Созданная субстанціальность; производная абсолютность и личность абсолюта—вотъ три основныхъ понятія теизма, въ которыхъ находитъ себѣ высшее выраженіе полный противорѣчій синкретизмъ этого ученія. Исторически теизмъ можетъ быть объясненъ изъ стремленія замѣнить идею земнаго воздаянія идеей небеснаго суда, и такъ какъ необходимыми предпосылками идеи трансцендентнаго воздаянія являются безсмертіе и индетерминистическая свобода воли, а для того, чтобы быть безсмертнымъ и свободнымъ, необходимо обладать субстанціальностью и абсолютностью, то отсюда понятно возникновеніе идей „созданной субстанціальности“ и „производной абсолютности“. Религіозное сознаніе въ своемъ развитіи пришло къ представленію суда надъ человѣкомъ по ту сторону міра, но этотъ судъ возможенъ, такъ разсуждалъ теизмъ, только тогда, если человѣкъ безсмертенъ и дѣйствовалъ безусловно свободно, т.-е. если человѣкъ есть абсолютная субстанція, и, съ другой стороны, если Богъ есть личное начало. Но такіе выводы теизма произвольны: реальность можетъ быть понимаема не субстанціально, но актуально, какъ обнаруженіе нѣкоторой энергии, и потому постулированіе реальности творенія не есть еще постулированіе субстанціаль-

ности его; сознательная и отвѣтственная воля можетъ быть понимаема и детерминистически; индетерминизмъ, вводя понятіе произвола, скорѣе есть отрицаніе отвѣтственной воли; наконецъ, вовсе не необходимо и признаніе личнаго Бога, ибо все, происходящее въ сферѣ явленій, происходитъ не точно такимъ же, но лишь соотвѣтствующимъ образомъ въ области единства. Такимъ образомъ, теизмъ есть произвольный и невѣрный отвѣтъ на запросы религіознаго сознанія.

Единственная точка зрѣнія, могущая дать обоснованіе морали, это точка зрѣнія конкретнаго монизма. Согласно ему, въ основѣ міра лежитъ единая субстанція; но единство этой субстанціи не исключаетъ, но, наоборотъ, предполагаетъ множественность реальныхъ, объективныхъ обнаруженій или объективаций Всеединого. Единое раскрывается во множественности, и индивидуумы существуютъ реально (къ индивидуумамъ, какъ лишь къ суммѣ моихъ представленій, у меня не можетъ быть этического отношенія) какъ обнаруженія Всеединого.

Отсюда для морали получается очень важное слѣдствіе. Если я понялъ, что я лишь объективация въ явленіи Всеединой сущности, и что то, что во всѣхъ индивидуумахъ является не явленіемъ, но сущностью ихъ, есть одно и то же и абсолютно тождественно, то я уже не смогу разсматривать другіе индивидуумы какъ чуждые мнѣ по своей сущности, но я буду сознать себя единымъ съ ними и буду знать, что все, что я дѣлаю кому-нибудь, я дѣлаю той сущности, которая образуетъ и мое „я“. Такимъ образомъ, я обладаю уже метафизическимъ основаніемъ для требованія моего нравственнаго сознанія служить благу другихъ людей, въ принципѣ тождества по сущности своей всѣхъ индивидуумовъ между собою дается оправданіе всѣхъ тѣхъ инстинктивныхъ моральныхъ побужденій, которыя влекутъ меня на служеніе людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается тяжесть преодоленія эгоизма. Кто уничтожилъ стремленіе къ личному счастью, чтобы посвятить свои силы благу другихъ людей, тому стоитъ только сорвать покры-

вало Майи со своихъ ослѣпленныхъ глазъ, чтобы понять, что онъ измѣнилъ лишь средство для осуществленія своего стремленія, и что то, благу чего онъ хотѣлъ служить раньше, и то, чему онъ служить теперь, по существу одно и то же.

Мы нашли обоснованіе тѣхъ отношеній, которыя должны существовать между индивидуумами; теперь передъ нами стоитъ проблема отношенія индивидуума къ абсолюту. Ученіе о тождествѣ индивидуумовъ по ихъ сущности между собою говоритъ о распространеніи моего стремленія къ счастью на всю совокупность индивидуумовъ. Но это ученіе ни слова не говоритъ о томъ, въ чемъ же состоитъ истинное благо Всеединой сущности, какимъ образомъ искать это благо. Передъ нами стоитъ вопросъ объ отношеніи индивидуума къ абсолюту, и два прямо противоположныхъ отвѣта давалось на этотъ вопросъ. Одни, уча объ истинной реальности лишь абсолюта, объявляли реальность индивидуума иллюзіей, и ставили, сообразно этому, практической задачей отрицаніе индивидуальности, мистическое самоуничтоженіе индивидуума въ абсолютъ. Но поскольку предпосылкой всякой дѣятельности является реальность индивидуума, постольку, отрицая реальность индивидуума, мистицизмъ неизбѣжно приходитъ къ полному квіетизму, къ проповѣди необходимости для индивидуума лишиться всѣхъ своихъ желаній, убить свою волю, свою мысль, свое чувство, отказаться отъ всякой дѣятельности.

И тѣмъ не менѣе, мистикъ, убившій въ себѣ при помощи аскетизма всю индивидуальную жизнь и стремящійся въ экстазѣ слиться съ абсолютъ, все-таки не достигаетъ своей цѣли. Поскольку онъ сознаетъ свое слияніе съ абсолютъ, наслаждаясь этимъ высшимъ восторгомъ, постольку все еще не уничтожается для него противоположность между индивидуумомъ какъ субъектомъ и абсолютъ какъ объектомъ этой интеллектуальной интуиціи, и, слѣдовательно, остается неустранимой индивидуальность; поскольку же это „*unio mystica*“ является безсознательнымъ, по-

стольку, разумѣется, оно не можетъ быть сознательно поставленной цѣлью для стремленія индивидуума.

Другой отвѣтъ на проблему объ отношеніи индивидуума къ абсолюту дается ученіемъ объ абсолютномъ Я (*Verabsolutirung des Ich*). Субъективный монизмъ объявилъ міръ явленій содержаніемъ моего сознанія, а если такъ, то единственное, что реально существуетъ, есть мое я, оно является единственной возможной формой для дѣятельности абсолюта. Но разъ мое сознаніе есть единственное сознаніе для абсолюта, разъ содержаніе моего сознанія есть единственный существующій міръ, то тогда мое я есть абсолютное я, абсолютъ есть я. Я существую какъ я единственный, и міръ есть моя собственность, такъ какъ онъ есть продуктъ моего сознанія. Но ясно, что этотъ послѣдовательный выводъ, сдѣланный Штирнеромъ, не можетъ служить обоснованіемъ нравственности, а, наоборотъ, является отрицаніемъ ея, ведя къ эгоизму.

Теизмъ пробуетъ примирить эти два противоположныхъ отвѣта. Онъ разсматриваетъ Бога и человѣка какъ двѣ субстанціально раздѣльныхъ противостоящихъ другъ другу личности, и, поскольку онъ желаетъ быть вѣрнымъ себѣ, онъ долженъ отрицать *тождество* сущности Бога и человѣка и ограничиться признаніемъ лишь *подобія* сущности, которое вытекаетъ изъ созданія человѣка по образу и подобию Божию и находитъ себѣ выраженіе въ ученіи о Богѣ какъ отцѣ и людяхъ какъ дѣтяхъ Его. Но если Богъ есть нашъ отецъ, то высшей заповѣдью нашей нравственности должна стать любовь къ нему. Мотивами этой любви является благодарность за получаемыя отъ Него благодѣянія и взаимное чувство на Его любовь къ человѣку, выражающуюся въ даваемыхъ Имъ благодѣяніяхъ.

Эти благодѣянія состоятъ въ томъ, что Богъ создалъ людей, снабдилъ ихъ средствами для сохранения и себя и своего потомства и ниспослалъ имъ Своего сына. Но пессимистъ, а мы знаемъ уже, что пессимизмъ есть единственно вѣрное пониманіе жизни, не видитъ этихъ благодѣяній,

пессимистъ видитъ въ жизни одну лишь сплошную муку, и для него ясно, что Богъ вовсе не создалъ міръ изъ любви къ людямъ, и что такого Бога любить невозможно. И единственное спасеніе для человѣка, чтобы не возненавидѣть своего Творца, это признать, что Богъ не есть личность и не можетъ ни любить, ни быть любимымъ. Не изъ любви возникъ первый импульсъ, рѣшившій о существованіи міра, не изъ любви возникъ такъ устроенный міръ. Богъ не любовь, но лишь основаніе для любви между индивидуумами, поскольку тождество его сущности открываетъ имъ возможность осуществленія этого тождества, и поскольку установленный имъ міровой процессъ таковъ, что изъ него проистекаетъ для индивидуумовъ потребность и способность любить другъ друга. Не Бога какъ такового могу я любить, но только явленія, въ которыхъ онъ открывается, поскольку они способны пробудить мою любовь.

И когда я люблю ближняго, я люблю въ немъ Бога, или же Богъ во мнѣ любитъ Себя Самого въ ближнемъ. Любовь Бога къ человѣку есть лишь выраженіе того, что всякая любовь въ мірѣ возможна только благодаря тождеству по сущности любящихъ; любовь человѣка къ Богу есть лишь выраженіе того, что человѣкъ можетъ любить своихъ ближнихъ лишь поскольку онъ любитъ въ нихъ Бога. Богъ, какъ таковой, не любитъ и не можетъ быть любимъ; любить можетъ только Богъ какъ человѣкъ, и быть любимымъ можетъ только человѣкъ какъ Богъ, иначе говоря, истина любви къ Богу есть любовь къ ближнему, и любовь къ ближнему имѣетъ свою истину только какъ любовь Бого-человѣка къ человѣкобогу ¹⁾.

Въ любви отношеніе между Богомъ и человѣкомъ истолковывается съ точки зрѣнія чувства, но мы должны отвѣтить и на другой не менѣе важный вопросъ—какъ относятся воля и разумъ человѣка къ волѣ и разуму абсо-

¹⁾ «Die Wahrheit der Liebe zu Gott ist die Nächstenliebe, und die Nächstenliebe hat ihre Wahrheit nur als Liebe des Gottmenschen zum Menschgott». См. Hartmann. Das sittliche Bewusstsein, 1886, I. 641.

люта? Теизмъ отвѣчаетъ ученіемъ о благодати и откровеніи, и такъ какъ ученіе о благодати и ученіе объ откровеніи, какъ воздѣйствіи Божества на разумъ и волю человѣка, въ своихъ основаніяхъ вполнѣ аналогичны, то мы ограничимся лишь разборомъ ученія о благодати.

Благодать есть воздѣйствіе Божества на человѣческую волю, имѣющее результатомъ возрожденіе человѣка, пробужденіе Бога въ человѣкѣ. Этотъ актъ благодати не долженъ быть мыслимъ какъ сверхъестественное чудо, какъ какой-то неожиданный и незаслуженный даръ, какъ какое-то состояніе одержимости, вселенія духа, ибо такое пониманіе противорѣчило бы нашимъ нравственнымъ и религіознымъ взглядамъ. Съ большимъ успѣхомъ благодать можетъ быть понимаема какъ закономѣрное развертываніе въ человѣческомъ духѣ заложеннаго въ немъ Провидѣніемъ зерна божественнаго духа. Такое пониманіе благодати, избавленное отъ ошибокъ теизма, приводитъ къ замѣчательному ученію Гартмана о Богочеловѣчествѣ: Я являюсь однимъ изъ обнаруженій абсолюта наряду со многими другими обнаруженіями его, моя духовная жизнь есть одна изъ капель въ чашѣ обширнаго царства духовъ; Богъ есть единая сущность, живущая и дѣйствующая въ насъ, и мнѣ нечего искать Бога, ибо Богъ живетъ во мнѣ. Это не грубый пантеизмъ, утопившій Бога въ мірѣ и лишившій его трансцендентности: трансцендентность Бога не отрицается, ибо Богъ есть неисчерпаемая сущность конечныхъ явленій, и не слѣдуетъ смѣшивать тождество сущности съ тождествомъ бытія.

Ученіе о Богочеловѣчествѣ является высшимъ нравственнымъ ученіемъ. Кто позналъ свое тождество по сущности съ Богомъ, тотъ не станетъ больше томиться отъ беспомощности и отчужденности отъ Божества, тотъ не станетъ уже также и тяготѣть къ земному. Нѣтъ, стремленіе вести божественную жизнь, жить такъ, какъ бы моя воля есть обособленіе Всеволи, станетъ моею заповѣдью. Но откуда я могу узнать волю Бога, кто мнѣ скажетъ, ка-

ково должно быть содержаніе моей воли, чтобы оно не находилось въ дисгармоніи со Всеволею? Поскольку міръ есть осуществленіе божественныхъ цѣлей, постольку воля Бога открывается намъ въ міровомъ процессѣ, и мы читаемъ ее въ ходѣ развитія міра и человѣчества. Окончательнымъ метафизическимъ принципомъ, необходимымъ для обоснованія морали, является принципъ тождества индивидуума съ абсолютомъ какъ субъектомъ абсолютной телеологии.

Оглянемся на пройденный путь. Вотъ я жилъ, преслѣдуя свои цѣли, и видѣлъ смыслъ жизни въ томъ, чтобы правильно и разумно выбирать средства для этихъ цѣлей. Но эгоизмъ мой потерпѣлъ крушеніе. Тогда я сталъ служить чужимъ цѣлямъ, исполнять чужую волю, но въ этомъ я нашелъ лишь внѣшнюю механическую законность моей дѣятельности, и я понялъ, что лишь въ автономномъ преслѣдованіи неэгоистическихъ цѣлей заключается нравственность.

И вотъ я началъ развивать въ себѣ тѣ способности, посредствомъ которыхъ я смогъ бы автономно служить неэгоистическимъ цѣлямъ; я сталъ узнавать дальше, каковы объективныя цѣли мірового развитія. Въ концѣ-концовъ, я вынужденъ былъ обратиться къ метафизикѣ. Когда я созналъ, что всѣ люди по существу тождественны, я нашелъ оправданіе своей любви, но я не знаю еще, *какъ* надо любить; когда я созналъ, что я по существу тождественъ съ Богомъ, я понялъ, что долженъ стремиться къ богочеловѣчеству, но я не знаю еще, *какая* жизнь есть жизнь Богочеловѣка. И только когда я пойму, что абсолютная сущность, будучи тождественна съ моей сущностью, осуществляется въ постановкѣ и реализаціи абсолютнаго цѣлесообразнаго процесса, и введу, такимъ образомъ, въ свое міропониманіе историческую точку зрѣнія, только тогда, понявъ, что цѣли Божьи въ то же время и мои цѣли, и открываются онѣ мнѣ въ міровомъ процессѣ, только тогда я смогу узнать, какъ надо любить и какъ надо жить.

Какова же абсолютная цѣль мірового развитія, для чего все? Если я приношу себя въ жертву, то это я дѣлаю въ надеждѣ, что такой поступокъ принесетъ благо абсолюту, безъ этого предположенія мои труды и моя жертва будутъ напрасны. Абсолютная цѣль—благо абсолюта. И дѣйствительно, все то, въ чемъ когда-либо усматривалась абсолютная цѣль, всегда было вариацией на тему о счастьѣ абсолюта, всегда конечнымъ результатомъ объявлялось счастье Божества. Изъ этого вытекаетъ одно слѣдствіе, которое въ извѣстномъ направленіи отрицаетъ нравственность, именно: абсолютная цѣль мірового процесса, рассматриваемая съ точки зрѣнія абсолюта и по отношенію къ нему, не имѣетъ нравственнаго характера, такъ какъ она для абсолюта есть его индивидуальное счастье; понятіе нравственности можетъ имѣть смыслъ только въ сферѣ явленій, но не по ту сторону ея, гдѣ царитъ сверхнравственное (этически невалифицируемое).

Что же является счастьемъ для абсолюта? При изслѣдованіи этого вопроса мы не должны ни на минуту забывать достигнутыхъ предпосылокъ—монизма и абсолютной цѣли. Изъ первой предпосылки слѣдуетъ, что абсолютъ является субстанціальнымъ носителемъ эмпирическихъ субъектовъ, а слѣдовательно, онъ является носителемъ всей радости и всего страданія міра, изъ второй предпосылки слѣдуетъ, что должна быть абсолютная цѣль, цѣлесообразнымъ средствомъ для которой служить міровой процессъ, и эту абсолютную цѣль мы должны искать въ возможно большемъ счастьѣ абсолюта.

Первый отвѣтъ, какой приходитъ въ голову, слѣдующій: міровой процессъ является самоцѣлью для абсолюта, другими словами, міръ въ развитіи своемъ несетъ абсолюту счастье. Но это будетъ правдой только тогда, когда мы докажемъ, что въ мірѣ сумма удовольствія превышаетъ сумму страданія.

Тривіальный оптимизмъ, утверждающій это рѣшительно и безъ оговорокъ, слишкомъ явно ошибоченъ, зло міра слиш-

комъ рѣзко рѣжетъ намъ глаза для того, чтобы мы не признали, что радости въ жизни очень и очень мало. Болѣе состоятельной, скорѣе, является другая форма оптимизма, такъ называемый этический оптимизмъ. Онъ говоритъ намъ: да, жизнь полна муки, да, скорбь переполняетъ ее, но, все-таки, счастье достижимо, и достижимо оно при помощи нравственной жизни; счастье въ добродѣтели, и кто достигъ послѣдней, тотъ можетъ чувствовать себя счастливымъ. Отчасти это вѣрно; дѣйствительно, человѣкъ въ отказѣ отъ личнаго счастья находить спасеніе отъ мукъ и тревогъ, и нравственная жизнь даетъ ему сравнительно сносную жизнь; не будь этого, человѣкъ не смогъ бы выполнить свою этическую задачу въ общемъ міровомъ процессѣ. Но, все же, тотъ, кто думаетъ возвысить нравственность черезъ соединеніе ея со счастьемъ, является сильнѣйшимъ врагомъ ея, превращая ее въ утонченную форму эгоизма. Нравственная жизнь, какъ мы уже знаемъ, есть самоотреченіе и жертва, и жертва эта двойная: во-первыхъ, человѣкъ долженъ побороть въ себѣ природный голосъ эгоистическихъ стремленій, во-вторыхъ, человѣкъ долженъ жить такой жизнью, которая съ точки зрѣнія личнаго счастья не имѣетъ никакого смысла. Но и для общества нравственность есть жертва: развитіе культуры стоитъ въ полномъ противорѣчьи со счастьемъ человѣчества, и участіе человѣчества въ реализаціи мірового плана предполагаетъ отказъ отъ счастья. Нравственность счастья не даетъ, но, наоборотъ, и отъ личности, и отъ общества требуетъ отреченія отъ всякой иллюзіи возможности счастья. Такимъ образомъ, этический оптимизмъ не соединимъ съ требованіями нравственнаго сознанія.

Ни въ жизни, ни въ добродѣтели мы счастья не находимъ, не даетъ его и религія. Намъ говорятъ: счастье есть, его даетъ намъ надежда, именно, надежда на блаженство по ту сторону міра; всю жизнь человѣка тѣснить страданіе, и все, что только встрѣчаетъ онъ въ своей жизни, несетъ ему новую и новую муку; клеймя реальный міровой про-

цесъ, пессимизмъ вполне правъ, но онъ забылъ одно: среди горя и скорби человѣкъ находитъ себѣ утѣшеніе въ вѣрѣ; пусть слишкомъ тяжела жизнь, но надежда облегчаетъ ее, она залѣчиваетъ полученные раны, она даетъ утѣшеніе въ горѣ... Но развѣ это отвѣтъ; это только отодвиганіе проблемы вдаль, и попытка мыслить неразрѣшимую здѣсь, на землѣ, проблему разрѣшенной въ прямо-таки для этой цѣли придуманномъ лучшемъ мірѣ является лишь уверткой для того, чтобы какъ можно дольше сохранить иллюзію изголодавагося по счастью эгоизма, иллюзію, которую нравственное сознаніе должно рѣшительно отвергнуть. Если религія не можетъ признать здѣсь на землѣ счастье конечной реальностью, если она не можетъ указать вѣчной жизни уже въ земной жизни, то она должна избавить насъ отъ своихъ обнадеживаній, что мы вкусимъ вѣчную жизнь, если будемъ похоронены по-христіански. Только опираясь на земное, богословіе можетъ оправдать религіозный оптимизмъ. Кромѣ того, тѣ радости, которыя даются намъ религіозной жизнью—радость покаянія, радость молитвы, радость повиновенія волѣ Божіей, не могутъ быть радостями автономнаго религіознаго сознанія: съ точки зрѣнія истинной нравственности онѣ неприемлемы. И по мѣрѣ того какъ растетъ автономная нравственность, эти чувства должны замирать, какъ бы сильны ни были они еще и донинѣ. Намъ возражать: но вѣдь есть же и истинно религіозныя натуры, которымъ религія даетъ счастье, счастье уже автономнаго религіознаго сознанія. Но развѣ много ихъ, развѣ онѣ не исключенія, развѣ на этихъ одиночкахъ можетъ быть основано религіозное наслажденіе какъ общая міровая цѣль? Наконецъ, для высокорелигіозныхъ людей степень религіознаго наслажденія прямо пропорціональна степени религіознаго сомнѣнія и мукъ: надежда на блаженство рѣшительно перевѣшивается страхомъ передъ судомъ, удовлетвореніе примиреннаго религіознаго сознанія—мукою снова и снова возникающихъ внутреннихъ раздоровъ, такъ что сама религія даетъ человѣчеству больше страданія чѣмъ насла-

жденія. И попробуйте уменьшить это страданіе: вмѣстѣ съ тревогою передъ адскими мученіями исчезаетъ и предвкушеніе небеснаго блаженства, со страхомъ передъ карою на землѣ исчезаетъ надежда на защиту и помощь Провидѣнія, съ муками покаянія—радость прощенія грѣховъ и т. д. Вѣрующему тогда остается только покой, но этотъ покой есть не радость, но лишь резиныяція передъ Богомъ т.-е. отрицаніе личнаго блаженства—прямая противоположность того, что искалось.

Послѣдней позиціей религіознаго оптимизма является мистика. Она ставитъ себѣ цѣлью наслажденіе единствомъ человѣка съ Богомъ путемъ непосредственнаго интуитивнаго постиженія этого единства. Однако, какъ мало для обыкновеннаго человѣка его богочеловѣчество является причиной блаженства, такъ же мало является оно причиной блаженства и для человѣка, сознавшаго свое богочеловѣчество какъ свое неотъемлемое достояніе. Въ обыкновенномъ человѣкѣ миръ еще не нарушенъ, здѣсь же онъ уже не нарушается болѣе, а, какъ извѣстно, мы познаемъ не миръ какъ таковой, но возобновленіе его послѣ его нарушенія. Сознаніе богочеловѣчества, такимъ образомъ, само по себѣ, ничего не даетъ, и если блаженство находится въ немъ, то это блаженство надо искать въ томъ, что осуществляется на основаніи этого сознанія богочеловѣчества, что вытекаетъ изъ него, т.-е. или въ основанной на религіи нравственности или же въ наслажденіи интуитивнымъ постиженіемъ единства съ Богомъ. Но первое предположеніе ставитъ обоснованіе религіознаго оптимизма на этическую почву, а мы признали этическій оптимизмъ несостоятельнымъ; остается, слѣдовательно, въ силѣ лишь второе предположеніе.

Съ точки зрѣнія конкретнаго монизма, т.-е. того міропониманія, которое единственно можетъ дать обоснованіе морали, мистика оказывается ненужной. Человѣку ненужно искать болѣе единства съ Богомъ, ибо онъ постоянно обладаетъ этимъ единствомъ, поскольку оно вообще достижимо; черезъ это тождество съ Богомъ онъ нисколько не пе-

рестаетъ быть человѣкомъ, такимъ какимъ онъ есть. Сознаніе богочеловѣчества можетъ возвысить, укрѣпить, облагородить, но дать счастье оно не можетъ.

Мистика передъ судомъ конкретнаго монизма оказывается несостоятельной по слѣдующимъ соображеніямъ: индивидуумъ тождественъ съ Богомъ лишь по лежащей въ основѣ индивидуума безсознательной сущности, но между Богомъ какъ сущностью и индивидуумомъ какъ явленіемъ все же есть различіе. И такъ какъ сознаніе принадлежитъ индивидуальному явленію, а не сущности, то нѣтъ возможности при помощи мистической интуиціи перепрыгнуть это различіе, ибо если мистическая интуиція сознательна, тогда она принадлежитъ къ отличнымъ отъ Бога сторонамъ индивидуума, если же она безсознательна, мы не можемъ наслаждаться; наконецъ, сводя Бога какъ такового къ сущности міра, конкретный монизмъ лишаетъ Бога того абсолютнаго блаженства, которое до сихъ поръ искали въ немъ, и, слѣдовательно, уничтожаетъ надежду индивидуума черезъ мистическое соединеніе съ Богомъ принять участіе въ его блаженствѣ.

Остановимся немного на томъ понятіи блаженства Бога, которое устанавливаетъ теизмъ.

Это блаженство Бога теряетъ всякій смыслъ въ монистическомъ міросозерцаніи: разъ Богъ и міръ по сущности своей одно и то же, то блаженство Бога можетъ получиться лишь изъ мірового процесса какъ единственной жизни Бога. Но мы тщетно искали это блаженство въ мірѣ, мы его нигдѣ не нашли, міръ въ своемъ развитіи не несетъ счастья Богу, міровой процессъ не есть самоцѣль.

Но если есть абсолютная цѣль, если эта абсолютная цѣль есть счастье абсолюта, если данный міръ этого счастья не даетъ, то отсюда возможны два выхода: или нравственность есть иллюзія, или цѣль эта чисто отрицательная — освобожденіе отъ страданія. Богъ въ самомъ себѣ не былъ блаженъ, ибо, если бы онъ былъ блаженъ, тогда было бы непонятнымъ, какъ онъ, и безъ того насла-

ждающійся блаженствомъ, создалъ столь несчастный міръ и отягчилъ себя всѣми страданіями міра для того, чтобы быть еще блаженнѣй, и какъ міровой процессъ можетъ служить средствомъ для увеличенія счастья Бога. Нѣтъ, до созданія міра Богъ былъ несчастенъ, и, желая избавиться отъ несчастья и достигъ состоянія покоя, абсолютъ бросился въ несказанныя муки мірового процесса, ибо этотъ процессъ есть средство для того, чтобы кончилось несчастье абсолюта. Если бы не былъ созданъ міръ, страданія Бога были бы безконечны, теперь же, все равно, усилились они или уменьшились, они имѣютъ конецъ. Бога, который мучится въ видѣ безчисленныхъ созданий, просто для того чтобы стать еще счастливѣй, нравственное сознание отвергаетъ; Богу, который принужденъ взять на себя самыя тяжелыя страданія, чтобы сократить и уничтожить еще болѣе тяжелую жизнь, такому Богу сочувственно откликнутся всѣ человѣческія сердца. Какъ всякая отдѣльная скорбь тонетъ въ океанѣ міровой скорби, подобно каплѣ въ морѣ, такъ вся міровая скорбь исчезаетъ въ безконечной скорби Бога, который беретъ на себя всѣ страданія міра. Что значитъ самое высшее горе отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ горемъ, испытываемымъ всей совокупностью твореній, что значитъ горе всѣхъ твореній въ сравненіи съ горемъ, испытываемымъ Богомъ, что значитъ, наконецъ, это горе въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, избавленіемъ отъ котораго оно служить!

Теперь, послѣ долгихъ поисковъ, мы дошли до желаннаго конца, теперь мы можемъ дать окончательный отвѣтъ, что такое нравственность.

Изначала есть Богъ, этотъ Богъ несчастливъ, но онъ хочетъ прекратить свое безконечное страданіе и для этого онъ создалъ нашъ міръ муки и скорби. Этотъ міръ есть воплощеніе Божества, его процессъ есть исторія страданій воплотившагося Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ избавленію распятаго во плоти; *нравственность есть участіе въ работѣ сокращенія этого пути страданія и избавленія.*

Паеосъ Гартмана достигъ апогея; въ послѣднее время человѣчество мало читало такихъ вдохновенныхъ книгъ. Кажется, снова воскресъ давно ужъ уставшій порывъ сердца и мысли... Современное сознание страстно томится по такомъ порывѣ, оно ищетъ его во всѣхъ направленіяхъ, въ послѣднее время оно ищетъ его въ религіозной метафизикѣ.

Въ столь короткомъ очеркѣ невозможно исчерпать содержаніе всей этики Гартмана; многое и изъ очень важнаго опущено, но вѣдь моя цѣль—лишь напомнить о Гартманѣ, заинтересовать имъ, указать, сколько цѣннаго есть въ этикѣ этого замѣчательнаго, но упорно забываемаго у насъ въ Россіи философа.

VI.

Въ этой сжатой статьѣ невозможно подвергнуть разбору этическую систему Гартмана въ ея цѣломъ; приходится, волей, неволей, свое пониманіе сосредоточить на самыхъ центральныхъ пунктахъ ея.

Этика Гартмана является, какъ видимъ, яркимъ образцомъ метафизической этики, и для правильной оцѣнки ея необходимо выяснить вопросъ о правѣ метафизической этики на существованіе. Мы знаемъ, что этотъ вопросъ въ философіи не есть еще вопросъ поконченный; позитивная, научная этика настойчиво пытается завоевать себѣ первое и единственное мѣсто, изгнать, устранить всякую зависимость этики отъ метафизики и построить этику исключительно на эмпирическихъ данныхъ.

Въ самомъ ли дѣлѣ этика есть эмпирическая наука, въ самомъ ли дѣлѣ она не нуждается въ гносеологическихъ и метафизическихъ предпосылкахъ?

Въ русской философской литературѣ извѣстна попытка показать безразличіе для этики гносеологическихъ выводовъ; эта попытка принадлежитъ Вл. Соловьеву, этические взгляды котораго въ первую половину его философской дѣятельности такъ поразительно напоминали Гартмана, но

впослѣдствіи претерпѣли нѣкоторое измѣненіе. Аргументація Вл. Соловьева такова: въ нравственной философіи мы изучаемъ только наше внутреннее отношеніе къ нашимъ же собственнымъ дѣйствіямъ, т.-е. нѣчто *безспорно* доступное нашему познанію. И субъективный идеализмъ не можетъ отрицательно повліять на нравственное сознаніе: сомнѣніе въ самостоятельномъ существованіи внѣшнихъ существъ не есть еще увѣренность въ ихъ небытіи, и потому теоретическое сомнѣніе недостаточно, чтобы подорвать нравственно-практическую увѣренность. При этомъ критическое сомнѣніе никогда не является окончательной точкой зрѣнія, а такъ или иначе разрѣшается въ пользу признанія объективнаго бытія внѣшняго міра. Но если бы и былъ возможенъ субъективный идеализмъ, то это было бы фатально лишь для объективной стороны этики, а не для ея собственной внутренней области; это подрывало бы во мнѣ интересъ юридическій, политическій, общественный, филантропическій, но оставляло бы въ полной силѣ интересъ индивидуально-нравственный или обязанности къ самому себѣ. Не испытывая нѣжнаго участія къ окружающимъ меня призракамъ, я тѣмъ болѣе долженъ былъ бы воздержаться отъ злыхъ страстей по отношенію къ нимъ, ибо злобствовать на призраки постыдно и нелѣпо.

Доказалъ Вл. Соловьевъ независимость этики отъ теоріи познанія? Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, первая часть его аргументаціи даетъ лишь новое и, надо сказать, одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій противъ субъективнаго идеализма, косвенно, такимъ образомъ, укрѣпляя гносеологическій реализмъ; вторая же часть аргументаціи крайне слаба: да, злобствовать на призраки постыдно и нелѣпо, но развѣ нравственная заповѣдь говорить только: „Не злобствуй, не обижай“, она говоритъ еще и другое, самое главное: „люби, активно люби“, а развѣ можно *такъ* любить призраки?

Нѣтъ, теорія познанія необходима, крайне необходима для этики, и только на почвѣ реализма можетъ быть обос-

нована мораль—въ постоянномъ подчеркиваніи и развитіи этой мысли большая заслуга Гартмана...

Нужна ли метафизика для нашего нравственного міросозерцанія? Въ человѣкѣ живутъ двѣ любви—любовь къ себѣ и любовь къ другимъ. И эгоизмъ и альтруизмъ реально владѣютъ нашимъ сердцемъ, и не отрицанія одного изъ нихъ, но синтезирующаго примиренія ихъ требуетъ нравственное сознание. Но вопросъ о правахъ индивидуума и его отношеніи ко „всему“ и составнымъ частямъ „всего“ можетъ быть выясненъ только тогда, когда мы поймемъ это „все“. Но то, что рѣшаетъ вопросъ о сущности и связи вещей, что рѣшаетъ вопросъ „что есть все?“ есть не отдѣльная эмпирическая наука, но метафизика въ той или иной формѣ ея. Далѣе, моя воля чего-то хочетъ, къ чему-то стремится. Моя жизнь всегда должна имѣть какую-нибудь цѣль, которая была бы не иллюзорной, но объективной и реальной, для того чтобы я прожилъ не бессмысленно и не напрасно. Лишь вѣря въ цѣлесообразность своей жизни и въ цѣлесообразность міра, органической частью котораго являюсь я, я могу жить плодотворной жизнью; лишь вѣря въ существованіе конечной міровой цѣли и сознавая свое единство съ міромъ, а не отдѣленность отъ него, я могу утверждать, что я что-то сдѣлалъ и что я могъ это сдѣлать. Но развѣ эмпирическая наука рѣшаетъ вопросы о цѣлесообразности міра, о смыслѣ мірового развитія и конечныхъ цѣляхъ его, о единствѣ индивидуума съ макрокосмомъ?

Заслуга Гартмана въ томъ, что онъ показалъ, что метафизика вызывается самыми глубокими вопросами практической жизни, что наше нравственное сознание постулируетъ тѣ или иныя метафизическія убѣжденія на каждомъ шагу, что этика должна быть или метафизической или никакой.

Но бываютъ различныя метафизическія ученія; на почвѣ какого же изъ нихъ единственно можетъ быть построена мораль?

Та форма метафизики, которую даетъ Гартманъ, и которая въ послѣднее время все болѣе и болѣе, также и у насъ въ Россіи, завоевываетъ себѣ господство, есть конкретный монизмъ. Принципъ конкретного монизма заключается въ томъ, чтобы правомѣрно синтезировать и правду индивидуализма, и правду всеединства. Прочія метафизическія ученія грѣшили либо забвеніемъ мірового единства, либо отрицаніемъ реальности индивидуумовъ. Конечно, было бы слишкомъ смѣло сказать, что Гартманъ далъ намъ образецъ конкретного монизма, конечно, послѣ него осталось еще слишкомъ много работы, но Гартманъ былъ зато однимъ изъ первыхъ, поставившихъ эту задачу. Въ русской философской литературѣ, къ чести ея, эта задача особенно усиленно разрѣшается, но это разрѣшеніе можетъ пойти успѣшнѣй, если мы будемъ знать предыдущіе отвѣты.

Настоящая статья и такъ разрослась; но писать подробно объ этической системѣ Гартмана, подвергнуть разбору ея основныя положенія, выяснить ея значеніе для современнаго сознанія—дѣло не журнальной статьи, но диссертации.

Моя цѣль, повторяю, гораздо скромнѣй—лишь напомнить о Гартманѣ какъ о замѣчательномъ писателѣ по этикѣ, лишь заинтересовать имъ, лишь побудить обратиться къ изученію его философіи и, въ частномъ случаѣ, его этики. Если мнѣ это удалось, если читатель созналъ необходимость изученія Гартмана при разработкѣ этической проблемы, моя цѣль достигнута.

П. Блонскій.

Императоръ Павелъ I.

Психологическій анализъ.

Цѣль настоящей работы выяснить неоднократно возникавшій вопросъ о психическомъ здоровьѣ Павла I; лучший историкъ Павла I Шильдеръ не высказался положительно по этому вопросу и оставилъ его открытымъ ¹⁾; Шиманъ считаетъ Павла I душевнобольнымъ ²⁾.

Тщательное изученіе обширной литературы о жизни и царствованіи этого государя приводитъ къ убѣжденію, что Павелъ I не страдалъ душевной болѣзнью; такой выводъ, понятно, долженъ быть обоснованъ подробнымъ психологическимъ анализомъ характера этого государя. Психологическій анализъ долженъ объяснить странные поступки Павла I, объяснить, почему многіе сомнѣвались относительно его психического здоровья, а нѣкоторые считали его душевнобольнымъ.

Личность Павла I возбуждала удивленіе, и мы имѣемъ очень много свѣдѣній о характерѣ и дѣятельности этого государя, но до сихъ поръ не имѣемъ объясненія его характера и царствованія; историки ограничиваются изложеніемъ событій; восполнить этотъ пробѣлъ долженъ психологическій анализъ. Конечно, для такого психологическаго анализа необходимо подробное и всестороннее изученіе всей жизни и всей дѣятельности этого государя.

Я не нашелъ нужнымъ откладывать опубликованіе этого труда до появленія обѣщанной Шумигорскимъ большой, двухтомной

¹⁾ Императоръ Павелъ I, стр. 461—465.

²⁾ Schiemann (Die Ermordung Pauls. Vorwort.) высказывается весьма категорически „schliesslich in volle Geistesstörung ausmündende, haltlose Erregung und den despotischen Grossenwahn“.

«Исторіи Императора Павла», такъ какъ мы уже обладаемъ достаточными матеріалами для психологическаго анализа Павла I. Именно намъ недостаетъ психологическаго уясненія этой своеобразной личности, и потому немислимо правильное пониманіе царствованія Павла I. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможно пониманіе личности Павла I и его царствованія, когда одни историки (Буцинскій¹⁾, Кабеко²⁾ считаютъ его свѣтлою личностью, другіе сомнѣваются въ нормальности его умственныхъ способностей; наконецъ, есть историки, считающіе его душевнобольнымъ.

Считаю необходимымъ оговориться, что я, насколько это мнѣ было доступно, пользовался источниками и только, при недоступности послѣднихъ для меня, ограничивался выписками изъ лучшихъ трудовъ о Павлѣ I; главнымъ образомъ я пользовался въ такихъ случаяхъ прекрасною работою Шильдера.

Литература о Павлѣ I очень обширна; нѣкоторыми источниками я не нашелъ нужнымъ пользоваться, въ виду ихъ малой достовѣрности.

О событіи 11 марта 1801 г. я только упоминаю, потому что оно по существу не входитъ въ задачу моего изслѣдованія и, наконецъ, не поддается точному описанію, а потому и недоступно психологическому анализу.

Такъ какъ рѣшеніе вопроса о психическомъ здоровьѣ Павла I составляетъ выводъ изъ всего психологическаго анализа его личности, этому вопросу посвящена послѣдняя глава, и онъ разобранъ сравнительно кратко.

I.

Портреты и бюсты Павла I, а также описанія современниковъ даютъ намъ достаточно матеріала для сужденія о наружности и здоровьѣ этого государя.

Димсдаль, прививавшій въ 1768 году оспу Павлу Петровичу и по требованію Н. Панина его изслѣдовавшій и наблюдавшій, такъ отзывался о соматическомъ состояніи Павла Петровича: «великій князь прекрасно сложенъ, бодръ, силенъ и безъ всякаго природнаго недостатка, росту средняго, имѣетъ прекрасныя черты лица и очень хорошо сложенъ. Его тѣлосложеніе нѣж-

1) Отзывы о Павлѣ I его современниковъ 1901.

2) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1882.

ное, что происходитъ, какъ я полагаю, отъ сильной любви къ нему и излишнихъ о немъ попеченій со стороны тѣхъ, которые имѣли надзоръ надъ первыми годами наслѣдника и надежды Россіи. Несмотря на то, онъ очень ловокъ, силенъ и крѣпокъ, привѣтливъ, веселъ и очень разсудителенъ...¹⁾».

Повидимому Димсдаль усвоилъ взглядъ Екатерины II о крайне вредномъ вліяніи на здоровье Павла Петровича неразумнаго за нимъ ухода въ первые годы его жизни; «онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видѣла его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ съ лица его и по всему тѣлу; вслѣдствіе чего когда выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра²⁾».

Однако, въ то время въ богатыхъ домахъ всѣхъ дѣтей растили такимъ же образомъ, но едва ли «екатерининскіе «орды» были изнѣженнѣе нашихъ современниковъ, воспитанныхъ по всѣмъ правиламъ гигиены. Вообще, не слѣдуетъ преувеличивать вліянія обстановки на нашъ организмъ; да, наконецъ, развѣ и теперь мы дѣйствительно знаемъ, что полезно и вредно для организма ребенка. Кто же не знаетъ несчастныхъ неврастениковъ, выращенныхъ заботливыми матерями, добросовѣстно исполнявшими всѣ предписанія гигиены. Вполнѣ естественно, что Екатерина II отрицательно относилась къ системѣ воспитанія Елизаветы Петровны; также будетъ относиться слѣдующее поколѣніе къ современнымъ взглядамъ.

Императоръ Павелъ I былъ малаго роста, какъ то можно судить и по портретамъ и по свидѣтельству современниковъ; Д. Х. Ливенъ категорически заявляетъ, что Павелъ I *était petit de taille*³⁾ Чарторыйскій также упоминаетъ о *petite stature* этого государя⁴⁾; баронесса Оберкирхъ утверждаетъ, что Павелъ I былъ очень малаго роста (*il était de fort petite taille*)⁵⁾.

Наиболѣе цѣнное свѣдѣніе о наружности Павла I намъ даетъ наблюдательный, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ достовѣрный его современникъ, графъ Ф. Головкинъ: «Онъ былъ очень худощавъ;

1) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 2-ой, стр. 313.

2) Записки Императрицы Екатерины, 1859, стр. 60.

3) Schiemann. Die Ermordung Pauls, J. 37.

4) Memoires du prince Adam Czartoryski. Vol. 1, p. 146.

5) Memoires de la Barrone d'Oberkirch. Vol. 1, p. 180.

у него были только кости и мускулы (tout en os et en muscles), но онъ былъ хорошо сложенъ». «Въ его глазахъ было много выраженія, и его очень большіе зубы были такъ бѣлы и правильны, что ротъ былъ почти красивъ»¹⁾. Баронесса Оберкирхъ увѣряетъ, что глаза Павла I отличались живостью, одушевленностью и умомъ. На портретахъ Павла I глаза не поражаютъ красотою или выразительностью.

Вообще, Павелъ I былъ очень некрасивъ; и портреты, и отзывы современниковъ вполнѣ согласны между собою въ этомъ отношеніи; даже Людовикъ XVIII нашелъ нужнымъ отмѣтить, что Павелъ Петровичъ въ 1782 г. былъ замѣчательно дуренъ собою (d'une laideur remarquable)²⁾.

Къ сожалѣнію, невозможно опредѣлить размѣровъ его головы и ея форму по бюстамъ, вслѣдствіе особенностей прически; измѣреніе поперечнаго діаметра вслѣдствіе бѣлокъ совершенно невозможно. Приходится довольствоваться глазомѣромъ или простымъ осмотромъ.

Прежде всего бросается въ глаза брахицефалія Павла I; форма черепа круглая; насколько можно довѣрять осмотру, особенно укороченъ передне-задній діаметръ, и потому при разсматриваніи бюста сбоку голова кажется странной, очень короткой.

Мало-мальски опытный наблюдатель, при разсматриваніи бюстовъ Павла I, замѣчаетъ рѣзко выраженную покатоcть лба; лобъ вообще очень низокъ и до такой степени рѣзко наклоняется назадъ, что эта покатоcть начинается почти непосредственно надъ надбровными дугами. Если бюсты Павла I сдѣланы хорошо, то несомнѣнно, что крайняя покатоcть лба, и вообще прогнатизмъ всего лица далеко переходятъ за границы нормы.

Насколько вообще можно судить о людяхъ по ихъ бюстамъ, каждый, кто внимательно всматривался въ бюсты какъ древніе, такъ и дѣятели новой исторіи, согласится со мною, что бюсты Павла I свидѣтельствуютъ о значительной неправильности или аномаліи его черепа.

Человѣкъ съ столь покатымъ и низкимъ лбомъ не могъ быть надѣленъ высшими духовными способностями: волею, вниманіемъ, разсудительностью или способностью къ систематическому, послѣ-

1) Conte Feodor Golovkine. La cour et le règne de Paul I. p. 100.

2) Memoires de Louis XVIII. 1832. Vol. II, p. 167.

довательному мышленію. Очевидно, что въ такомъ черепѣ переднія лобныя доли головного мозга не могли развиваться правильно, должны были отставать въ развитіи отъ остальныхъ отдѣловъ мозга.

Общій прогнатизмъ, столь рѣзко выраженный въ бюстахъ Павла I, также едва ли случайное явленіе, хотя значеніе прогнатизма и теперь еще не вполне точно выяснено, но все, что намъ извѣстно объ этомъ явленіи, даетъ право думать, что человѣкъ съ такимъ прогнатизмомъ едва ли могъ быть надѣленъ высшими духовными способностями.

Широкія, выступающія скулы не даютъ намъ права на какое-либо опредѣленное заключеніе; безспорно, что лица съ широкими выдающимися скулами могутъ достигать высшихъ степеней умственного развитія. Широкія скулы на широкой головѣ и при кругломъ черепѣ едва ли, сами по себѣ, могутъ считаться признакомъ вырожденія. Тоже слѣдуетъ сказать и про маленькій, вздернутый, съ изгибомъ переносицы, и съ широкими ноздрями, носъ Павла I.

При изученіи портретовъ Павла I нельзя не замѣтить выступающихъ, сильно развитыхъ надбровныхъ дугъ и глубокихъ глазницъ.

Едва ли однако эти явленія можно, въ данномъ случаѣ, считать признаками (*stigmata*) вырожденія; вѣроятно же это послѣдствіе англійской болѣзни, перенесенной въ дѣтствѣ Павломъ Петровичемъ. По крайней мѣрѣ на портретѣ въ галереѣ гр. Строганова мальчикъ выглядитъ очень красивымъ и трудно допустить, что этотъ портретъ, снятый съ ребенка, нисколько не походилъ на оригиналъ. Частыя желудочныя расстройства, которыми страдалъ въ дѣтствѣ Павелъ Петровичъ, также даютъ намъ право предполагать англійскую болѣзнь.

Такимъ образомъ у Павла Петровича были признаки вырожденія и, что болѣе важно, аномаліи въ формѣ или развитіи черепа. Сами по себѣ признаки вырожденія, однако, едва ли имѣли большое значеніе; такіе же признаки наблюдаются сравнительно часто, и на основаніи ихъ нельзя дѣлать категорическихъ заключеній о психической жизни лицъ, обладающихъ ими.

Гораздо больше значенія имѣютъ аномаліи въ формѣ черепа; какъ бы скептически мы ни относились къ выводамъ и догадкамъ антропологовъ, нельзя сомнѣваться, что форма черепа имѣетъ

большое вліяніе на развитіе головного мозга. Правда, измѣренія пока не даютъ важныхъ для психолога и социолога результатовъ; но тотъ, кто внимательно разсматривалъ много бюстовъ и портретовъ великихъ людей и преступниковъ, не можетъ сомнѣваться въ громадномъ значеніи формы черепа. Этотъ фактъ хорошо былъ извѣстенъ всѣмъ великимъ художникамъ, что доказано Dr. Lefort въ его прекрасномъ трудѣ: *Le type criminel d'après les savants et les artistes.*

Не придавая значенія мелкимъ или слабо выраженнымъ признакамъ вырожденія, я, однако, долженъ остановиться на бросающейся въ глаза особенности въ физической организаціи Павла I.

Самъ по себѣ маленькій ростъ, конечно, не имѣетъ большого значенія, но и свидѣтельство графа Головкина, и всѣ портреты Павла I даютъ право утверждать, что катаболическіе процессы въ организмѣ этого государя значительно преобладали надъ анаболическими. Это мы можемъ утверждать не только на основаніи крайней худощавости Павла I, но и на основаніи раннего выпаденія волосъ и относительно рано наступившей старости. Павелъ I, насколько намъ извѣстно, не страдалъ какою-либо болѣзнію, вызывающею потерю волосъ и раннюю старость. Всѣ его портреты—а несомнѣнно художники все же льстили Павлу I—свидѣтельствуютъ о большомъ количествѣ морщинъ—признакѣ старости. Вообще, на портретахъ Павелъ I выглядитъ гораздо старше своихъ лѣтъ, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что онъ жилъ въ благопріятныхъ для сохраненія здоровья условіяхъ, не перенесъ тяжелыхъ болѣзней; намъ извѣстно, что лишь въ началѣ 1790 г. онъ страдалъ какою-то болѣзнію, которую онъ считалъ опасною. Поэтому и раннее выпаденіе волосъ, и преждевременную старость слѣдуетъ также объяснять преобладаніемъ катаболическихъ процессовъ надъ анаболическими.

Fouillée говоритъ вполне вѣрно: «По нашему мнѣнію, сила деструктивныхъ измѣненій въ жизни организма опредѣляетъ темпераментъ» ¹⁾. Ясно выраженное преобладаніе катаболическихъ или деструктивныхъ процессовъ надъ анаболическими или созидательными, перевѣсъ дезинтеграціи надъ интеграціей или разрушенія надъ созиданіемъ въ физической организаціи обуслови-

1) Fouillée. *Tempérament et Caractère.* P. 5.

валъ крайнюю худобу или худощавость, раннюю старость. Весьма возможно, что и очень малый ростъ Павла I зависѣлъ отъ той же причины; во-первыхъ, трудно допустить, чтобы въ дѣтствѣ соотношеніе между анаболическими и катаболическими процессами было другое, чѣмъ въ теченіе всей жизни; во-вторыхъ, уже въ дѣтствѣ психическая дѣятельность Павла I указывала на крайнюю интенсивность катаболическихъ процессовъ.

Преобладаніе катаболическихъ процессовъ опредѣляло темпераментъ Павла I, имѣло громадное значеніе въ его психической жизни; этому преобладанію соотвѣтствовала крайняя быстрота въ возникновеніи, смѣнѣ и исчезновеніи психическихъ процессовъ, крайняя живость двигательныхъ реакцій на всѣ раздраженія. Мы вообще еще мало знаемъ объ этихъ процессахъ, а потому намъ неизвѣстно, гдѣ именно лежитъ переходъ физиологическаго въ патологическое.

Настаивая на громадномъ значеніи этой особенности въ физической организаціи Павла I, я, однако, не думаю, чтобы эту особенность можно было считать чѣмъ-то патологическимъ; можетъ быть, вообще она есть проявленіе вырожденія, но пока мы не имѣемъ права для категорическихъ заключеній. Для меня несомнѣнно лишь то, что эта особенность имѣла громадное значеніе въ психической жизни Павла I, и потому, непринимая ея въ соображеніе, нельзя понять загадочный характеръ этого государя. Если бы въ физической организаціи не было этой особенности, несомнѣнно, что царствованіе этого государя не было бы такъ ужасно для Россіи, какъ оно было именно вслѣдствіе крайне живого темперамента Павла I.

Я еще разъ настаиваю, что всѣ эти особенности въ физической организаціи Павла I не даютъ намъ права считать его патологическимъ субъектомъ, человѣкомъ больнымъ. Слѣдуетъ считать грубымъ заблужденіемъ мнѣніе тѣхъ психіатровъ, которые считаютъ больными всѣхъ лицъ, значительно отличающихся отъ средняго типа; уклоненія также законны, какъ и нормальныя явленія.

Валишевскій, обстоятельно изложивъ все намъ извѣстное о происхожденіи Павла Петровича, высказалъ слѣдующее вполне вѣрное заключеніе: «Ce procès historique, roulant sur une question de paternité contestée, n'a, nous l'avouerons volontiers, à nos yeux,

q'une importance très secondaire» ¹⁾. Раздѣляя взглядъ Валишевскаго, я могъ бы ограничиться повтореніемъ сказаннаго Шильдеромъ: «По существу, событіе 20 сентября (рожденіе Павла Петровича) подверглось въ нашей исторіографіи различнымъ толкованіямъ; мы же удовольствуемся здѣсь замѣтить: явился сынъ Минервы, и предадимъ забвенію печальную память о его отцѣ» ²⁾.

Однако, является необходимость высказать свой взглядъ по этому вопросу, въ виду извѣстной работы многоуважаемаго П. И. Ковалевскаго—Императоръ Павелъ I (Историко-психіатрической очеркъ) ³⁾. П. И. Ковалевскій начинаетъ свой трудъ такъ: «Императоръ Павелъ I сынъ Петра III, который былъ хилъ тѣломъ и духомъ... и Екатерины II, несомнѣнно женщины физически мощной и умственно гениальной. Такое сочетаніе свойствъ родителей имѣло послѣдствіемъ то обстоятельство, что Павелъ унаслѣдовалъ натуру отца, значительно смягченную высокими духовными качествами матери». Вся работа П. И. Ковалевскаго составляетъ развитіе и подтвержденіе этого положенія; въ концѣ труда (стр. 42) онъ считаетъ доказаннымъ: «Геній и физическая мощь Екатерины съ избыткомъ покрыли двойной дефектъ качествъ организациі Петра III. Вотъ почему мы видимъ въ Павлѣ вырожденіе рода и дегенерацию несравненно слабѣйшую, чѣмъ у его отца».

При всемъ моемъ уваженіи къ П. И. Ковалевскому, я рѣшительно не могу съ нимъ согласиться, такъ какъ онъ считаетъ несомнѣннымъ то, что, по меньшей мѣрѣ, болѣе чѣмъ невѣроятно. Тутъ нѣтъ надобности повторять достаточно извѣстныя обстоятельства и свидѣтельства современниковъ; все это изложено въ вышеназванномъ трудѣ Валишевскаго, и я только удивляюсь, почему П. И. Ковалевскій не придаетъ никакого значенія этимъ обстоятельствамъ и свидѣтельствамъ современниковъ.

Я считаю необходимымъ указать на одно весьма важное обстоятельство, насколько мнѣ извѣстно, не обратившее на себя вниманія историковъ.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что связь Петра III съ графиней

¹⁾ Le roman d'une impératrice Cathrine II de Russie. p. 88.

²⁾ Императоръ Павелъ Первый, стр. 2.

³⁾ „Вѣстникъ Душевныхъ Болѣзней“, 1904—май.

ней Елизаветой Романовной Воронцовой была не платоническая; дѣтей Воронцова отъ Петра III не имѣла. Послѣ смерти Петра III Воронцова вышла замужъ за Полянскаго, отъ котораго родила сына, восприемницей котораго была Екатерина II, и дочь, которая была сдѣлана фрейлиной по просьбѣ ея тетки, княгини Дашковой ¹⁾).

Я думаю, что это обстоятельство имѣеть рѣшающее значеніе и категорически опровергаетъ положеніе, изъ котораго исходить П. И. Ковалевскій. Трудно Минерву не приравнять къ Воронцовой: Воронцова жила съ Петромъ III, не имѣла дѣтей, но имѣла дѣтей отъ Полянскаго; если Воронцова, способность которой имѣть дѣтей доказана, не имѣла дѣтей отъ Петра III, мало вѣроятно, что его супруга была счастливѣй Воронцовой, тѣмъ болѣе, что Воронцова нравилась Петру III, чего нельзя сказать о Минервѣ.

Поэтому я не считаю возможнымъ сравнивать Павла I съ Петромъ III; да въ этомъ и нѣтъ надобности. Дѣлать какіе-либо выводы на спорномъ, недоказанномъ и мало вѣроятномъ допущеніи по меньшей мѣрѣ потерянный трудъ. Навѣрное никому не удастся собрать убѣдительныхъ доказательствъ, подтверждающихъ то, что П. И. Ковалевскій считаетъ несомнѣннымъ, и потому намъ остается лишь повторить еще разъ: «явился сынъ Минервы и предадимъ забвенію печальную память о его отцѣ».

Сынъ Минервы не унаслѣдовалъ геніальности своей матери; повидимому, геніальность матери не передается дѣтямъ, также какъ и геніальность отца.

Рѣдко сынъ такъ мало походить на мать, какъ Павелъ Петровичъ походилъ на свою. Только съ нѣкоторой натяжкой можно найти черты сходства въ ихъ физической и психической организаціи.

Всматриваясь въ портретъ Павла I, работы великаго Боровиковскаго, я нашель нѣчто общее между матерью и сыномъ какъ въ выраженіи лица, такъ особенно въ формѣ рта и подбородка; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Если сравнивать портреты Екатерины II и Павла I, то только въ портретѣ работы Боровиковскаго замѣчается сходство между матерью и сыномъ; конечно,

1) Записки княгини Дашковой. 1907 г., стр. 64.

выраженіе лица что-то неуловимое, и Боровиковскій могъ нарисовать именно то выраженіе, которое онъ видѣлъ на портретахъ великой императрицы. Наконецъ, Павелъ I могъ, хотя изрѣдка, придавать своему лицу то выраженіе, которое такъ очаровывало современниковъ его матери.

Но сходство въ формѣ рта и подбородка, мнѣ кажется, достаточно велико, чтобы оно могло быть объяснено ошибкой Боровиковскаго; трудно допустить, что нашъ великій портретистъ уклонился отъ истины; болѣе вѣроятно, что онъ подмѣтилъ то, чего не замѣчали обыкновенные наблюдатели.

Впрочемъ, справедливость сказаннаго каждый можетъ легко провѣрить, внимательно взглянувъ на портреты матери и сына.

Даже допуская замѣченное мною сходство, все же остается несомнѣннымъ, что сынъ очень, очень мало походилъ на мать; таково было мнѣніе современниковъ, и я не знаю ни одного свидѣтельства современника о сходствѣ сына съ матерью.

Особенно бросается въ глаза контрастъ между чуднымъ лбомъ матери и покатымъ лбомъ сына. D'Еон замѣтилъ, что лобъ Екатерины высокъ и «il y a un long et effrayant avenir écrit sur se front-la»¹⁾. Лобъ Павла настолько же отличался отъ лба его матери, насколько различна была судьба сына и матери.

И мать, и сынъ были люди здоровые; ни у Екатерины II, ни у Павла I не было какого-либо конституціональнаго дефекта; насколько намъ извѣстно, Екатерина II нерѣдко прихварывала; о своихъ частыхъ, но непродолжительныхъ заболѣваніяхъ она сама говоритъ въ своихъ запискахъ; о такихъ же заболѣваніяхъ упоминаетъ и Порошинъ. Но великая императрица и въ послѣдніе годы своей жизни поражала бодростью; понятно, что въ эти годы немногіе могутъ похвастаться цвѣтущимъ здоровьемъ. Павелъ I прихварывалъ, насколько намъ извѣстно, рѣже своей матери, хорошо переносилъ утомленіе и неудобства во время маневровъ, и былъ настолько крѣпокъ въ послѣдніе годы, что Лопухина играла нѣкоторую роль въ его жизни.

И мать, и сынъ были хорошіе наѣзники, хорошо танцовали и вообще отличались ловкостью; Екатерина II выдѣлялась крайнею гибкостью своихъ членовъ; такъ Порошинъ (27. VII. 1764) записаль: «Государыня изволила сказывать, что она ногою своею за

1) Waliszewsky. Le roman d'une impératrice Catherine II de Russie p. 121.

ухомъ у себя почесать можетъ». Павель I уже десяти лѣтъ удовлетворительно ѣздилъ верхомъ, недурно танцевалъ. Едва ли тутъ не играла роль наслѣдственность; конечно, много значило и воспитаніе, но при всемъ стараніи далеко не всякаго можно сдѣлать хорошимъ наѣздникомъ и танцоромъ.

Также можно объяснить наслѣдственностью нелюбовь Павла I къ спиртнымъ напиткамъ; извѣстно, что Екатерина II вообще не любила и не употребляла спиртныхъ напитковъ; тѣмъ же отличался и ея сынъ. Припоминая, какъ въ то время въ высшемъ обществѣ было распространено пьянство, воздержанность Павла I заслуживаетъ полного вниманія. Даже постоянное недовольство условіями жизни не вызывало у Павла I желанія искать успокоенія и забвенія въ винѣ. Даже пристрастіе къ военщинѣ не вызвало у него желанія подражать въ кутежахъ лихимъ офицерамъ.

Съ большимъ правомъ мы можемъ объяснять трезвость Павла I наслѣдственностью. Это свойство организаци онъ унаслѣдовалъ отъ своей великой матери.

Также можно объяснить его воздержанность въ пищѣ; ни мать, ни сынъ не любили хорошенько покушать, не были гурманами; столъ не игралъ роли въ ихъ жизни. Намъ хорошо извѣстно, какъ неприхотлива была въ этомъ отношеніи Екатерина II, и намъ неизвѣстно ни одной вспышки, ни одного анекдота изъ жизни ея сына по поводу не по вкусу приготовленнаго блюда. Зная, какъ Павель I легко сердился, когда не исполнялось его малѣйшее желаніе, несомнѣнно мы знали бы о наказаніяхъ имъ наложенныхъ за не по вкусу приготовленнаго блюда. Само собою разумѣется, что будучи императоромъ, Павель I, по его воззрѣніямъ на власть, требовалъ роскоши, но тутъ никакой роли не играло желаніе хорошо покушать. Парадные обѣды и ужины не доставляли сами по себѣ удовольствія этому государю, и придворныя увеселенія въ его царствованіе отличались уныніемъ и безвкусіемъ.

Трудно высказаться опредѣленно относительно полного равнодушія Павла I къ охотѣ; онъ конечно зналъ, что многіе монархи были страстные охотники, что охота—царственная забава, но никогда не увлекался ею, хотя и любилъ ѣздить верхомъ. Онъ долго тяготился бездѣйствіемъ, не зналъ, чѣмъ наполнить время, и казалось бы вполне естественнымъ, что жи-

вого характера, скучающій наследникъ престола свои досуги отдастъ охотѣ. Понятно, что ему съ величайшей готовностью предоставлены были бы всѣ средства для такого времяпрепровожденія. Но, сколько извѣстно, Павелъ даже и не пробовалъ развлечься охотою. Екатерина II тоже не любила охоты, но въ этомъ случаѣ едва ли наследственность играла роль. Весь складъ характера Павла I объясняетъ намъ его равнодушіе къ спорту. Екатерина II не любила спорта, потому что имѣла болѣе серьезныя и важныя цѣли въ жизни; наконецъ, до вступленія на престолъ, она, по своему положенію, не могла много заниматься охотой, а на престолѣ не имѣла достаточно времени, чтобы тратить его на пустяки; вообще все, что она дѣлала, дѣлала хорошо, и ничего не любила дѣлать кое-какъ.

Павелъ I не любилъ спорта по совершенно другимъ причинамъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ едва ли можно говорить о наследственности.

Въ психологическомъ отношеніи, единственно въ чемъ сынъ походилъ на мать — оба не понимали и не любили музыки. Однако, едва ли можно настаивать, что недоразвитіе вкуса къ музыкѣ у Екатерины II унаслѣдовано было ея сыномъ; вообще трудно доказать передачу по наследству чисто отрицательныхъ качествъ; впрочемъ, въ данномъ случаѣ можно лишь констатировать, что только въ этомъ отношеніи сынъ вполнѣ походилъ на мать ¹⁾.

Съ нѣкоторой натяжкой можно допускать, что недоразвитіе эстетическихъ чувствованій Павла I также объясняется наследственностью; несомнѣнно, что эти чувствованія были относительно слабо развиты у его великой матери; по крайней мѣрѣ, у этой богато одаренной отъ природы государыни эстетическій вкусъ былъ развитъ слабѣе, чѣмъ другія ея душевныя способности. Высокое духовное развитіе, необычайная проницательность замѣняли ей, до извѣстной степени, непосредственный художественный вкусъ, а потому, все, созданное ею, отличалось

¹⁾ На основаніи свѣдѣній, собранныхъ голландскими врачами, оказывается, что въ семьяхъ, въ которыхъ отецъ обладалъ музыкальнымъ талантомъ, а мать не обладала, 24 сына имѣли вкусъ къ музыкѣ, а 47 сыновей были не музыкальны. Heymans und Wiersma Beiträge zur speciellen Psychologie auf Grund einer Massenuntersuchung. Zeitschrift für Psychologie. Bd. 48 Heft. 2.

величавостью и даже красотою. Извѣстно, какъ много она сдѣлала для развитія нашего вкуса и искусства, но ея дѣятельность въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ о ея громадномъ умѣ, о пониманіи значенія красоты и искусства, а не о художественномъ вкусѣ. Ея литературныя произведенія доказываютъ относительную слабость ея эстетическихъ чувствъ. Екатерина II была лишена чувства природы; совершенно не понималъ ея и Павель I. Ясно, что не обладая такими громадными душевными способностями, какими была надѣлена мать, лишенный художественнаго вкуса, Павель I проявилъ полное недоразвитіе эстетическихъ чувствованій, полное непониманіе поэзіи, живописи, скульптуры и красоты.

Но еще разъ оговариваюсь, что это сходство между матерью и сыномъ лишь съ нѣкоторою вѣроятностью можетъ быть объяснено наслѣдственной передачею отрицательнаго качества или свойства отъ матери къ сыну.

Если бы еще были нужны доказательства безсилія воспитанія, то примѣръ невозможности воспитаніемъ измѣнить порочную натуру Павла I могъ служить тому блистательнымъ подтвержденіемъ.

Воспитаніе Павла I, принимая во вниманіе время и обстоятельства, было обставлено самымъ лучшимъ образомъ; едва ли въ то время можно было найти лучшихъ, болѣе пригодныхъ для воспитанія наслѣдника лицъ, чѣмъ тѣ, кому оно было ввѣрено.

Конечно, и воспитатели Павла I имѣли свои недостатки, но вѣдь людей идеальныхъ вообще такъ мало, что найти вполне безупречныхъ воспитателей среди крайне немногочисленной интеллигенціи того времени было совершенно невозможно. Я помню педагоговъ въ кадетскомъ корпусѣ по сравненію съ которыми лица, занимавшіяся воспитаніемъ и образованіемъ Павла I, были недостижимыми образцами.

Панчулидзева ¹⁾ вполне отрицательно относится къ Н. И. Панину: «болѣе неудачнаго выбора было трудно сдѣлать. Угрюмый и лѣнливый царедворецъ «склонный къ гуляніямъ» Панинъ не уберегъ ни души, ни тѣла своего питомца отъ зловредныхъ вліяній; не знавшій и не понимавшій Россіи, онъ не только искалъ ей идеаловъ на западѣ, и притомъ въ наименѣе пригодной формѣ

¹⁾ Исторія кавалергардовъ. Т. II, стр. 106—108.

шведскаго государственнаго устройства, но являлся иногда противникомъ Екатерины. Мы не имѣемъ права обвинять Панина въ систематическомъ и умышленномъ возстановленіи сына противъ матери и наслѣдника противъ своего государя, но несомнѣнно одно, что дѣти вообще, а нервныя въ особенности, въ высшей степени чутки не только къ словамъ и дѣйствіямъ окружающихъ ихъ лицъ, но и къ существующимъ между ними взаимнымъ симпатіямъ и антипатіямъ».

Я нарочно привелъ этотъ отзывъ Панчулидзева, чтобы показать, какъ несостоятельно неблагопорядное мнѣніе о Н. И. Панинѣ, этомъ едва ли не лучшемъ сотрудникѣ Екатерины II. Н. И. Панинъ былъ старый холостякъ, а потому мы можемъ повѣрить о его склонности къ «гуляніямъ»; понятіе о лѣности вообще условно, но несомнѣнно, что Н. И. отлично справлялся съ возложенными на него дѣлами; во всякомъ случаѣ эти недостатки не заразили дурнымъ примѣромъ его воспитанника и право, можно пожалѣть, что воспитанникъ не усвоилъ себѣ недостатковъ воспитателя. Ужъ никоимъ образомъ нельзя обвинять Панина, что онъ заразилъ своего ученика любовью къ западнымъ государственнымъ порядкамъ. Только презирая человѣческое достоинство, можно считать Н. И. Панина «противникомъ» Екатерины; дѣйствительно, Панинъ былъ просвѣщеннымъ сотрудникомъ своей государыни, но не былъ ея холопомъ.

Н. И. Панинъ былъ всей душой привязанъ къ своему царственному воспитаннику, а потому желалъ его видѣть на тронѣ; это вполне понятно и доказываетъ, что Панинъ могъ дѣйствительно быть хорошимъ воспитателемъ: безъ привязанности къ питомцу нельзя хорошо выполнять эту обязанность. Панинъ, какъ человѣкъ умный, весьма скоро понялъ несостоятельность своей мечты—управлять отечествомъ, пользуясь вліяніемъ на своего питомца. Характеръ Павла I обнаружился такъ рано, что всякій не очень глупый человѣкъ могъ ясно видѣть, что управлять имъ и черезъ него Россіей дѣло несбыточное. Вообще, мы не имѣемъ никакихъ указаній, что Н. И. Панинъ настраивалъ сына противъ матери, злоупотреблялъ своимъ положеніемъ воспитателя; отъ пронидательности Екатерины II не ускользнули бы зловредные намеки Н. И. Панина, и она, хотя въ угоду общественному мнѣнію и считала присутствіе Н. И. Панина около сына необходимымъ, нашла бы способъ прилич-

нымъ образомъ отстранить челоуѣка, развращающаго наслѣдника ¹⁾).

Н. И. Панинъ былъ не только крупный государственный дѣятель, но просвѣщенный и вполнѣ благородный челоуѣкъ; ничего холопскаго не было въ характерѣ этого русскаго патріота. Конечно, и у него были недостатки, но безусловно среди сотрудниковъ Екатерины II не было лица болѣе подходящаго, чѣмъ Панинъ, для воспитанія наслѣдника престола.

Неужели Бецкій могъ лучше выполнить эту задачу? Записки Порошина свидѣтельствуютъ, что Панинъ съ большимъ стараніемъ, любовью и тактомъ выполнялъ возложенную на него задачу. Панинъ весьма заботливо относился къ физическому развитію Павла I, обставилъ возможно лучшимъ образомъ его образованіе, пользовался всѣми способами, чтобы увеличить познанія своего воспитанника, приглашалъ къ столу наслѣдника престола лицъ, бесѣда которыхъ могла быть полезна мальчику. Панинъ допускалъ такую свободу мнѣній среди учителей Павла I, что и теперь нѣкоторые, и можетъ быть и многіе, пришли бы въ ужасъ.

„За столомъ рѣчь зашла о Карлѣ I англійскомъ. Г. Остервальдъ сказалъ тутъ: *Charles méritait bien la mort*. Я отвѣчалъ ему на то: *qu'on ne saurait la mériter, dès qu'on est sur le trône, que le peuple n'est jamais en droit de condamner son Roi à la mort*. Если онъ употреблялъ во зло данную ему власть, парламентъ могъ умалить ее ²⁾.“ Этотъ разговоръ свидѣтельствуетъ, какая среда окружала наслѣдника престола, какъ рано пытались ему объяснить великое значеніе предстоящей ему дѣятельности, что при немъ говорили правду. Панинъ рано замѣтилъ главные недостатки въ характерѣ своего воспитанника и самими разумными мѣрами старался исправить мальчика. Къ сожалѣнію его старанія остались вполнѣ безъ результата, также какъ и старанія корифея педагогики XIX вѣка Н. И. Пирогова, дѣйствовавшаго однако далеко не такъ гуманно, какъ Панинъ ³⁾

Законоучитель Павла I такъ извѣстенъ, что нѣтъ надобности доказывать, что лучшаго выбора сдѣлать было нельзя; тоже

¹⁾ Дневникъ Храповицкаго (20. VII. 1793) „по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина“.

²⁾ Порошинъ. Записки 4. IX. 1765.

³⁾ Пироговъ. Сочиненіе т. I. стр. 248—300.

можно сказать о С. Порошинѣ; къ сожалѣнію этотъ образцовый педагогъ былъ рано удаленъ отъ двора, такъ какъ влюбился въ графиню А. П. Шереметеву, которая потомъ сдѣлалась невѣстою Н. И. Панина. Въ воспитаніи и образованіи Павла I участвовали Николаи, Лафермьеръ, Левекъ, Эпинусъ — очень почтенные люди. По отзыву Шильдера ¹⁾ Остервальдъ „олицетворялъ собою полную педагогическую посредственность. Это былъ человѣкъ честный, но самаго дюжиннаго ума»; вышеприведенное мнѣніе Остервальда о Карлѣ I доказываетъ, что онъ имѣлъ самостоятельныя убѣжденія и не боялся ихъ высказывать.

Какъ человѣка крайне безнравственнаго, Теплова не слѣдовало привлекать къ образованію наслѣдника престола; какъ извѣстно, Тепловъ приступилъ къ дѣлу дурно, и его уроки не принесли никакой пользы Павлу I; но въ то время не было образованныхъ юристовъ, а Тепловъ считался первымъ законовѣдомъ. Когда нужно было учить законовѣдѣнію Николая Павловича, также не оказалось сколько-нибудь подходящаго лица, и едва ли Балугьянскій не былъ еще худшимъ наставникомъ, чѣмъ Тепловъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Екатерина, Н. И. Панинъ и его сотрудники сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, является хорошее образованіе Павла I; безспорно, онъ былъ для своего времени блестяще образованный и хорошо воспитанный человѣкъ. Все, что можно было сдѣлать, было сдѣлано, и упрекать воспитателей Павла I можетъ лишь тотъ, кто переоцѣниваетъ силу воспитанія. ;

Безспорно, что Екатерина искренно и горячо желала блага и своему сыну, и Россіи, а потому употребляла всѣ усилія разумно воспитать наслѣдника Русскаго престола. Изъ словъ Екатерины, сказанныхъ Храповицкому (какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала), ²⁾ можно было заключить, что она находила воспитаніе Павла I неудовлетворительнымъ; вполне понятно, что ей хотѣлось оправдать себя въ томъ, что воспитаніе не исправило сына: «Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ» и сваливала вину на другихъ; также вполне естественно, что горячо любящая своего внука бабушка восторгалась своимъ любимцемъ и его воспитаніемъ. «Въ продолженіе

¹⁾ Императоръ Павелъ I. с. 55.

²⁾ Дневникъ Храповицкаго. 20, VII 1793.

разговора вышла похвала физическому и моральному воспитанію вел. князя Александра Павловича. Ежели у него родится сынъ и тою же англичанкою также семь лѣтъ воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола россійскаго утверждено на 100 лѣтъ».

Изъ этого отзыва Екатерины можно вывести заключеніе, что современники высоко цѣнили Н. И. Панина, считали, что только онъ можетъ воспитать наслѣдника престола; сама Екатерина не могла назвать кого-либо, кто могъ бы лучше Панина выполнить эту тяжелую задачу.

Записки Порошина самый цѣнный матеріалъ для пониманія всей личности Павла I; Порошинъ былъ всѣмъ сердцемъ привязанъ къ наслѣднику престола, обожалъ его какъ надежду Россіи и любилъ, какъ человѣка. Онъ былъ хорошо образованъ и надѣленъ наблюдательностью, почему его записки неизмѣримо превосходятъ записки воспитателя Александра Николаевича ¹⁾.

Порошинъ сумѣлъ подмѣтить въ десятилѣтнемъ ребенкѣ всѣ основныя черты характера будущаго императора; онъ описалъ и тѣ воспитательныя мѣры, какія принимались для исправленія мальчика; какъ человѣкъ искренній и умный, онъ подыскивалъ мотивы для своей любви къ Павлу Петровичу, желалъ видѣть въ немъ только хорошее, а такъ какъ, при всемъ своемъ ослѣпленіи, не могъ не замѣчать несовершенства своего воспитанника, то особенно выставлялъ на видъ раннее развитіе великаго князя, его блестящія способности.

Насколько осторожно нужно относиться къ мнѣніямъ Порошина, можно судить по слѣдующему: «началъ вычитаніе долей. Сегодня при ученіи у меня самъ его высочество изволилъ сдѣлать примѣчаніе, что когда неравное число или *нечетное* вычтешь изъ числа равнаго или *четнаго*, остатокъ всегда будетъ *нечетъ*. Его высочеству и прежде неоднократно сему подобныя острыя примѣчанія дѣлать случалось. Если бы его высочество человѣкъ былъ партикулярный и могъ совсѣмъ предаться одному только математическому ученію, то-бъ по остротѣ своей весьма удобно былъ могъ нашимъ россійскимъ Паскалемъ» (30 IX. 1764) Конечно, слѣдуетъ уважать Порошина за его благородное увлеченіе ученикомъ, но очевидно, что о

¹⁾ Записки К. К. Мердера. „Русская Старина“ 1885.

Вопросы философіи, кн. 88.

блестящихъ математическихъ способностяхъ мальчика на одиннадцатомъ году сдѣлавшаго такое «примѣчаніе» не можетъ быть и рѣчи. Мы можемъ лишь сказать, что Павелъ Петровичъ учился недурно, и что его учили хорошо.

Нѣкоторыя приводимыя Порошинымъ замѣчанія Павла Петровича даютъ право думать, что въ дѣтствѣ его умъ развивался правильно, что онъ вообще былъ неглупъ и обладалъ достаточными для своего возраста знаніями.

Павла Петровича хорошо учили, на урокахъ и путемъ разговора сообщая ему полезныя знанія; объ этомъ можно судить по слѣдующему: «О путешествіяхъ своихъ рассказывая, г. Штакельбергъ говорилъ между прочимъ, будто въ бытность его въ Неаполѣ найдена въ Иракліи цезаря Адріана статуя на конѣ. Сей ошибки кромѣ его высочества никто не примѣтилъ. Государь цезаревичъ изволилъ тотчасъ сказать ему на то: «кажетца, сударь, этому статца нельзя; городъ Ираклію землею засыпало въ царство Титово, а Адріанъ былъ долго спустя послѣ Тита. Сіе примѣчаніе весьма справедливо и разумно». (I. XII. 1765).

Нѣкоторыя сужденія Павла Петровича съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что онъ былъ надѣленъ умственными способностями. 24. XII. 1764 «за столомъ разговорились между прочимъ о стерляди, какъ эта рыба скоро пріѣдается, то его высочество изволилъ сказать: «я думаю, она отъ тово скоро пріѣдается, что она очень хороша; ѣдятъ ее съ жадностью, кусковъ хорошенько не разжевываютъ; неразжеванные куски желудку варить трудно; отъ тово-то наконецъ и почувствуетъ отъ такова кушанья отвращеніе». Сіе разсужденіе конечно нѣкоторымъ образомъ справедливо» замѣчаетъ Порошинъ. Слѣдуетъ думать, что мальчикъ усвоилъ часто слышанныя имъ наставленія хорошо разжевывать пищу.

Итакъ, въ рождественскій сочельникъ Павлу Петровичу давали рыбу, что свидѣтельствуетъ о томъ, что Панинъ принималъ во вниманіе дурное пищевареніе своего воспитанника. Панинъ писалъ Воронцову, который заболѣлъ отъ постной пищи, что религія требуетъ не разоренія здоровья, а разоренія страстей, «еже одними грибами и рѣпою едва ли учинить можно».

«Долго говорили между прочимъ его высочеству, что сія кончина (цезаря) ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-то милостивъ къ нему бу-

детъ новый цезарь и проч. . . . надъ великимъ княземъ шпынали. Онъ изволилъ все отвѣчать: што вы ко мнѣ пристали, какой я нѣмецкій принцъ, я великій князь росіійскій (26. VIII. 1765).

Особенно умно слѣдующее разсужденіе десятилѣтняго мальчика (9. XI. 1764): «пуще всего жаль жены его, что она съ нимъ же несчастлива по его безпутству... пускай хотя государня отъ жестокаго наказанія ево и избавить, да куды же онъ денется, кто обходиться съ нимъ будетъ? Вину безъ наказанія оставить можно, а честь возвратить нельзя»... является сомнѣніе не измѣнилъ ли нѣсколько сказанное великимъ княземъ Порошинъ, не повторилъ ли мальчикъ чужихъ словъ: ужь очень умно такое разсужденіе для десятилѣтняго мальчика. Во всякомъ случаѣ Павель Петровичъ въ томъ возрастѣ, когда при немъ состоялъ Порошинъ, зналъ и понималъ вполне достаточно для своихъ лѣтъ.

Однако и Порошинъ огорчался, что его воспитанникъ быстро воспринимавшій знанія, какъ и всѣ впечатлѣнія, не относился къ знанію съ желаемымъ вниманіемъ и серьезностью. «Не могу изобразить я какъ внутренно терзаюсь, когда въ немъ такую легкость и отвращеніе отъ полезныхъ знаній примѣчаю... учащійся ни мало къ тому (къ знаніямъ) не примѣнясь, совсѣмъ въ дѣло не входитъ и о мельчайшихъ бездѣлкахъ между тѣмъ помышляетъ. Но чего въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ перемѣнить или, по крайней мѣрѣ, поправить нельзя» (14. VII. 1765). Оптимизмъ Порошина былъ такъ великъ, что онъ совершенно не оцѣнилъ то глубокое презрѣніе къ знаніямъ и научнымъ заслугамъ, которое настойчиво проявлялъ великій князь, несмотря на всѣ старанія воспитателей внушить мальчику уваженіе и любовь къ знанію и его представителямъ. «Разговорились мы и вообще о книгахъ. Его высочество изволилъ сказать: куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять сколько ни есть ихъ; а все пишутъ да пишутъ» (22. XII. 1764). Эти многозначительныя слова были сказаны такъ, что Порошинъ нашель необходимымъ подробно и горячо объяснять пользу книгъ своему воспитаннику.

Къ сожалѣнію объ обученіи Павла Петровича мы знаемъ только со словъ Порошина, и потому можемъ лишь догадываться, какъ учился цесаревичъ послѣ его ухода. Несомнѣнно, что Павель Петровичъ хорошо усваивалъ знанія; особенно легко давались ему языки. Но учителямъ не удалось вызвать въ немъ

интереса къ наукѣ. Также не удалось имъ развить въ своемъ ученикѣ вкусъ къ литературѣ; у Павла Петровича не было любимыхъ авторовъ, не было пристрастія къ литературѣ и искусству какой-либо страны, хотя, безспорно, онъ обладалъ достаточными свѣдѣніями обо всемъ, что считалось необходимымъ знать въ то время.

Изученіе записокъ Порошина поучительно и для психолога, и для педагога; хотя народная мудрость давно установила неизмѣняемость характера, но все же мы такъ часто объ этомъ забываемъ, что еще одинъ примѣръ подтверждающій, — увы! — печальныя истины: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ, горбатаго могила исправить — далеко не лишній ¹⁾.

Нужно замѣтить, что Порошинъ былъ влюбленъ въ своего воспитанника, относился къ подмѣченнымъ дурнымъ проявленіямъ характера Павла I крайне оптимистически; поэтому даже тѣни сомнѣнія не можетъ возбуждать въ его запискахъ все, что дурно рисуетъ будущаго деспота; напротивъ, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ слѣдуетъ относиться къ тому, что Порошинъ сообщаетъ о хорошихъ качествахъ боготворимаго имъ воспитанника. Горячій патріотъ любилъ наследника престола, какъ надежду отечества, искренно желалъ наилучшимъ образомъ исполнить возложенную на него обязанность, и, какъ всѣ ослѣпленные любовью люди, не понималъ подмѣченныхъ имъ недостатковъ въ предметѣ своей любви. Смерть спасла Порошина (онъ умеръ въ 1768) отъ ужаснѣйшаго разочарованія.

Одиннадцати лѣтъ отъ роду Павелъ I уже проявлялъ свою нервность или, какъ теперь говорятъ, раздражительную слабость, сильно реагировалъ на раздраженія; эта особенность организаціи была подмѣчена Порошинымъ 5. X. 1765... «Его высочество ночью бредить. Сіе почти всякую ночь съ нимъ случается; и такъ говорить явственно, какъ бы наяву иногда по-русски иногда по-французски. Если въ день былъ веселъ и доволенъ, то изволить говорить спокойно и весело; если жъ въ день какія противности случились, то и сквозь сна говорить угрюмо и гнѣвается». Многія дѣти и даже взрослые говорятъ во снѣ, но Порошинъ совершенно правильно обратилъ вниманіе, что у

¹⁾ Такъ же думаютъ французы: (l'homme est tout entier dans les linges de son berceau.

Павла это случалось очень часто, и главное—повліявшія днемъ раздраженія такъ сильно воздѣйствовали, что впечатлѣнія, ими оставленныя, проявлялись и въ продолженіе ночи. Особенно сильно отражалось во снѣ настроеніе; очевидно, что реакція на настроеніе была рѣзко выражена.

Впечатлительность Павла I обращала на себя вниманіе Порошина. «Тотъ же день сказывалъ, что изволил ѣздить и къ Аничковскому дворцу, въ которомъ тогда пожаръ сдѣлался. Отъ сего пожараща его высочество всю тогдашнюю ночь заснуть не могъ. Всякое незапное или чрезвычайное происшествіе весьма трогаетъ его высочество. Въ такомъ случаѣ живое воображеніе и ночью не даетъ ему покою. Когда о совершившейся 15-го числа сего мѣсяца надъ бунтовщикомъ Мировичемъ казни изволил его высочество услышать также опочивалъ ночью весьма худо (28. IX. 1764).

Мальчикъ очень живо воспринималъ услышанныя имъ сужденія о людяхъ; впечатлѣнія тотчасъ же сочетались съ сильными чувствованіями и вліяли на его поведеніе. «То примѣчу только, что часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что, когда при немъ говорятъ, что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ видя его высочество склоненъ къ ему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особенно не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговоръ мимоходомъ, то такого государь великій князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется (29. X. 1764). Мягкій выговоръ матери, просившей его не огорчать своимъ дурнымъ поведеніемъ Панина—(n'est ce pas vous qui l'avez chaginé? Si c'est vous, je vous prie de ne le point faire à l'avenir), такъ подѣйствовалъ на мальчика, «что у него слезы навернулись» (21. I. 1765).

Павель I быстро и живо на все реагировалъ, но впечатлѣнія недолго оставались дѣятельными въ его мозгу и быстро вытѣснялись другими. «Словомъ сказать гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость» (24. IX. 1764). Порошинъ приводит нѣсколько примѣровъ, какъ Павель I «вдругъ влюбляется почти въ человѣка» и

какъ быстро и по ничтожнѣйшимъ причинамъ горячая любовь смѣняется охлажденіемъ. Ослѣпление Порошина было такъ велико, что онъ не оцѣнилъ по достоинству эту непрочность впечатлѣній и суждений своего воспитанника; этотъ умный человѣкъ утѣшалъ себя самыми несостоятельными и даже мало понятными соображеніями. «Крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣлъ счастье полюбить». Порошинъ и не догадывался, что у лицъ съ быстро и живо возникающими и исчезающими впечатлѣніями и чувствованіями, «прилипчивость утверждена можетъ быть» лишь по отношенію къ лицамъ, потакающимъ ихъ низкимъ чувствованіямъ.

Быстро и живо возникающія впечатлѣнія, столь же быстро и исчезающія, какъ то обыкновенно бываетъ, сопровождались и соответственными двигательными реакціями. Порошинъ мягко замѣчаетъ, что Павелъ I былъ «весьма живого сложенія». Какъ разумный воспитатель Н. И. Панинъ позволялъ мальчику играть и «попрыгивать» и вообще, много заботясь объ его здоровьѣ, не стѣснялъ его въ играхъ, но очевидно «живое сложеніе» переходило всякія границы. «Съ нѣкотораго времени примѣчаю я, что его высочество началъ становиться слишкомъ рѣзовъ и свое нравень» (24. III. 1765). Побранилъ Никита Ивановичъ гораздо великаго князя за его бѣшенство и кривлянье. Все головою внизъ мотаеть» (11. VII. 1765). Къ сожалѣнію Порошинъ не описываетъ намъ, въ чемъ состояло «бѣшенство» мальчика; такъ какъ Порошинъ проговорился, что ведетъ дневникъ, то и не могъ записывать самыя дурныя выходки великаго князя. Князь Лобановъ уже указалъ на *сдержанность* Порошина. Въ черновой тетради 24. III. 1765 было записано—«Крикъ—камеръ лакея разжаловалъ. Брань со мною. За столомъ по большей части тихо¹⁾»; въ запискахъ все изложено очень мягко: «отослалъ Никита Ивановичъ камеръ-лакея Игнатъева къ оберъ-маршалу, чтобы разжаловать его въ лакеи, за то что сегодня его небреженіемъ экипажи пришли гораздо позже, нежели было приказано... Поссорились мы нѣсколько съ великимъ княземъ».

Такъ какъ впечатлѣнія быстро возникали въ сознаніи и столь же быстро исчезали изъ сознанія, мальчикъ всегда гнался за

1) Шильдеръ, с. 46.

новыми впечатлѣніями—вѣдь и дѣтское сознаніе боится пустоты— всегда и всюду спѣшилъ, не имѣя возможности подолгу останавливать свое вниманіе на чемъ-либо одномъ. Такимъ лицамъ, какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, нужны постоянно новыя впечатлѣнія, и потому они, не останавливаясь ни на чемъ, всюду и всегда спѣшаютъ за новыми впечатлѣніями. «У его высочества ужасная привычка, чтобы спѣшить во всемъ: спѣшить вставать, спѣшить кушать, спѣшить опочивать ложиться. Передъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того какъ за столъ садятся (т.-е. въ началѣ второго часу) засылаетъ тайно къ Никитѣ Ива новичу гофкурьера, чтобы спроситься, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать и всѣ хитрости употребляетъ, чтобы хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобы за столъ сѣсть поранѣе. Обѣ ужинѣ такія же заботы... Ложась заботится, чтобы по утру не проспять долго. И это всякій день почти бываетъ, какъ ни стараемся его высочество отъ этого отвадить». (7. X. 1764). Мальчикъ такъ спѣшилъ ѣсть, что не достаточно разжовывалъ пищу, чѣмъ и объясняли часто бывшія у него разстройства желудка.

Эта постоянная погоня за новыми впечатлѣніями, зависящая отъ быстроты въ возникновеніи, сочетаніи и исчезновеніи впечатлѣнія, причиняла Павлу I много непріятнаго, когда ему подолгу приходилось оставаться безъ новыхъ впечатлѣній, воздерживаться отъ движеній и «бѣшенства». Конечно, нельзя обвинять десятилѣтняго мальчика за то, что ему тяжело въ обществѣ взрослыхъ, гдѣ нѣтъ доступныхъ для него впечатлѣній, гдѣ онъ не можетъ шалить и «попрыгивать». Панина и Порошина безпокоило, что великій князь не могъ сдерживать себя, когда находился на вечерахъ у императрицы: «великій князь началъ показывать нетерпѣніе, чтобы итти къ себѣ;—поглядывалъ безпрестанно на Никиту Ивановича и подзывалъ его. Его превосходительство принужденъ былъ пойтить, но пришедъ домой добрый его высочеству далъ меркуріаль. До самаго ужина изволилъ самъ у насъ быть его превосходительство, и нарочно за кушаньемъ не приказалъ ходить часовъ до девяти. Великое у насъ было молчаніе и благочиніе. Великій князь сталъ и плакивать. Со всѣмъ тѣмъ ужинать пошли не прежде какъ въ десятомъ часу въ началѣ... За столомъ очень тихо у насъ было; опочивать положили великаго князя уже въ одиннадцатомъ часу въ началѣ» (9. XII. 1764). Можно лишь удивляться педагогиче-

скому такту Панина; весьма недавно въ самыхъ интеллигентныхъ семьяхъ за такія выходки дѣтей сѣкли, оставляли безъ ужина, ставили на колѣни. Увы, разумный педагогическій пріемъ Панина пользы не принесъ.

Господство мотивовъ настоящаго, слабость воли великаго князя проявилась очень рано и рѣзко. Хотя на другой день подъ вліяніемъ убѣжденій Порошина, Павелъ Петровичъ «изволилъ говорить, что никогда такой (какъ онъ изволилъ выговаривать) проказы не сдѣлаеть» (20. XII. 1764). 16. I. 1765 произошло на вечерѣ у императрицы слѣдующее: «Сперва весель былъ: разговаривалъ съ министрами... Наконецъ скучилось ему. Зачалъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его превосходительству хотѣлось дожидаться того, какъ государыня изволитъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Зачалъ великій князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и смотрѣть на плафонъ, чтобы скрыть нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и собирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе то показывали». Панинъ увелъ великаго князя на его половину, снялъ съ него шпагу, приказалъ оставаться въ комнатѣ, сдѣлалъ наижесточайшій выговоръ и запретилъ всѣмъ разговаривать съ провинившимся; «опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было школою терпѣнія. Весь вечеръ происходилъ въ тихости».

На другой день по приказанію Панина никто не разговаривалъ съ великимъ княземъ, нужно думать, что умный Панинъ понялъ характеръ наслѣдника престола. «Его превосходительство Никита Ивановичъ, по большей части, сидѣлъ задумавшись». Порошинъ долго и разумно объяснялъ великому князю неприличіе его поступка. «Выслушавъ мою проповѣдь со вниманіемъ, бросился ко мнѣ его высочество, и цѣлуя изволилъ увѣрять меня, что онъ не приминетъ предложенныя отъ меня наставленія при первомъ случаѣ произвести въ дѣйство и употребить въ свою пользу».

Въ послѣдній день своей жизни Павелъ I велъ себя совершенно такъ же какъ и 16 января 1765 г., т.-е. болѣе тридцати шести лѣтъ тому назадъ. Паленъ не желалъ допустить къ императору іезуита Грубера, а для этого, зная характеръ Павла I, преднамѣренно буквально завалилъ его докладами и не давалъ ему покоя и возможности перевести духъ. Государь примѣтно начиналъ терять терпѣніе, раздражался и наконецъ при поднесеніи послѣдняго доклада обратился къ Палену съ гнѣвнымъ

вопросомъ: «нѣтъ ли еще чего-нибудь»? Паленъ, ловко воспользовавшись такимъ душевнымъ настроеніемъ Павла, отвѣтилъ: «все, ваше величество. Только тамъ за дверьми кабинета, кажется отецъ Груберъ...» Государь уже приведенный въ раздраженное состояніе, боявшійся опоздать на разводъ, приказалъ Палену сказать патеру Груберу, чтобы онъ убрался со своимъ проектомъ ¹⁾. Нужно думать, что Паленъ имѣлъ серьезныя причины не допустить Грубера къ императору; поэтому легко понять какъ дорого несчастный Павелъ заплатилъ за слабость своей воли.

Насколько мотивы настоящаго опредѣляли поведеніе великаго князя можно судить по слѣдующему случаю. «Его высочество попросилъ съ одного блюда себѣ кушать; Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалось великому князю: разсердился онъ и, положиа ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его превосходительство въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство вывелъ великаго князя тотчасъ же изъ-за стола... Пожуря за то его высочество, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ и тамъ нѣсколько времени еще сидѣли. Государь цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ-за стола его превосходительство Никита Ивановичъ взялъ съ собою великаго князя въ учительскую комнату, и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка, которую конечно никто не похвалитъ» (21. IX. 1765). Въ этомъ эпизодѣ проявился очень рѣзко характеръ Павла Петровича: неисполненіе ничтожнаго желанія (онъ не былъ лакомка) вызвало сильное душевное волненіе, которымъ онъ овладѣть не могъ. Также въ этомъ эпизодѣ ясно обнаружился педагогическій тактъ Панина: онъ настолько понималъ своего воспитанника, что ограничился упрекомъ, пока мальчикъ былъ сильно взволнованъ; выждалъ, когда онъ успокоился и могъ уже воспринимать впечатлѣнія, и подробно объяснилъ ему все неприличіе его поступка.

Понятно, что мальчикъ такъ сердившійся на своего главнаго воспитателя, еще ярче проявлялъ свою аффективность по отношенію къ слугамъ. «Великій князь приказалъ приготовить зеленый бархатный кафтанъ. Камердинеръ докладывалъ, что этотъ каф-

¹⁾ Шильдеръ с. 484.

танъ уже старъ, замшился, не прикажетъ ли другой принесть? Но его высочество выславъ его съ сердцемъ приказывалъ чтобы тотъ принесть, о которомъ онъ приказалъ ему» (13. X. 1764). Порошину удалось уговорить мальчика; по этому поводу онъ замѣчаетъ: «Изъ сей поступки и изъ другихъ прежде сдѣлалъ я наблюденіе, что очень возможно исправлять его высочество». Порошинъ проявилъ тутъ свой оптимизмъ, вполне объяснимый его горячей любовью къ наслѣднику престола; для болѣе объективныхъ наблюдателей дѣло представлялось иначе, и они поняли характеръ Павла Петровича. По поводу выходки (21. IX. 1765): «Г. Сальдернъ также недоволенъ былъ симъ его высочества поведеніемъ, какъ и всѣ; сказалъ мнѣ про него съ сердцемъ: c'est une tête de fer.

Поучительно, какъ этотъ эпизодъ съ кафтаномъ съ буквальною точностью повторился уже въ зрѣлые годы великаго князя. Павелъ Петровичъ ѣхалъ изъ Царскаго Села въ Гатчину; вдругъ онъ приказываетъ кучеру повернуть назадъ; кучеръ отвѣчаетъ, сейчасъ будетъ мѣсто, гдѣ можно повернуться, и ѣдетъ скорѣе. Павелъ выскакиваетъ изъ экипажа и приказываетъ шталмейстеру остановить и наказать кучера. Шталмейстеръ объясняетъ Павлу, что сейчасъ кучеръ повернетъ; Павелъ кричитъ: ты такой же негодяй, какъ кучеръ; пусть онъ сломаетъ мнѣ шею, вывернувъ изъ экипажа, но исполняетъ точно приказаніе. Кучеръ успѣлъ повернуть, но Павелъ приказалъ его выпоротъ ¹⁾.

Oelzelt-Newin ²⁾ утверждаетъ, что крайняя гордость, достигающая степени бреда величія, какъ врожденное свойство, проявляется очень рано и даже, насколько извѣстно, до десятилѣтняго возраста. Павлу Петровичу было десять лѣтъ и семнадцать дней, когда его гордость, его сознаніе собственнаго величія, презрѣніе къ людямъ, желаніе быть первымъ проявились весьма опредѣленно, приняли уже законченную и стойкую форму.

7 октября 1764 г. «ея величество присутствовать не изволила въ комедіи. Въ маленькой піесѣ и въ балетѣ изволилъ его высочество аплодировать многократно... Два раза партеръ безъ него захопалъ, что ему весьма было непріятно. Пришедши къ себѣ долго ропталъ о томъ. Графъ Александръ Сергѣичъ Стро-

¹⁾ Masson. Memoires secrets. Vol. I. p. 321.

²⁾ Ueber sittliche Dispositionen, s. 84.

гановъ пришедъ говорилъ его высочеству, что въ послѣдній разъ на комедіи и государыня дозволила при себѣ аплодировать, хотя она и не изволить зачать». Казалось бы сказанное А. С. Строгановымъ должно было образумить гордаго, желающаго всюду быть первымъ мальчика, и конечно многіе мальчики вполнѣ доступны такимъ увѣщаніямъ, но Павелъ Петровичъ въ это время уже вполнѣ выработалъ себѣ идеи величія, сочетанныя съ живыми чувствованіями, и потому никакія увѣщанія на него повліяты не могли.

Непобѣдимость врожденныхъ страстей зависитъ именно отъ того, что ложныя идеи, въ данномъ случаѣ идеи величія, сочетаны съ живыми чувствованіями, и потому никакіе самые очевидные доводы не могутъ воздѣйствовать на разумъ; всегда найдутся оговорки, поводы для сомнѣнія, возраженія. Десятилѣтній великій князь отвѣчалъ царедворцу своей матери такъ: «да объ этомъ я не слыхалъ, чтобы государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности. За ужиной и послѣ все время его высочество посерживался».

Такимъ образомъ уже въ десять лѣтъ Павелъ I былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ и въ своей правотѣ; онъ позволилъ себѣ усумниться въ правдивости словъ Строганова, желалъ измѣнить распоряженія матери, при чемъ уже заранѣе рѣшилъ, что если мать не согласится съ нимъ, она будетъ неправа (это противъ благопристойности); онъ уже тогда настолько былъ золъ на лицъ съ нимъ несогласныхъ, не оказывающихъ ему требуемаго почтенія, что желалъ строгаго ихъ наказанія. И наконецъ, что важнѣе всего, аффектъ былъ продолжительный даже послѣ ужина мальчикъ «посерживался».

Спустя тридцать шесть лѣтъ Павелъ Петровичъ могъ исполнить свое желаніе, «выслать вонъ» всѣхъ, кто по его мнѣнію, недостаточно къ нему почтителенъ; 1 сентября 1780 онъ издалъ указъ, въ которомъ запрещалъ входъ въ театръ и въ церковь въ Гатчинѣ придворнымъ и военнымъ, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ лицъ. Но теперь Павлу Петровичу было уже мало «высылать вонъ»; въ этомъ указѣ онъ обвинялъ всѣхъ аплодировавшихъ и свиставшихъ въ театрѣ въ безнравственности,

либеральномъ духѣ и невоспитанности. Онъ объявилъ этимъ лицамъ свой гнѣвъ и удалилъ отъ себя.

Принимая во вниманіе обстановку, въ которой воспитывался Павелъ Петровичъ, нравственное и умственное развитіе его воспитателей, поистинѣ ужасно читать слѣдующій рассказъ Порошина: «Хотѣли было изъ-за стола вставать, какъ не помню кто-то изъ насъ попросилъ масла къ сыру. Великій князь, осердясь тутъ на тафельдекера, сказалъ: «для чего прежде не ставите?» и потомъ, оборотаясь къ намъ: «это они все для себя воруютъ». Вооружились мы всѣ на его высочество и говорили ему по французски, какъ дурно оскорблять такимъ словомъ человѣка, о которомъ онъ, конечно, заподлинно знать не можетъ, виноватъ ли онъ или нѣтъ. Вставши изъ-за стола, продолжалась сія проповѣдь. Госп. Остервальдъ и я говорили его высочеству весьма сильно, какъ дурень его поступокъ былъ и какъ онъ тѣмъ у людей въ ненависть привести себя можетъ. Признавался онъ и раскаявался» (27. II. 1765).

Едва ли, однако, Павелъ Петровичъ понялъ весь odium своей выходки; нѣсколько минутъ спустя «молвилъ тутъ: что жъ, вѣдь Государь-то не все трудица. Надобны и отдыхъ также иногда и свои увеселенія». Крайняя злобность мальчика—и что ужаснѣе всего, полное непониманіе человѣческаго достоинства, полное отсутствіе привязанности къ лицамъ, ему служащимъ, черствое презрѣніе къ людямъ, все сказалось въ этомъ поистинѣ ужасномъ эпизодѣ. Если бы Павелъ Петровичъ былъ окруженъ гатчинцами, его выходка не имѣла бы значенія; мерзавцы всѣхъ считаютъ мерзавцами, и даже добрый мальчикъ, наслушавшись гнусностей, можетъ въ сердцахъ сказать гадость. Но именно Павелъ Петровичъ былъ окруженъ лицами, которыя ужаснулись его злобности и столь раннему цинизму, и потому «вооружились мы всѣ» на злого и грубаго мальчика.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ данномъ случаѣ, какъ и почти всегда въ своей жизни, Павелъ Петровичъ разсердился изъ-за пустяковъ и на того, кто не былъ виноватъ; вѣдь задержалъ за столомъ тотъ, кто потребовалъ масла и сыру, а не тафельдекеръ, который не подаль на столъ масла и сыра, руководствуясь распоряженіемъ Панина. Злоба слѣпа и неразумна, и злой мальчикъ набросился на невиннаго, потому что злоба, какъ и вода, обращается въ сторону наименьшаго сопротивленія. Для

педагога тутъ интересно: откуда, какимъ образомъ у мальчика воспитаннаго благородными патриотами, могла явиться мысль, что онъ окруженъ ворами, что тафельдекеръ крадетъ фунтами такой недорогой въ то время продуктъ, какъ масло. Для психолога и психиатра вполне ясно, что злыя чувствованія сочетаются съ гнусными мыслями и гнусныя мысли съ злыми чувствованіями.

Характеръ Павла Петровича проявился очень рано и настолько ярко, что придворные служители составили себѣ о немъ вполне определенное мнѣніе. Записки Порошина все же, хотя и сдержанно, рисуютъ намъ отношенія мальчика къ слугамъ и потому особое значеніе пріобрѣтаетъ донесеніе Беранже (Beranger) въ 1764 г. Онъ писалъ про Павла Петровича: «Ce jeune prince annonce des dispositions sinistres et dangereuses». Сообщаемыя свѣдѣнія Беранже узналъ, какъ онъ самъ говоритъ, отъ одного изъ лакеевъ великаго князя ¹⁾. Значитъ слуги Павла Петровича, когда ему было только десять лѣтъ, ничего хорошаго о немъ не могли сказать дипломату, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній подкупившему придворнаго лакея. Можно лишь пожалѣть о мальчикѣ, о которомъ такъ дурно думаютъ слуги; а они не ошибались, какъ показало царствованіе Павла I, да и не могли ошибаться: обвиненіе въ воровствѣ, высказанное 27. II, 1765, блистательно подтвердило отзывъ, данный лакеемъ Беранже.

Порошинъ ничего не сообщаетъ намъ о храбрости великаго князя, но также ничего не говоритъ о его боязливости, если не считать излишней боязливостью, что мальчикъ «неописанно струсиль», когда первый разъ увидѣлъ Н. И. Панина; но этотъ испугъ можно объяснить тѣмъ, что мальчика запугали разсказами о строгости Н. И. Панина. Намъ извѣстно лишь то, что въ раннемъ дѣтствѣ «Павель при одномъ взглядѣ на нее (Елизавету Петровну) приходилъ въ испугъ и трясся всѣмъ тѣломъ, вслѣдствіе чего Елизавета Петровна стала лишь изрѣдка навѣщать внука». Шильдеръ объясняетъ это тѣмъ, что приставленная къ ребенку няньки, обезпокоенная частыми посѣщеніями императрицы, «добились того», что ребенокъ сталъ пугаться императрицы ²⁾. Несостоятельность такого объясненія очевидна; всѣ

1) Waliszewsky. Le roman d'une impératrice Catherine de Russie, p. 522.

2) Op. cit., стр. 7.

няньки заинтересованы, чтобы матери порѣже навѣщали своихъ дѣтей, однако имъ не удается «добиться того», чего удалось добиться нянькамъ Павла Петровича.

Боязливыя дѣти пугаются при видѣ лицъ, которыя рѣдко ихъ навѣщаютъ, и только очень боязливый ребенокъ пугается при взглядѣ на тетку, часто его посѣщающую. Мало вѣроятно, что няньки пугали ребенка императрицей: за одно неосторожное слово тогда наказывали жестоко, а въ доносчицахъ недостатка не было. Болѣе вѣроятно, что ребенокъ пугался и трясся всѣмъ тѣломъ при взглядѣ на императрицу потому, что передъ ней трепетали его няньки, а это указываетъ на его крайнюю боязливость, которую онъ проявлялъ всю свою жизнь.

Изученіе развитія Павла Петровича можетъ служить убѣдительнымъ подтвержденіемъ ученія о прирожденности основныхъ элементовъ характера.

На основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Порошинымъ, мы узнаемъ, что уже на одиннадцатомъ году жизни Павла Петровича ясно обозначились тѣ элементы характера, которые современная психологія считаетъ прирожденными. Oelzelt - Nevin прекрасно резюмируетъ извѣстное въ психологіи о врожденныхъ свойствахъ характера ¹⁾.

Несомнѣнно, что боязливость, ея степень, а также храбрость составляютъ врожденное свойство характера; у Павла Петровича крайняя боязливость обнаружилась въ раннемъ дѣтствѣ; къ сожалѣнію Порошинъ ничего не говоритъ о боязливости Павла Петровича, и намъ неизвѣстно, какъ боролись воспитатели великаго князя съ этимъ его недостаткомъ. Порошинъ записалъ, что неоднократно въ присутствіи Павла Петровича восхваляли мужество, съ восторгомъ говорили о подвигахъ храбрости; на примѣръ 17. XII. 1764 Челищевъ, по просьбѣ Порошина, рассказывалъ о храбрости казаковъ, «о славномъ казакѣ, который прозывался *Зоря*». Очевидно, что Порошинъ придавалъ значеніе такимъ рассказамъ, такъ какъ даже записалъ: «рассказывалъ тутъ старичокъ добродушно все такъ, какъ мнѣ хотѣлось». Какъ извѣстно, боязливость, рано проявившаяся у Павла Петровича, играла громадную роль во всей его жизни.

Такъ же рано проявилась злоба; мальчикъ сильно гнѣвался

1) Ueber sittliche Dispositionen. 1892.

по самому ничтожному поводу; безспорно, что Порошинъ сообщаетъ намъ далеко не о всѣхъ вспышкахъ гнѣва своего воспитанника, но и сказаннаго Порошинымъ вполне достаточно, чтобы понять, какъ рано и какъ сильно проявилась эта особенность характера. Всѣ усилія воспитателей смягчить или измѣнить этотъ порокъ были безуспѣшны; и конечно только при незнаніи психологіи можно за это обвинять воспитателей Павла Петровича.

Порошинъ далѣе подчеркиваетъ, что Павелъ Петровичъ быстро и легко привязывался къ нѣкоторымъ лицамъ, но столь же быстро наступало и охлажденіе. Порошинъ на себѣ испыталъ непостоянство привязанности Павла Петровича; несмотря на всѣ усилія Порошина привязать къ себѣ мальчика, завоевать его любовь, ему это не удалось. Такимъ же непостояннымъ, неспособнымъ къ глубокой и продолжительной любви оставался Павелъ Петровичъ въ продолженіе всей своей жизни. Лица наблюдательныя избѣгали дружбы Павла Петровича, зная, что она очень скоро смѣнялась ненавистью. Ростопчинъ и Masson совершенно одинаково думали о непостоянствѣ привязанности Павла Петровича; Ростопчинъ писалъ 25. VIII, 1795 г. *Connaissant mieux que personne combien son caractère est porté au changement, je ne fais pas grand fond sur ses sentiments présents, et je ferai mon possible pour ne pas être trop en avant dans son intimité* ¹⁾.

То же самое говоритъ Masson ²⁾: «C'était toujours celui qui avait été le plus près de lui, qui avait le plus à s'en plaindre ³⁾». Врожденные свойства характера рано проявляются и остаются неизмѣнными въ теченіе всей жизни.

Вполнѣ безуспѣшны были усилія воспитателей Павла Петровича въ борьбѣ съ рано проявившимся врожденнымъ самомнѣніемъ; самомнѣніе, чрезмѣрная гордость были врожденными свойствами его характера и достигали крайней степени. Уже въ дѣтствѣ онъ считалъ себя всегда правымъ.

Ростопчинъ, 6. VII. 1793, писалъ про Павла Петровича С. Воронцову: «Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ» ³⁾.

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, ст. 104.

²⁾ *Memoires secrets*. Vol. I, p. 310.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова. Т. VIII, ст. 76.

Только Fouillée ¹⁾ обратилъ должное вниманіе на значеніе соотношенія между анаболическими и катоболическими процессами, и потому пока наши свѣдѣнія о роли этихъ процессовъ и ихъ соотношеній въ образованіи характера вообще очень ограничены. Несомнѣнно, что то или другое соотношеніе между этими процессами составляетъ врожденное свойство организма, и поэтому едва ли можно сомнѣваться, что уже въ дѣтствѣ у Павла Петровича преобладали катаболическіе процессы, что и объясняетъ его нетерпѣніе, подвижность, несдержанность, слабость вниманія. Всѣ психическіе процессы быстро возникали и скоро исчезали; мальчикъ быстро схватывалъ сообщаемыя ему знанія, но не могъ надолго сосредоточить вниманіе, и потому, не смотря на всѣ старанія учителей, знанія Павла Петровича были поверхностны. Эпинусъ такъ отзывался о немъ: «Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ: порвется эта нитка, машинка завертится—и тутъ конецъ и уму и разуму» ²⁾. Дѣйствительно, Павелъ Петровичъ могъ казаться умнымъ своимъ учителямъ, потому что быстро усваивалъ сообщаемыя свѣдѣнія, но его вниманіе не могло долго останавливаться на одномъ предметѣ и потому «нитка» рвалась, и «машинка» вертѣлась.

Вообще, очень рано характеръ Павла Петровича проявился настолько ясно, что его не взлюбили его служителя, а Порошинъ предсказалъ ему печальную судьбу: *Avec les meilleures intentions du monde vous vous ferez haïr, Monseigneur.*—Порошинъ оказался пророкомъ. 6. VII. 1793 Ростопчинъ писалъ С. Воронцову: «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь-отецъ; онъ какъ будто бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь» ³⁾. Княгиня Дашкова, женщина безспорно умная, по моему мнѣнію, правильнѣе всѣхъ формулировала, какія чувствованія возбуждалъ къ себѣ этотъ несчастный государь. «Къ нему приближались со страхомъ, соединеннымъ съ презрѣніемъ» ⁴⁾.

Вполнѣ понятно, почему Екатерина II предпочитала воспитаніе, данное старшимъ внукамъ, воспитанію своего сына; смерть лишила

¹⁾ *Tempérament et caractère* p. 3—8.

²⁾ Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни, 1886, стр. 261.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, стр. 76.

⁴⁾ Записки княгини Дашковой. 1907, стр. 261.

ее возможности понять свою ошибку. Дѣйствительно, Лагарпъ могъ гордиться своимъ вѣнценоснымъ воспитанникомъ, но поклонники Лагарпа почему-то забываютъ, что другой его воспитаникъ—Константинъ Павловичъ и по образованію, и благовоспитанности далеко уступалъ своему отцу. Павель Петровичъ при всѣхъ недостаткахъ былъ человѣкъ благовоспитанный и образованный, и въ этомъ отношеніи неизмѣримо превосходилъ своего сына, человѣка благодушнаго. Если бы Павель Петровичъ былъ воспитанъ такъ же дурно, образованъ такъ же плохо, какъ его второй сынъ, онъ былъ бы просто нетерпимымъ въ обществѣ человѣкомъ. Панинъ могъ гордиться результатами своей дѣятельности, какъ воспитателя; этого не могли сказать про Лагарпа, какъ воспитателя Константина Павловича. Панинъ и его сотрудники сдѣлали все, что можно было сдѣлать, чего нельзя сказать о Лагарпѣ.

III

Всѣ историки Павла I придаютъ большое значеніе въ образованіи и развитіи характера этого государя двумъ обстоятельствамъ: неправильнымъ отношеніямъ между Екатериной II и ея сыномъ и вліянію на Павла Петровича французской революціи и французскихъ эмигрантовъ.

Особенно большое значеніе историки придаютъ отношеніямъ Екатерины II къ сыну; всѣ они согласны въ томъ, что эти отношенія имѣли фатальное значеніе; подъ вліяніемъ или воздѣйствіемъ ихъ будто бы сложился ужасный характеръ этого государя; живи этотъ несчастный государь въ нормальныхъ условіяхъ, его характеръ былъ бы другой—къ такому выводу приходятъ всѣ историки, занимавшіеся несчастнымъ царствованіемъ Павла I. Maasson ¹⁾, Bernhardi ²⁾, Schnitzler ³⁾ рисуютъ намъ Екатерину жестокой, вѣроломной матерью, отнявшей у сына престолъ, постоянно чувствовавшей незаконность своей власти; понятно, что «обездоленный» и *отстраненный* сынъ, оскорбляемый и унижаемый незаконно царствовавшей матерью, долженъ былъ, наконецъ, сдѣлаться мрачнымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ. Отвѣт-

1) Memoires secrets sur la Russie. 2 v.

2) Geschichte Russlands, 2 Theil, 2 Abtheilung.

3) Kaiser Paul I vor und nach Thronbesteigung. Nystorisches Taschenbuch herausgegeben von Raumer. 4 Folge. VIII Jahrgang.

ственность за дурной характеръ Павла I этими историками возлагается на его мать. Даже лучший его историкъ Шильдеръ придаетъ большое значеніе ненормальнымъ отношеніямъ между матерью и сыномъ; правда, онъ не обвиняетъ Екатерину, но, придавая роковое значеніе этимъ отношеніямъ, считаетъ Павла жертвою судьбы, мстившей за страданія Иоанна Антоновича.

Эти взгляды такъ общераспространенны, получили такое право гражданства, что съ ними нужно считаться, хотя именно они и затемнили намъ пониманіе психическаго склада Павла Петровича. Понятно, какъ легко и даже пріятно объяснять странный до непонятности характеръ этого государя тою, будто бы, необычайною обстановкой, среди которой онъ жилъ; обездоленный, отстраненный незаконно отъ престола, Павелъ Петровичъ испортилъ свой благородный характеръ въ Гатчинскомъ уединеніи, постоянно раздражаемый матерью и ея приближенными; внезапный переходъ отъ полной бездѣтельности къ неограниченной власти—вотъ объясненіе несчастнаго царствованія.

Къ сожалѣнію ни С. М. Соловьеву, ни Бильбасову не удалось закончить ихъ трудовъ, и потому мы не имѣемъ исторіи Екатерины II; прекрасныя работы Валишевскаго ¹⁾ не имѣютъ претензій на полноту. Поэтому никто не изучилъ съ достаточною полнотою и объективностью отношенія ея къ сыну. Въ зависимости отъ своихъ симпатій и взглядовъ одни обвиняютъ Екатерину, другіе ея сына; едва ли мы будемъ въ состояніи скоро вполне объективно судить объ этихъ отношеніяхъ, такъ какъ только весьма подробное изслѣдованіе, конечно, въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ, можетъ освѣтить эти весьма сложныя отношенія.

Само собою разумѣется, что я не могу вдаваться въ разборъ этихъ отношеній, какъ ни важно само по себѣ выяснить, насколько справедливы мнѣнія о томъ, что именно эти отношенія имѣли роковое значеніе для развитія характера Павла Петровича.

Я ограничусь лишь однимъ примѣромъ для того, чтобы показать, какъ трудно судить объ этихъ отношеніяхъ, какъ одинъ и тотъ же фактъ можетъ служить и къ обвиненію и къ оправда-

¹⁾ Le Roman d'une impératrice Catherine II. 1894 (отношенія между матерью и сыномъ изложены pp. 519—536). Autour d'un trone. Catherine II de Russie 1894.

нію Екатерины II, въ зависимости отъ того, будемъ ли мы его разсматривать какъ чисто семейное происшествіе, или же въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ.

Любимецъ императрицы Мамоновъ относился благопріятно къ великокняжеской четѣ. Въ 1790 г. Мамоновъ въ присутствіи Маріи Федоровны поднесъ Екатеринѣ купленные ею серьги. Императрица, замѣтивъ, что серьги очень понравились невѣсткѣ, подарила ихъ ей. Послѣ этого Марія Федоровна пригласила Мамонова къ себѣ обѣдать; императрица разсердилась на это и запретила Мамонову бывать у великой княгини, а черезъ управляющаго дворомъ наслѣдника передала невѣсткѣ, чтобы она впредь не звала къ себѣ Мамонова. Марія Федоровна была такъ поражена гнѣвомъ императрицы, что заболѣла. Когда вслѣдъ за тѣмъ наслѣдникъ прислалъ Мамонову табакерку, императрица разрѣшила Мамонову идти къ Павлу Петровичу благодарить его, но только въ присутствіи Мусина-Пушкина. Наслѣдникъ отказался принять Мамонова. Екатерина выразила неудовольствіе, заставъ однажды Мамонова въ разговорахъ съ великимъ княземъ ¹⁾).

Конечно, кто прочитаетъ про этотъ эпизодъ, составитъ самое дурное мнѣніе о мелочности, деспотизмѣ и грубости Екатерины; такія выходки матери могутъ озлобить самаго добродушнаго сына. Но дѣло представляется въ другомъ свѣтѣ, если мы примемъ во вниманіе, что въ то время отношенія между Россіей и Пруссіей были крайне натянуты, что наслѣдникъ и его супруга всею душою были преданы Пруссіи, и кромѣ того была доказана ихъ излишняя откровенность съ многочисленными родственниками, а также и съ представителями Пруссіи, и, наконецъ, Мамонову приписывали симпатіи къ Пруссіи ²⁾). При такой обстановкѣ поведеніе Екатерины въ этомъ эпизодѣ должно разсматриваться какъ вполне согласное съ интересами государства; мудрая государыня никогда не упускала изъ виду пользы государства; она имѣла право бояться болтливости пустого и коварнаго Мамонова, имѣла полное право допускать, что болтливость Мамонова будетъ использована въ пользу Пруссіи Марією Федоровной.

¹⁾ Шумигорскій. Императрица Марія Федоровна, стр. 350.

²⁾ Обвиненіе Мамонова въ привязанности къ Пруссіи содержится въ письмѣ Безбородко. Архивъ князя Воронцова, XIII, стр. 163.

Не имѣя возможности со всей полнотой и точносью прослѣдить взаимныя отношенія между матерью и сыномъ, мы должны объяснить эти отношенія сопоставленіемъ характеровъ обоихъ лицъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое ихъ поставила исторія.

Павель Петровичъ не могъ не знать, что онъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола Екатериною II, а не Петромъ III. При воцареніи Петра III формула присяги была составлена такъ: «Клянусь... его императорскому величеству... и по немъ по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникомъ... вѣрнымъ подданнымъ быть». Съ 27 декабря 1761 г. на эктенияхъ молились такъ: «о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ». Замѣчу здѣсь, что Павель I пожаловалъ Константину Павловичу титулъ «цесаревичъ» за участіе въ Итальянскомъ походѣ; слѣдовательно, онъ отлично понималъ, какая громадная разница между «наслѣдникомъ» и «цесаревичемъ».

Только переворотъ 28 іюня 1762 г. сдѣлалъ Павла Петровича наслѣдникомъ престола, присяга была составлена такъ: «Обѣщаюсь и клянусь... ея императорскаго величества любезнѣйшему сыну, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно служить».

Такимъ образомъ, если бы даже Павель Петровичъ и считалъ своего отца добродѣтельнымъ человѣкомъ, и не вѣрилъ разсказамъ о его связи съ Воронцовой и желанію, разведясь съ Екатериною Алексѣевной, жениться на Воронцовой, все же для него должно было быть ясно, что онъ сдѣлался наслѣдникомъ благодаря матери, а не отцу. Не отецъ, но мать провозгласила его наслѣдникомъ престола; а такъ какъ законъ Петра Великаго о престолонаслѣддіи былъ отмѣненъ самимъ Павломъ въ 1797 г., то очевидно до объявленія его наслѣдникомъ Екатериною II онъ не имѣлъ безспорнаго права на престоль.

Петръ III родился въ 1728 г., а Екатерина II въ 1729 г., слѣдовательно, какъ бы Павель Петровичъ ни относился къ перевороту 1762 г., восшествіе на престоль матери почти не отдалило момента восшествія его на престоль: отецъ могъ

царствовать такъ же долго, какъ царствовала мать. Павелъ Петровичъ могъ думать, что его мать лишила правъ его отца—конечно разсматривая государство, какъ собственность,—но при самой пылкой фантази нельзя было допускать, что она лишила какихъ-то правъ своего сына: ни юридически, ни фактически онъ не имѣлъ никакихъ правъ на престоль. Иностранцы, не знавшіе закона о престолонаслѣдіи Петра Великаго, не знавшіе, что до переворота 1762 г. Павелъ Петровичъ не былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, могли думать, что Екатерина II занимаетъ престоль незаконно, но Павелъ Петровичъ не имѣлъ никакого основанія считать себя обиженнымъ матерью.

Если бы Павелъ Петровичъ былъ благоразуменъ, онъ долженъ бы быть горячо благодаренъ матери: она объявила его наслѣдникомъ престола и спасла отъ анархіи государство и управляла имъ такъ, что ея наслѣдникъ могъ вступить, благодаря ея трудамъ, на престоль благоустроеннаго и могущественнаго государства. Она спасла сына отъ печальной судьбы пасынка Воронцовой; очевидно, что Воронцова пожелала бы укрѣпить престоль за собственнымъ сыномъ.

До восшествія на престоль Павелъ Петровичъ могъ обвинять свою мать за смерть отца, но, вскрывъ секретныя бумаги матери, онъ убѣдился въ невинности Екатерины. Понятно, какъ тяжело живется дѣтямъ, призваннымъ судить родителей; судъ дѣтей часто бываетъ несправедливъ, потому что мы вообще склонны сочувствовать пострадавшему, и потому Павелъ Петровичъ могъ осуждать мать за Ропшинскую драму. Даже судьямъ бываетъ трудно установить, находился ли обвиняемый въ положеніи законной самообороны, тѣмъ болѣе трудно сыну судить, кто былъ болѣе виноватъ въ возникшей между родителями борьбѣ.

Если бы Павелъ Петровичъ въ своихъ отношеніяхъ къ матери руководился лишь справедливостью и симпатіями къ несчастному отцу, прочитавъ роковое письмо Алексѣя Орлова, онъ былъ бы глубоко тронутъ: раскаяніе за свои враждебныя отношенія къ невинной въ смерти отца матери, и глубокая, искренняя радость, что его мать гораздо лучше, вотъ тѣ душевныя движенія, которыя произошли бы въ душѣ честнаго, добраго сына, долго несправедливо обвинявшаго мать въ тяжеломъ преступленіи. Но, какъ извѣстно, и прочитавъ письмо А. Орлова, Павелъ I съ ненавистью относился къ покойной матери.

Поэтому нѣкотораго вѣроятія заслуживаетъ слѣдующее сообщеніе гр. Головкина:

Станиславъ Понятовскій, бывшій король Польши, мнѣ разсказалъ, что императоръ со слезами на глазахъ и пѣлуя ему руки, просилъ сказать, что онъ его отецъ, чего король не могъ сдѣлать, навѣрно зная, что это неправда. Императоръ придавалъ большую цѣну такому рожденію, что онъ считалъ доказаннымъ, измѣнилъ тонъ, чтобы узнать о подробностяхъ, которыхъ онъ боялся, но король держалъ себя хорошо и старался ему доказать самыми дѣльными соображеніями, что онъ можетъ и долженъ вѣрить, что онъ сынъ Петра III, о которомъ Павелъ нѣсколько разъ *et par un retour inconcevable avait parlé comme d'un ivrogne et un prince incapable de régner* ¹⁾.

Трудно предположить, что Павелъ Петровичъ не зналъ о порокахъ и неспособности своего отца царствовать; о дѣяніяхъ Петра III помнили и государственные люди, и придворные служители.

Единственно, что дѣйствительно давало Павлу Петровичу право отрицательно относиться къ матери, это присутствіе около нея фаворитовъ. Нужно однако принимать во вниманіе, что въ XVIII вѣкѣ на эти вещи смотрѣли иначе, чѣмъ теперь, и напимѣръ, Адамъ Чарторыжскій уважалъ и любилъ свою мать, хотя зналъ ея прошлое, и едва ли не зналъ—это знали всѣ—что онъ сынъ князя Репнина. Также снисходительно, по словамъ гр. Головкина, относились къ этимъ вещамъ дѣти Каролины Неаполитанской ²⁾.

Признавая полное право Павла Петровича отрицательно относиться къ матери, мы должны затѣмъ представить себѣ взаимныя отношенія этихъ двухъ лицъ.

Шумигорскій, вообще симпатизирующій Павлу Петровичу, такъ опредѣляетъ отношенія Екатерины къ сыну: «Какъ мать, Екатерина всегда питала къ Павлу спокойное и доброжелательное чувство съ полнымъ сознаніемъ своихъ родительскихъ правъ и обязанностей ³⁾. Горячей, нѣжной любви къ сыну она не могла имѣть, потому что до воцаренія сынъ былъ отлученъ отъ матери,

¹⁾ La cour et le règne de Paul I, p. 138.

²⁾ Очень пикантный анекдотъ о снисходительности въ этихъ вещахъ XVIII вѣка сообщаетъ Головкинъ *op. cit.*, 356—357.

³⁾ Императрица Марія Федоровна, стр. 104.

а затѣмъ ей было некогда отдаться воспитанію сына, но несомнѣнно, что никогда и ни въ чемъ она не проявляла къ сыну враждебности до тѣхъ поръ, пока окончательно не убѣдилась въ необходимости устраненія его отъ престола для блага Россіи и его самого.

Въ дѣтствѣ Павелъ Петровичъ былъ окруженъ почетомъ со-ответственно его званію. Замѣтивъ въ немъ пристрастіе къ «офицерскимъ мелкостямъ», желая добра сыну и понимая какъ опасно такое пристрастіе, Екатерина не давала строевыхъ должностей Павлу Петровичу; можно себѣ представить, къ какимъ печальнымъ столкновеніямъ повело бы командованіе воинскими частями Павла Петровича. Мудрая Екатерина не могла обращаться съ наслѣдникомъ престола такъ, какъ Павелъ I съ своимъ старшимъ сыномъ.

Екатерина желала познакомить своего сына съ государственными дѣлами и для начала приглашала его присутствовать при докладахъ, но очень скоро выяснилась полная невозможность привлечь Павла Петровича къ участию въ управленіи государствомъ. Понятно, что мы можемъ не довѣрять мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя устраненіе Павла Петровича отъ участія въ управленіи объясняли полной его къ тому неспособностью, но мы имѣемъ документъ, доказывающій, что уже въ 1774 г. цесаревичъ не желалъ и не могъ учиться государственной мудрости у своей матери, не хотѣлъ быть ей полезнымъ.

Двадцатилѣтній Павелъ Петровичъ составилъ и подалъ матери «Разсужденіе о государствѣ вообще относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Читеніе этого разсужденія должно было привести въ отчаяніе Екатерину, такъ же какъ и всякаго здравомыслящаго человѣка: желаніе превратить Россію въ военное поселеніе, превратить всѣхъ, начиная съ фельдмаршала, въ автоматовъ; въ этомъ Разсужденіи были высказаны взгляды, которые проводились въ жизнь послѣ смерти Екатерины II. Не менѣе ужасны въ немъ рѣзкость и самоувѣренность, съ которыми наслѣдникъ престола порицалъ государственное управленіе своей матери, занимавшей со славой русскій престолъ уже двѣнадцать лѣтъ. Павелъ Петровичъ писалъ, что этимъ разсужденіемъ «совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавши отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію

или корысти въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забыли первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, что святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидецъ и узналъ самъ собою вещи, и, какъ вѣрный сынъ отечеству, молчать не могъ».

При самомъ снисходительномъ отношеніи къ этому разсужденію, его автора можно было извинить задоромъ молодости и неопытностью; Екатерина II такъ и сдѣлала. Чтобы не усиливать раздраженія своего сына, чтобы не спорить безъ всякой надежды на соглашеніе, она отказалась отъ мысли привлечь своего сына къ участию въ государственномъ управленіи, можетъ быть, утѣшая себя мыслию, что съ годами онъ болѣе разумно отнесется къ своей задачѣ и, спокойно присмотрѣвшись къ жизни, измѣнитъ свои взгляды.

Въ 1776 г. Павелъ Петровичъ посѣтилъ Берлинъ съ цѣлю познакомиться съ избранной ему матерью невѣстой. Фридрихъ Великій, повидавшись съ нимъ всего нѣсколько разъ, въ своихъ запискахъ написалъ слѣдующее: «Мы не можемъ пройти молчаніемъ сужденіе, высказанное знатоками, относительно характера этого молодого принца. Онъ показался гордымъ, высокоумнымъ и рѣзкимъ (*altier, haut et violent*), что заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ (*dure et férocé*), избалованнымъ къ тому же мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участи, одинаковой съ участью его несчастнаго отца»¹⁾.

Трудно допустить, чтобы Екатерина, хорошо знавшая своего сына, хуже Фридриха II предвидѣла «участь» своего несчастнаго сына.

Повторяю, мы не имѣемъ права допускать, что Екатерина II была совершенно равнодушна и даже враждебна къ своему сыну, какъ не имѣемъ права допускать, что она не любила Россіи; вѣдь всѣ мы любимъ нами созданное,—а потому нѣтъ сомнѣнія, что она искренно желала сойтись съ сыномъ, образумить его, желала, чтобы онъ исправился хотя бы настолько, чтобы ему

¹⁾ Переводъ, приведенный у Шильдера. *Op. cit.*, стр. 119, 120.

не угрожала «участь, одинаковая съ участью его несчастнаго отца».

Всѣ усилія мудрой Екатерины были совершенно безуспѣшны, да и чего можно было ожидать отъ наслѣдника престола, увѣреннаго, что его хотягь отравить. Въ 1773 году Павель Петровичъ за ужиномъ въ любимомъ своемъ блюдѣ—сосискахъ, увидѣлъ кусочки стекла; это блюдо онъ показалъ матери, высказавъ съ большимъ волненіемъ мысль, что его такимъ образомъ хотѣли отравить. Екатерина II была очень удивлена этою выходкою сына, и чтобы его развлечь, увезла въ Царское Село ¹⁾. Въ 1782 г. во Флоренціи за столомъ у великаго герцога Леопольда Павель Петровичъ вдругъ всталъ изъ-за стола, засунулъ пальцы въ ротъ, чтобы вызвать рвоту и кричалъ, что его отравили. Великій герцогъ и его семья были крайне сконфужены, употребляли всѣ усилія успокоить своего гостя, что имъ и удалось, хотя съ большимъ трудомъ ²⁾. Герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій писалъ про Павла Петровича: *Er hat immer die Idee, dass er einmal vergiftet wird* ³⁾.

Трудно понять, какіе мотивы руководили Екатериной, когда она разрѣшила своему сыну завести и усовершенствовать гатчинскую армію; она ясно понимала, «что тутъ первое, что батюшкина армія представляется». Можетъ быть, она не желала, чтобы ее порицали за жестокость и напрасную строгость къ сыну, можетъ быть, что, какъ матери, ей было тяжело лишать сына всякаго занятія, можетъ быть, она утѣшала себя надеждой, что продолжительныя занятія съ гатчинской арміей сблизятъ его съ людьми, наконецъ, откроютъ ему глаза на суть военнаго дѣла; наконецъ, возможно, что геній и воля Екатерины ослабѣли съ годами, и только благодаря этому въ царствованіе этой мудрой государыни въ Россіи возникъ первообразъ военнаго поселенія. Если бы Екатерина не разрѣшила этой нелѣпой затѣи, ее обвиняли бы, что она давила и стѣсняла своего сына. Можетъ быть, Екатерина II разрѣшила «батюшкину армію» для того, чтобы окончательно провѣрить свое убѣжденіе въ полной неспособности сына царствовать. Она могла думать такъ: если онъ устроитъ

1) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, XIX, стр. 389.

2) F. Golovkine, *op. cit.*, p. III.

3) Русскій Архивъ. 1876, V, стр. 50.

нѣчто порядочное, то значить я ошибалась и прибѣгать къ такому рѣшительному шагу, какъ устраненіе отъ престола объявленнаго наслѣдника, не придется; если же и такое маленькое дѣло, какъ гатчинская армія, окажется ему не по силамъ, очевидно, онъ царствовать не можетъ.

Послѣ многихъ тяжелыхъ столкновеній съ сыномъ, Екатерина выработала себѣ непоколебимое и ясное убѣжденіе въ неспособности сына царствовать. «Однажды Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя. Что они тамъ толкуютъ!—воскликнулъ онъ.—Я тотчасъ все бы прекратилъ пушкками. Екатерина отвѣтила ему: *Vous êtes une bête féroce*, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе ¹⁾).

Признавъ свое полное безсиліе исправить сына, окончательно убѣдившись въ необходимости для блага Россіи и самого Павла Петровича устранить его отъ престола, Екатерина II приступила къ приведенію этой мысли въ исполненіе.

Павелъ Петровичъ всегда крайне враждебно относился къ своей матери, къ ея системѣ государственнаго управленія, къ ея сотрудникамъ; исключеніе составляли Панины; къ Репнину онъ относился хорошо при жизни матери и въ началѣ своего царствованія, но затѣмъ и Репнинъ былъ уволенъ въ отставку. Такъ же, какъ сотрудниковъ своей матери, Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ ея фаворитовъ; однако, слѣдуетъ обратить вниманіе, что онъ ненавидѣлъ въ этихъ лицахъ не фаворитовъ, а сотрудниковъ матери. Такъ онъ дружественно относился къ Мамонову, потому ли, что тотъ симпатизировалъ Пруссіи, или потому, что былъ любезенъ съ великокняжескою четюю—неизвѣстно. Съ непостижимою ненавистью Павелъ Петровичъ относился къ Потемкину, хотя этотъ крупный сотрудникъ Екатерины держалъ себя по отношенію къ цесаревичу не только вполне корректно, но и любезно. Энгельгардтъ свидѣтельствуетъ, что Потемкинъ, рѣдко бывавшій на балахъ, «на балы великаго князя и на Каменный Островъ (дворецъ Павла Петровича) ни одного раза не миновалъ» ²⁾). Шумигорскій совершенно вѣрно характеризуетъ поведеніе Потемкина по отношенію къ великокняжеской

¹⁾ Н. Шильдеръ, *op. cit.*, 248.

²⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 40.

четѣ. «Потемкинъ, хотя и раздѣлялъ мнѣніе Екатерины о неспособности Павла Петровича къ управленію государствомъ... но въ то же время никогда не позволялъ себѣ въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ выходить изъ границъ уваженія и почтенія, какія подданный долженъ оказывать признанному наслѣднику престола и его супругѣ. Мало того, онъ относился съ полнымъ вниманіемъ ко всѣмъ обращеннымъ къ нему желаніямъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны» ¹⁾).

Потемкинъ былъ крайне любезенъ къ брату Маріи Ѳедоровны, принцу Карлу, выпросилъ ему Андреевскую ленту; имѣются свѣдѣнія, что Потемкинъ давалъ деньги взаймы великокняжеской четѣ. Вообще, у насъ нѣтъ ни одного свѣдѣнія о невѣжливомъ или нелюбезномъ поступкѣ Потемкина по отношенію къ семьѣ наслѣдника. Потемкинъ пользовался большимъ довѣріемъ Екатерины II и считался главой австрійской партіи; такъ какъ Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ друзей своей матери и вполне былъ преданъ Пруссіи, то онъ со всей силою своей души ненавидѣлъ Потемкина. Наконецъ, Потемкинъ заслужилъ особую ненависть цесаревича тѣмъ, что ввелъ въ нашу армію обмундированіе, совершенно противоположное прусскому. Потемкинъ былъ очень снисходителенъ къ солдатамъ и офицерамъ, какъ человѣкъ гениальный, понималъ вредъ тѣлесныхъ наказаній и мордобитія, а Павелъ Петровичъ выше всѣхъ цѣнилъ Аракчеева.

Историки, отыскивающіе причины враждебнаго отношенія Павла Петровича къ его матери, по моему мнѣнію, впадаютъ въ большую ошибку; они упускаютъ изъ вида, что Павелъ Петровичъ перессорился рѣшительно *со всеми* лицами, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Буквально не было *ни одного* человѣка, съ которымъ Павелъ Петровичъ могъ ужиться, съ которымъ онъ не поссорился бы рано или поздно. *Всѣ* лица, имѣвшія дѣло съ Павломъ I, дѣлались его врагами; всѣ его отношенія къ людямъ кончались ненавистью и злобою.

Конечно, до воцаренія онъ не могъ проявлять свою ненависть такъ, какъ ему хотѣлось. Когда власть очутилась въ его рукахъ, онъ воспользовался ею, чтобы лишать должностей, изгонять и даже забивать до смерти всѣхъ, кто обязанъ былъ имѣть съ нимъ частыя сношенія, кто пользовался довѣріемъ его матери и его самого.

¹⁾ Шумагорскій. „Императрица Марія Ѳедоровна“, стр. 351.

Положительно *никакого* различія между сотрудниками Екатерины и самого Павла I въ этомъ отношеніи не было; всѣ кончали изгнаніемъ. Зубовы, Воронцовы, Суворовъ страдали не болѣе, чѣмъ Куракины, Ростопчинъ и Н. И. Панинъ. Никто не могъ долго ужиться съ Павломъ Петровичемъ, никто не могъ долго сохранять его благоволеніе; чѣмъ большимъ довѣріемъ пользовалось данное лицо, тѣмъ въ концѣ-концовъ ему приходилось терпѣть болѣе жестокое гоненіе. Баронъ Гейкингъ, женатый на дочери директрисы Смольнаго монастыря, въ ноябрѣ 1796 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, милостиво принятъ императоромъ и сдѣланъ сенаторомъ. 6 сентября 1798 г. ему было приказано подать въ отставку; онъ былъ лишенъ пенсіи, *пріобрѣтенной* за свою *предыдущую* службу, ему было приказано выѣхать изъ Петербурга; затѣмъ онъ подвергся такому гоненію, что съ радостью узналъ о восшествіи на престолъ Александра Павловича. Насколько можно судить по воспоминаніямъ Гейкинга, онъ былъ чело­вѣкъ очень осторожный, скромный и трудолюбивый; предусмотрительно устранился отъ двора, жилъ со всѣми дружно и тѣмъ не менѣе возбудилъ гнѣвъ государя. Мы вполне можемъ повѣрить Гейкингу, который утверждаетъ, что онъ ничѣмъ не заслужилъ ни милости, ни гнѣва Павла I ¹⁾.

Тѣмъ, кто желаетъ найти разумное основаніе, и значитъ объясненіе ненависти Павла Петровича къ матери, слѣдуетъ напомнить, какъ окончилась его дружба съ Людовикомъ XVIII; несчастный претендентъ, члены его семьи и его свита были буквально выгнаны изъ Россіи въ самую холодную пору года. Поведеніе Павла было не только жестоко, но и просто позорно, такъ какъ несчастные изгнанники были приглашены въ Россію самимъ императоромъ, и передъ отъѣздомъ имъ не было выдано обѣщанное и раньше регулярно уплачиваемое пособіе. Разыскивать причины или мотивы жестокаго и позорнаго поведенія Павла I по отношенію къ Людовику XVIII такъ же бесполезно, какъ и основанія для его ненависти къ матери.

Павель I пригласилъ короля шведскаго Густава IV въ Петербургъ; тотъ имѣлъ неосторожность понадѣяться на законы гостепріимства и пріѣхалъ 29 ноября 1800 г. Къ 15 декабря озлобленіе Павла I къ своему вѣнценосному гостю достигло такой

¹⁾ Aus den Tagen Kaiser Pauls. 1886.

степени, что Густавъ IV не только долженъ былъ оставить Петербургъ, но по распоряженію императора, придворная кухня, которая, по обычаю, предшествовала королю до шведской границы, была возвращена назадъ; король и вся его свита остались бы безъ пропитанія, если бы ихъ не выручилъ финскій пасторъ.

Всѣ эти факты общеизвѣстны, и потому меня только удивляетъ, почему историкамъ не вполне ясны причины ненависти Павла Петровича къ матери. Было бы непостижимымъ чудомъ, если бы онъ не ненавидѣлъ свою мать; въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо, чтобы Павелъ Петровичъ не возненавидѣлъ особу, съ которой ему по волѣ судьбы пришлось жить вмѣстѣ, часто встрѣчаться, имѣть весьма частыя сношенія.

Мы знаемъ, что Павелъ Петровичъ сохранялъ благосклонность только къ одному лицу—къ Кутайсову, но нужно странное непониманіе людей, чтобы приравнивать Екатерину II къ Кутайсову. Мы знаемъ, почему Павелъ Петровичъ такъ долго благоволилъ къ Кутайсову: когда онъ бывалъ обозленъ на своего наперсника, онъ его колотилъ палкой; гнѣвъ проходилъ, и брадобрѣй, какъ и его господинъ, забывали и о преступленіи, и о наказаніи ¹⁾. Такъ какъ къ чести нашихъ предковъ они предпочитали изгнаніе палочнымъ ударамъ, никто изъ приближенныхъ кромѣ плѣннаго раба Кутайсова, не могъ долго пользоваться благоволеніемъ Павла I.

Мы знаемъ, какъ Екатерина умѣла ладить съ людьми, какъ умѣла уживаться съ людьми къ ней нерасположенными, и даже превращать ихъ въ преданныхъ и полезныхъ слугъ Россіи; такъ она воспользовалась для пользы государства талантами Воронцовыхъ и даже «персональнаго оскорбителя» П. И. Панина. Уживчивость составляетъ одно изъ лучшихъ качествъ Екатерины II, и потому у нея былъ одинъ упорный и озлобленный врагъ—это ея сынъ, не уживавшійся мирно ни съ кѣмъ на свѣтѣ.

Поэтому даже безъ подробнаго изученія взаимныхъ отношеній матери и сына намъ вполне ясно, что всѣ мнѣнія о роковомъ вліяніи политической обстановки, обусловленной переворотомъ

¹⁾ Разказы Котлубицкаго. Русскій Архивъ, 1866, стр. 1324. „Въ скважину замка видно было, какъ снята съ него (Кутайсова) лента, и посыпались удары палкою, которыхъ Котлубицкій съ Нарышкинымъ насчитали сорокъ“. Палка была изъ воловьей кожи.

28 іюня 1762 г., на развитіе характера Павла Петровича безусловно ошибочны. Если бы Павелъ Петровичъ выросъ въ самой добродѣтельной и миролюбивой семьѣ, онъ рано или поздно возненавидѣлъ бы свою мать, или обоихъ родителей, если бы они жили долго, какъ возненавидѣлъ свою добродѣтельную супругу, какъ возненавидѣлъ своихъ взрослыхъ сыновей, хотя Александръ Павловичъ доказалъ преданность отцу, а Константинъ Павловичъ доказалъ потомъ, что онъ боялся занять престолъ даже тогда, когда онъ принадлежалъ ему по праву. Враждебныя, неестественныя отношенія Павла Петровича къ матери были обусловлены его характеромъ, а не политической обстановкой; онъ имѣлъ право не любить мать, но жить съ ней мирно и дружественно ему мѣшала не политическая обстановка, не отношенія къ нему матери, а его собственный характеръ.

Какъ современники Павла Петровича, такъ и историки увѣрены, что весьма сильное вліяніе на развитіе характера великаго князя оказала французская революція.

Ростопчинъ писалъ Воронцову: «Вы увидите впоследствии, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази (французскаго эмигранта); онъ такъ усердно проповѣдуетъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозой, что государь наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякій частный человѣкъ» ¹⁾.

Шильдеръ держится того же мнѣнія: «современи начала французской революціи, весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ особенный, еще болѣе рѣзкій приливъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самаго крайняго деспотизма... Разсуждая о сихъ несчастіяхъ, великій князь все относилъ къ слабости въ правленіи французскаго короля» ²⁾. Еще болѣе рѣшительно высказывается Шумигорскій: «на такое настроеніе и образъ мыслей великаго князя много повліяли французскіе эмигранты» ³⁾. «Въ соотвѣтствіи этому, все чаще и чаще проявлялась суровость, раздражительность и мелочность неуравновѣшеннаго

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. VIII, стр. 67.

²⁾ Ор. cit. 248.

³⁾ Русскій Біограф. Словарь, стр. 73.

характера Павла, въ которомъ уже трудно было узнать живого, любезнаго и остроумнаго великаго князя, привлечшаго къ себѣ всеобщее сочувствіе десять лѣтъ тому назадъ, во время путешествія своего по Западной Европѣ» ¹⁾.

Суровость, раздражительность и мелочность цесаревича всегда проявлялись вполне въ ясной формѣ и до французской революціи ²⁾. Тотъ же Шумигорскій на 107 стр. того же труда пишетъ («Императрица Марья Ѳеодоровна»): «Великій князь, строгій ревнитель законностей и порядка, всегда предлагалъ матери, снисходительно относившейся къ людскимъ порокамъ и слабостямъ суровыя мѣры взысканія съ виновныхъ въ нарушеніи закона». «Велѣла я ему со Стрекаловымъ,—писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевского бунта,—прочестъ всю сію пакоцию (свертокъ бумагъ) и онъ сказалъ Степану Ѳеодоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано и всѣ его мысли клонились къ строгости». Точно такъ же строгаго взысканія виновныхъ ждалъ онъ отъ Екатерины по случаю замѣченныхъ имъ во время путешествія въ Берлинъ безпорядковъ по военному вѣдомству въ Ригѣ. Такая суровость молодого человѣка, почти юноши, прямо удивительна; за много лѣтъ до французской революціи Павелъ Петровичъ желѣзную лозу считалъ лучшимъ орудіемъ государственнаго управленія.

Не менѣе поразительна была его мелочность; въ Россіи онъ не смѣлъ ея проявлять, подчиняясь волѣ матери, но когда первый разъ въ жизни очутился на свободѣ, то проявилъ ее ужь очень демонстративно. Въ 1882 г. въ Монбельярѣ, въ качествѣ высокочтимаго зятя, Павелъ Петровичъ scandalisa une fois tout le monde: онъ схватилъ за руку и выгналъ изъ комнаты офицера, который осмѣлился въ его присутствіи играть въ карты; при этомъ онъ сказалъ: «Господа, этотъ молодой фатъ не имѣетъ достаточно высокаго чина, чтобы играть здѣсь» ³⁾. Бѣдные родственники должны были терпѣливо перенести эту выходку важнаго и богатаго зятя.

¹⁾ Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 342.

²⁾ Марія-Антуанета уже въ 1782 г. такъ характеризовала Павла Петровича: Le grand-duc a l'air d'un homme ardent et impétueux qui se contient. Le Roi n'as pas remarqué qu'il eut adopté des opinions exagérées. (Waliszewsky: op. cit. p. 524).

³⁾ Masson. Mémoires secrets. Vol. I. p. 241.

Также ярко Павелъ Петровичъ проявлялъ свою раздражительность и жестокость уже во время своего путешествія по Европѣ. Въ разговорѣ съ Леопольдомъ Госканскимъ онъ выразилъ величайшее презрѣніе къ ближайшимъ сотрудникамъ императрицы, считая ихъ подкупленными вѣнскимъ дворомъ. Великій герцогъ возразилъ, что ему ничего объ этомъ неизвѣстно. «Я ихъ знаю и я вамъ назову ихъ,— отвѣтилъ Павелъ Петровичъ,— это князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, графы Семень и Александръ Воронцовы и Марковъ, который теперь посланникомъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ потому, что я очень радъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ высѣку, разжалую и выгоню» ¹⁾. Потому ли, что съ годами Павелъ Петровичъ сдѣлался благоразумнѣе, или потому, что у него не хватило смѣлости, онъ не исполнилъ своей угрозы, получивъ власть; слѣдовательно, послѣ французской революціи его раздражительность и суровость не увеличилась, а уменьшилась.

Слѣдовательно и до французской революціи Павелъ Петровичъ былъ ничуть не добрѣе, снисходительнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ послѣ нея; единственно, въ чемъ могло состоять вліяніе революціи, это въ томъ, что она дала подтвержденіе взглядамъ Павла Петровича.

Но Павелъ I, какъ большинство людей, всегда легко находилъ въ политическихъ событіяхъ подтвержденіе справедливости своихъ взглядовъ. Если бы по своему характеру онъ могъ думать, что мягкое и справедливое управленіе наиболѣе обезпечиваетъ крѣпость престола, онъ нашелъ бы блестящее сему подтвержденіе въ благополучномъ царствованіи матери. Онъ находилъ способъ управленія своей матери дурнымъ, мягкимъ, но не хотѣлъ видѣть, что его мать укрѣпила престолъ и возвела власть на неслыханную высоту. Павелъ Петровичъ отлично зналъ, что капральство и голштинскія войска оказались совершенно безсильными противъ гвардіи, избалованной Елизаветой Петровной, и тѣмъ не менѣе въ капральствѣ онъ превзошелъ своего отца, и если въ Гатчинѣ не могъ завести иностранныхъ солдатъ, то создалъ «батушкину армію» и приглашалъ къ себѣ на службу нѣмецкихъ офицеровъ. Очевидно, что самые убѣдительные примѣры безсильны тамъ, гдѣ

¹⁾ Шильдеръ, *op. cit.*, стр. 160, 161.

дѣйствуютъ предубѣжденія и чувствованія. Для подтвержденія нравящихся намъ взглядовъ въ исторіи всегда можно найти сколько угодно подтверждающихъ ихъ справедливость примѣровъ.

Весьма возможно, что французская революція усилила боязливость Павла Петровича, потому что боязливые люди всегда находятъ причины для объясненія своего страха, всегда находятъ, чего бояться. Только при полномъ незнаніи Россіи можно было видѣть въ ней что-то похожее на французскую революцію, бояться распространенія этой «заразы» и у насъ. Если бы Павелъ Петровичъ обладалъ пониманіемъ политической обстановки, то долженъ былъ бы уразумѣть, что французская революція укрѣпила его положеніе, такъ какъ образованные люди, испуганные ужасами революціи, стояли за законную твердую власть. Какъ вѣрно замѣтилъ Карамзинъ («О древней и новой Россіи»): «Павелъ восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства».

Наконецъ, весьма большое значеніе въ жизни и дѣятельности Павла Петровича имѣло обстоятельство, на которое историки не обращали вниманія—это исключительно благопріятное политическое положеніе, въ которомъ находилась Россія при воцареніи этого государя. Само собою разумѣется, что мы не можемъ оцѣнивать этого положенія съ нашей точки зрѣнія; важно мнѣніе современниковъ, а безспорно никогда въ нашей исторіи современники не были такъ довольны существующимъ строемъ, какъ въ царствованіе Екатерины. Въ этомъ легко убѣдиться, прочитавъ записки дѣятелей той эпохи. Конечно и тогда были лица, указывавшія на недостатки управленія, но всѣ сходились въ томъ, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ, и нужны лишь небольшія улучшенія. А такъ какъ *le mecanisme social repose finalement sur des opinions* ¹⁾, то общее политическое положеніе было вполне благопріятно и крайне прочно; едва ли въ нашей исторіи былъ моментъ болѣе благопріятный для государя, чѣмъ въ 1796. Международное положеніе—это ужъ безспорно—никогда не было столь блестящимъ, какъ тогда; внутри всѣ, принимающіе активное участіе въ политической жизни страны,

1) Comte. Cours de Philosophie positive. 1877. Vol. I, p. 40.

Вопросы философіи, кн. 88.

были вполне довольны и искренно преданы правительству, почему оно приобрѣло громадную силу и прочность.

Если бы наслѣдникъ Екатерины II только наслаждался жизнью, о немъ осталась бы хорошая память, такъ какъ никакихъ тяжелыхъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія задачъ Екатерина II не оставила своему сыну. Въмѣстѣ съ тѣмъ, такое благопріятное положеніе было приобретено почти исключительно тридцати-четырехлѣтней работой этой мудрой государыни, почему неограниченная власть была вознесена на огромную высоту, окружена ореоломъ, и покушеній ограничить ее не могло быть, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе сознательной жизни одного поколѣнія, то-есть тридцати лѣтъ.

Павель Петровичъ, благодаря блестящему и мудрому продолжительному царствованію своей матери, получилъ абсолютно неограниченную власть въ вполне благоустроенномъ государствѣ, и только поэтому могъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ дѣлать все, что ему было угодно. Только послѣ четырехлѣтняго безпримѣрнаго управленія государственный механизмъ оказался настолько расшатаннымъ, что дальше этотъ единственный опытъ въ исторіи продолжаться не могъ: Россіи угрожала война, финансы были въ полномъ беспорядкѣ, всѣ опытные государственные люди—сотрудники Екатерины, были не у дѣль.

Очевидно, что только при исключительно благопріятномъ политическомъ положеніи, при полномъ отсутствіи неотложныхъ серьезныхъ дѣлъ и дѣйствительныхъ враговъ можно было объявлять войну круглымъ шляпамъ ¹⁾, одѣваться въ мальтійскую корону и мантию и разсылать въ мѣста отдаленныя и не столь отдаленныя преданныхъ престолу слугъ. Если бы Павель Петровичъ вступилъ на престолъ въ тяжелый моментъ, напр. такъ, какъ Петръ I, Екатерина II, Александръ II, онъ не могъ бы проявить такъ полно и ярко свой характеръ, какъ это удалось ему, вслѣдствіе крайне благопріятныхъ условий, созданныхъ его матерью.

На это обстоятельство до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія, и потому я нашелъ нужнымъ его отмѣтить; оно имѣло не-

¹⁾ „Первый подвигъ свой (новый порядокъ) обнаружилъ объявленіемъ жестокой, безпощадной войны—злѣйшимъ врагамъ государства—круглымъ шляпамъ, фракамъ и жилетамъ“. Записки А. М. Тургенева. Русская Старина. 1885, IX. стр. 381.

измѣримо больше вліяніе на жизнь Павла Петровича, чѣмъ французская революція. Я вполне понимаю, какъ мало убѣдительно всякія *если*; но все же трудно отрицать, что если бы при вступленіи на престолъ этого государя Россія находилась въ тяжеломъ положеніи, его царствованіе было бы или очень кратко-временно, или не было бы такъ непослѣдовательно, какъ оно было въ дѣйствительности. Если бы Павелъ Петровичъ жилъ раньше французской революціи, онъ дѣйствовалъ бы совершенно такъ же, какъ то было въ дѣйствительности.

Послѣдніе годы своей жизни Екатерина предоставила много власти ничтожному Платону Зубову и вообще не обнаруживала прежней энергіи, что, конечно, вполне объясняется и возрастомъ и утомленіемъ. Ея наслѣдникъ, безъ особыхъ усилій, удаливъ П. Зубова и его креатуръ, могъ принести немало пользы: нужно было наказывать нѣсколько казнокрадовъ, освѣжить администрацію и заняться просвѣщеніемъ хотя бы высшихъ классовъ общества.

Я удивляюсь, что историки не обратили должнаго вниманія на это самое важное обстоятельство въ царствованіи Павла I. Только при этомъ освѣщеніи можетъ быть понято это непонятное царствованіе; никогда въ исторіи самодержавіе не было такъ безгранично и никогда неограниченное самодержавіе не было въ столь благоустроенномъ и могущественномъ государствѣ, какимъ была Россія въ 1796 г. Самодержавіе было безгранично, потому что не только противъ него никто не протестовалъ, но всѣ его охотно признавали и одобряли. Послѣдняя попытка ограничить самодержавіе была сдѣлана болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ; только спустя почти тридцать лѣтъ по воцареніи Павла I нашлось нѣсколько лицъ, желавшихъ ограничить власть самодержца.

Очевидно, что только при полномъ и всеобщемъ преклоненіи передъ властью Павелъ I могъ дѣлать все, что ему было угодно; если бы въ государствѣ были учрежденія и сословія, желающія бороться съ самодержцемъ, Павелъ I такъ же легко подчинился бы предъявленнымъ ему требованіямъ, какъ подчинился матери. Если бы Павелъ I царствовалъ въ неблагоустроенномъ государствѣ, его дѣятельность ограничивалась бы узкою сферою.

Впрочемъ, подробное разсмотрѣніе этого обстоятельства и его значенія не дѣло психолога; это составляетъ обязанность историка.

IV.

Въ характерѣ Павла I была такая рѣдкая комбинація качествъ, что онъ не могъ быть счастливымъ; тѣ свойства или качества характера, которыми былъ надѣленъ Павелъ I, вообще крайне рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ, и потому естественно, что даже люди, близко его знавшіе, не вполнѣ его понимали; также не понимали его характера нѣкоторые историки; только лица, обладавшія особю пронизательностью, ясно видѣли въ чемъ дѣло; всѣ, кто только зналъ поступки государя, были вполнѣ единодушны въ своихъ о немъ сужденіяхъ. Нужно отмѣтить, что дѣйствительно такіе характеры, какимъ обладалъ этотъ несчастный государь, очень-очень рѣдки; вполнѣ естественно, что такіе люди непонятны для лицъ, даже ихъ хорошо знающихъ.

Самое вѣрное пониманіе характера Павла I принадлежитъ французскому повѣренному въ дѣлахъ Женеве; я предполагаю, что Женеве руководился свѣдѣніями и сужденіями Сегюра, такъ какъ онъ самъ по своему положенію не могъ близко знать Павла Петровича. Въ 1791 г. онъ писалъ Монморену, что цесаревичъ со временемъ будетъ «le plus inquiet de tous les tirans ¹⁾». Какъ извѣстно кратковременное царствованіе этого государя блистательно подтвердило мнѣніе неизвѣстнаго дипломата.

Можно лишь удивляться, что Женеве или Сегюрю вполнѣ вѣрно поняли характеръ Павла, а Лагарпъ, имѣвшій полную возможность узнать цесаревича, настолько былъ ослѣпленъ, что называлъ его «ce prince infortuné et si méconnu». Павелъ I приказалъ Римскому-Корсакову схватить Лагарпа въ Швейцаріи и съ фельдъегеремъ прислать въ Петербургъ для отправленія его въ Сибирь. Когда Лагарпъ узналъ объ этомъ повелѣніи императора, онъ писалъ: *Le coeur essentiellement bon de Paul I m'était assez connu pour que l'exécution de cet ordre, eut-elle eu lieu, m'eût effrayé* ²⁾. Мнѣ бы не хотѣлось допускать въ данномъ случаѣ неискренность Лагарпа: если бы онъ хотя сколько-нибудь сочувствовалъ Россіи, онъ долженъ былъ понимать, какъ много зла онъ намъ причинилъ, и потому долженъ былъ хвалить Павла, несмотря на

¹⁾ Rambaud. Recueil des instructions. Russie T. 2 p. 515. Валишевскій. Le Roman d'une impératrice Catherine II p. 394 такъ опредѣяетъ Génét: Il avait des pretentions malheureuses à la littérature et ne brilla pas dans la diplomatie.

²⁾ Шильдеръ ар. cit. стр. 424.

самые очевидные факты. Можетъ быть, дѣйствительно Лагарпъ не понималъ характера Павла, и участь жертвъ этого царствованія не интересовала этого швейцарца, считавшаго Россію собственностью или имѣніемъ, и горячо защищавшаго права наследника на это имѣніе, ничуть не беспокоясь о судьбѣ населяющихъ его рабовъ. Какъ бы то ни было, ввиду высокаго авторитета Лагарпа, мы должны считаться съ его мнѣніемъ.

Безспорно, что среди ближайшихъ сотрудниковъ Павла I самымъ умнымъ человѣкомъ былъ Ростопчинъ, его сужденіе объ этомъ государѣ, конечно, имѣетъ большую цѣнность... ce Souverain, avec tous les moyens de régner glorieusement et de se faire adorer, n'a jamais goûté un seul instant de bonheur et a fini tout aussi malheureusement qu'il a vécu¹⁾. Понятно, почему Ростопчинъ приписывалъ Павлу способности царствовать со славою и заслужить любовь, и нельзя отказать ему въ наблюдательности: дѣйствительно, Павелъ никогда не былъ счастливъ и его жизнь была такъ же печальна, какъ ужасна смерть.

Князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ утверждалъ, что Павелъ I «вовсе не былъ тѣмъ сумрачнымъ и подозрительнымъ тираномъ, какимъ его умышленно представляютъ. Напротивъ того, природныя его качества были откровенность, благородство чувствъ, необыкновенная доброта, любезность и весьма острый и мѣткій умъ... Императоръ Павелъ любилъ шутить, понималъ шутку и не сердился, когда самъ иногда дѣлался предметомъ невинной забавы... Дѣйствительно государь былъ чрезвычайно раздражителенъ и не могъ иногда сдерживать себя, но что эта раздражительность происходила не отъ природнаго его характера, а была послѣдствіемъ одной попытки отравить его. Князь Лопухинъ увѣрялъ меня съ нѣкоторою торжественностью, что этотъ фактъ извѣстенъ ему изъ *самаго достовернаго источника*. Изъ послѣдующихъ же моихъ разговоровъ съ нимъ я понялъ, что это сообщено было самимъ императоромъ Павломъ I (княгинѣ Гагариной). Когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, онъ однажды внезапно заболѣлъ; по нѣкоторымъ признакамъ, докторъ, который состоялъ при немъ, угадалъ, что великому князю дали какого-то яду и, не теряя времени, тотчасъ принялся лѣчить его противъ отравы. Больной выздоровѣлъ, но никогда не опра-

1) Архива гр. Воронцова. Т. VIII, 292.

вился совершенно, съ этого времени на всю жизнь нервная его система оказалась крайне разстроенною: его неукротимые порывы гнѣва были не что иное, какъ *болѣзненные припадки*, которые могли быть возбуждаемы самымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ ¹⁾).

Но Павелъ Петровичъ считалъ себя отравленнымъ за столомъ герцога Леопольда Тосканскаго; считалъ себя отравленнымъ сосисками, въ которыхъ будто бы оказались кусочки стекла, за ужиномъ у матери въ 1773, и потому его разсказу о таинственномъ отравленіи нельзя довѣрять. Шильдеръ въ выноскѣ къ этому разсказу выразился такъ: «Нѣкоторыя соображенія дозволяютъ допустить *возможность* этой попытки въ *первой половинѣ* 1778 г». Къ сожалѣнію, Шильдеръ не объяснилъ, на основаніи какихъ соображеній допускаетъ возможность такой попытки, и почему именно она могла быть въ 1778; я не знаю ни малѣйшаго указанія или даже намека, дающаго право допускать возможность такой попытки. Во всякомъ случаѣ медицина не знаетъ такихъ ядовъ, отравленіе которыми давало бы такую картину, какую мы наблюдаемъ въ гнѣвныхъ аффектахъ Павла I. Съ врачебной точки зрѣнія объясненіе отравленіемъ раздражительности Павла I безусловно неприемлемо; ничего подобнаго въ медицинѣ неизвѣстно, но людей легко гнѣвающихся немало; несомнѣнно, что аффекты гнѣва суть самыя частыя, и намъ вполне понятенъ характеръ Павла I при безусловномъ отрицаніи когда-либо бывшаго введенія въ его организмъ яда.

Меня удивляетъ, что Шильдеръ допускаетъ возможность попытки отравленія въ 1778 г.; Фридрихъ II предсказалъ въ 1776 г. судьбу этого государя съ безусловною точностью; основныя черты характера Павла I были выражены въ дѣтствѣ настолько ясно, что Порошинъ вполне точно предсказалъ, какъ будутъ относиться подданные къ этому государю: «*Avec les meilleurs intentions du monde, vous vous ferez haïr, Monseigneur*».

П. П. Лопухину былъ такъ непонятенъ характеръ Павла I, что онъ вѣрилъ въ какое то таинственное отравленіе, измѣнившее его основной—добрый—характеръ.

Дѣло въ томъ, что Павелъ I былъ надѣленъ интенсивными

¹⁾ Шильдеръ *op. cit.* стр. 587. А. Н. Вельяминовъ-Зерновъ. Schiemann. Die Ermordung Pauls I, S. 2 69, говоритъ, что Орловы покушались на жизнь Павла Петровича, но его утвержденіе вполне голословно.

эгоистическими чувствованіями и вмѣстѣ съ тѣмъ воспринималъ очень быстро; сочетаніе идей совершалось въ его мозгу очень скоро; вообще онъ былъ крайне подвижной человѣкъ, быстро и легко воспринимавшій, быстро и легко соображавшій. Всѣ психическіе, а также и физическіе процессы у Павла I протекали быстро; современниковъ особенно поражало, какъ быстро онъ принималъ рѣшенія, даже такія, которыя требуютъ продолжительнаго обсужденія.

Лица, у которыхъ всѣ психическіе процессы протекаютъ быстро, а слѣдовательно легко, чувствуютъ себя вообще хорошо. Особенно ярко доказывается зависимость настроенія отъ теченія психическихъ процессовъ наблюденіями надъ душевнобольными. Маньяки, у которыхъ психическіе процессы протекаютъ крайне быстро, чувствуютъ себя прекрасно, безконечно веселы, остроумны, болтливы, любятъ общество, оживленіе, суету. Меланхолики, у которыхъ теченіе психическихъ процессовъ замедлено, настроены мрачно, все имъ непріятно, ихъ тяготитъ общество, они ищутъ уединенія и тишины.

Понятно, что въ силу этой особенности своей организаціи, Павелъ Петровичъ былъ склоненъ къ веселью, долженъ былъ любить общество и суету, долженъ былъ быть остроуменъ и любезенъ.

Кто наблюдалъ короткое время маньяковъ, тотъ удивляется ихъ живости, веселости, остроумію и любезности, и искренно удивляется, когда узнаетъ, что этотъ любезный и добродушный больной переломалъ мебель и поколотилъ лицо, за нимъ ухаживающее, изругалъ врача и т. п. Дѣло объясняется очень просто: пока желанія маньяка исполняются, онъ дѣйствительно очарователенъ, но такъ какъ всѣхъ желаній исполнить нельзя, то очень скоро маньякъ начинаетъ сердиться на лицъ за нимъ ухаживающихъ, и можетъ сломать дверь своей комнаты, изъ которой желаетъ выйти, чтобы, напр., направиться въ ресторанъ и т. п. Вообще, очень трудно ухаживать за маньяками, и они доставляютъ много хлопотъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ.

Конечно, Павла Петровича нельзя считать маньякомъ, но вѣдь и въ нормальномъ состояніи мы наблюдаемъ, въ концѣ-концовъ, тѣ же психическія явленія, какъ и у душевно больныхъ; въ жизни мы встрѣчаемъ и меланхоликовъ—людей вполне здоровыхъ, и маньяковъ—вполне здоровыхъ; подъ вліяніемъ вина одни

становятся маньяками, другіе — меланхоликами, третьи — слабыми.

Дѣйствительно, Павелъ I по временамъ былъ благодушень, веселъ, оживленъ, остроуменъ и любезенъ; онъ долженъ былъ быть такимъ потому, что всѣ психическіе процессы протекали у него скоро и легко. Но онъ не могъ долго быть веселымъ и благодушнымъ, потому что вслѣдствіе интенсивныхъ эгоистическихъ чувствованій часто — по нѣскольку разъ въ день — возникали обстоятельства, измѣнявшія его настроеніе.

Это сочетаніе крайней быстроты въ теченіи психическихъ процессовъ или, говоря иначе, крайней живости и подвижности съ интенсивными эгоистическими чувствованіями, бываетъ очень рѣдко; злые, трусливые люди обыкновенно думаютъ медленно, чувствуютъ себя дурно, любятъ уединеніе. Лица съ ускореннымъ теченіемъ психическихъ процессовъ обычно имѣютъ сильныя животныя чувствованія; это весельчаки, «душа общества», любители выпивки, бабники. Такого сочетанія быстроты въ теченіи психическихъ процессовъ и интенсивныхъ эгоистическихъ чувствованій, какія мы находимъ въ характерѣ Павла I, не было въ исторіи, по крайней мѣрѣ, новой.

Характеръ Павла I былъ бы намъ непонятенъ, если бы Фулье не указалъ на значеніе соотношенія между анаболическими и катаболическими процессами. У Павла I рѣзко преобладали катаболическіе процессы: всѣ психическія состоянія его быстро возникали, скоро протекали и быстро исчезали. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный, не обиженный природою, и потому рядомъ съ злобою и жестокостію онъ проявлялъ благодушіе, былъ любезенъ и даже фамиліаренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокъ и грубъ. Однимъ словомъ, въ душѣ Павла I возникали самыя различныя состоянія, и потому тотъ, кто видѣлъ его любезнымъ и благодушнымъ, могъ считать его добрымъ человѣкомъ. Всѣ психическія состоянія быстро возникали и были поэтому поверхностны; Павелъ I, такъ сказать не имѣлъ времени хорошенько обдумать, обстоятельно анализировать ни одного своего психическаго состоянія; сейчасъ же возникало другое и часто совершенно противоположное; веселье смѣнялось гнѣвомъ, гнѣвъ боязнью и т. д.

Въ жизни этого государя насъ поражаетъ беспорядочность, калейдоскопичность психическихъ состояній, сочетаніе самыхъ

разнообразныхъ желаній и мыслей. Прусское капральство непонятнымъ образомъ сочеталось съ французскою утонченностью; въ одномъ лицѣ уживался рыцарь и капраль; желаніе быть справедливымъ или по крайней мѣрѣ разговоры о справедливости уживались съ ежедневнымъ поруганіемъ самой элементарной справедливости. Павелъ I отъ всѣхъ требовалъ подчиненія, а самъ не хотѣлъ подчиняться никакимъ законамъ.

Павелъ I, когда ничего не возбуждало его эгоистическихъ чувствованій, бывалъ благодушенъ, веселъ и любезенъ Д. Х. Ливенъ хорошо описала какъ веселился этотъ государь. «Онъ часто посѣщалъ (Смольный) монастырь, гдѣ я воспитывалась и забавлялся играми съ маленькими дѣвочками; онъ охотно принималъ участіе въ этихъ играхъ. Я припоминаю, какъ однажды вечеромъ въ 1798 г. я играла въ жмурки съ нимъ, послѣднимъ королемъ Польши, принцемъ Конде и фельдмаршаломъ Суворовымъ. Императоръ продѣлалъ много веселыхъ и вполне приличныхъ шутокъ (folies)» ¹⁾.

Этотъ несчастный государь вслѣдствіе крайней живости своего характера, отдаваясь потребности повеселиться, даже забывалъ о своемъ высокомъ санѣ; такъ А. Чарторыжскій рассказываетъ, что Павелъ I, вообще благоволившій къ брату Адама, показалъ ему языкъ (il lui tira la langue). «Во время пребыванія въ Петергофѣ, Павелъ, въ припадкѣ любовной галантности, встрѣтилъ моего брата, который прогуливался въ аллеѣ, ведущей къ павильону, обитаемому графинею Шуваловой. Императоръ взялъ его за плечи, повернулъ его и приказалъ ему удалиться: «этотъ попугай не для васъ, возвратитесь туда, откуда ушли». У гр. Шуваловой была очень хорошенькая горничная. Другой разъ онъ ему сказалъ.— «Расскажите мнѣ ваши приключенія, сдѣлайте меня вашимъ довереннымъ, я васъ не выдамъ, но помогу вамъ» ²⁾.

О такомъ же припадкѣ веселости Павла I рассказываетъ Шишковъ ³⁾. Во время болѣзни адмирала Кушелева, Шишковъ докладывалъ дѣла; шли приготовленія къ войнѣ съ Англіей. Государь началъ говорить о Кушелевѣ и между прочимъ сказалъ «впрочемъ не бѣда, если и умретъ. Онъ женился на богатствѣ

1) Schieman. Die Ermordung Pauls. S. 38.

2) Memoires. T. I, p. 184, 185.

3) Записки III. I, стр., 64.

и пошелъ въ халопы къ своей женѣ. Я самъ, сударь, люблю женщинъ; но не стану ѣздить за ними на запяткахъ».. «Послѣ сего обратилъ онъ рѣчь свою на другихъ нѣкоторыхъ особъ и также описывалъ разные ихъ свойства и недостатки; но примѣчая, что я молчу, слушаю и никакихъ собственныхъ мыслей моихъ не изъясляю, напослѣдокъ прекратилъ онъ разговоры свои и, вставъ со стула, сказалъ мнѣ. Завтра поговоримъ еще, а то, что вы теперь отъ меня слышите, сочтите, что я «вралъ». (Неучливое слово сіе точно было сказано.)

Облагодѣтельствованные Павломъ I лица, напримѣръ, П. П. Лопухинъ, плохіе наблюдатели, могли принимать живость характера и обусловленные этой живостью веселость, благодушіе, любезность и остроуміе за благородство и доброту; замѣчу, что ту же ошибку дѣлаетъ безспорно умная Д. Х. Ливенъ, но это объясняется тѣмъ, что она была очень молода, когда наблюдала (родилась въ 1784 г.). Дѣйствительно, Павелъ I не былъ угрюмымъ тираномъ; онъ любилъ играть съ дѣтьми, смѣяться, острить, болтать, но все это ничуть не походило на доброту, величіе, благородство.

Даже въ разговорѣ «на распашку» съ Шишковымъ ясно проявилась та холодная жестокость Павла I, которая ужасала благородную императрицу Елизавету Алексѣевну: Кушелевъ былъ преданный человѣкъ, всегда старался угодить государю, и никакимъ образомъ не заслужилъ такого къ нему отношенія.

Всѣ защитники и поклонники Павла I ничего не могутъ привести въ защиту своего мнѣнія, кромѣ, на всѣ лады повторяемаго, увѣренія, что «по природѣ» «въ сущности» Павелъ былъ добръ, благороденъ и великодушенъ, но неправильно судилъ о своемъ положеніи.

Безспорно, что Павелъ I вполне могъ проявить и свою доброту, и свое благородство; всѣ средства къ тому ему были даны, и при всемъ желаніи найти такія проявленія, мы можемъ указать всего лишь на одинъ его дѣйствительно великодушный поступокъ. Когда Лопухина заявила Павлу I, что ея сердце принадлежитъ Гагарину, государь приказалъ Суворову командировать Гагарина въ Петербургъ, осыпалъ его наградами и женилъ на Лопухиной. Однако, нельзя отрицать и того, что, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны Лопухиной, Павелъ I послушался совѣта кого-либо изъ приближенныхъ, знавшаго свѣтъ, и по-

тому хорошо понимавшаго, что, выйдя замужъ, Лопухина не будетъ очень строга; конечно, послѣдствія вполне оправдали разумность этого совѣта, и все устроилось къ общему благополучію, такъ что даже и въ этомъ случаѣ можно сомнѣваться въ великодушій Павла I.

Шумигорскій ставитъ въ заслугу Павлу Петровичу постройку гошпиталѣ въ Гатчинѣ, его заботы о здоровьѣ солдатъ, но болѣе вѣроятно, что мысль о гошпиталѣ принадлежала Маріи Федоровнѣ. Павелъ Петровичъ такъ любилъ военныя упражненія, что не могъ не заботиться о здоровьѣ солдатъ: вѣдь любители лошадей заботятся о здоровьѣ этихъ животныхъ, нанимаютъ ветеринаровъ и т. п.

Порошинъ записалъ крайне характерное свидѣніе о добромъ сердцѣ десятилѣтняго Павла Петровича: «Его Высочество за чаемъ кладутъ обыкновенно четыре сухарика. Три откладываетъ онъ для себя, а четвертый кладетъ передъ дежурнаго своего кавалера. Выходитъ всегда такъ, что сухарикъ передъ дежурнымъ кавалеромъ меньше всѣхъ трехъ прочихъ». (I. VIII. 1765) Конечно, есть дѣти, сѣдающія сами всѣ сухари, но есть и такія, что друзьямъ отдаютъ не худшій, а лучшій сухарь.

Щедрость наградъ Павла I общезвѣстна; даже мало образованные люди знаютъ анекдоты о томъ, какъ въ хорошемъ расположеніи духа государь раздавалъ чины и ордена. Карамзинъ прекрасно квалифицировалъ эту щедрость Павла I: «Онъ казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды—прелесть, унижилъ чины и ленты расточительностью въ оныхъ».

Этотъ государь щедро раздавалъ «души» своимъ любимцамъ; для насъ безразлично, полагалъ ли онъ, что крестьянамъ живется лучше подъ властью помѣщика или подъ властью чиновниковъ, несомнѣнно лишь то, что онъ щедро раздавалъ все, чѣмъ могъ распоряжаться, не нарушая собственныхъ интересовъ, и главное награждалъ тѣхъ, кто оказывалъ ему личныя услуги.

Понятно, больше всего заполучали гатчинцы, то-есть люди ему полезные и нужные, съ помощью которыхъ—по крайней мѣрѣ онъ такъ думалъ—ему легче будетъ расправиться съ сотрудниками ненавистной матери. Истинныя государственныя заслуги Павелъ I вознаграждалъ крайне скупо, и побѣдитель революціонной Франціи умеръ въ опалѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, странно говорить о добротѣ и великодушіи государя, въ царствованіе котораго самое большое число наградъ получилъ такой ничтожный человѣкъ, какъ брадобрѣй Кутайсовъ; этотъ турченочъ цѣнился Павломъ I больше всѣхъ слугъ престола и отечества.

Какъ бы мы мало ни цѣнили здравый смыслъ и нравственное развитіе современниковъ этого государя, все же нельзя отрицать рѣшающаго значенія за слѣдующимъ фактомъ. «Погребеніе его отнюдь не походило на погребеніе князя Суворова; тамъ я видѣлъ множество печальныхъ и плачущихъ лицъ; а здѣсь, идучи за гробомъ отъ Михайловскаго Дворца, черезъ Тучковъ мостъ, до крѣпости, изъ многихъ тысячъ зрителей, во всю дорогу, не видѣлъ я никого, кто бы проливалъ слезы. Скорѣе всего смотрѣли какъ бы на нѣкое скорѣе увеселительное, нежели плачевное зрѣлище ¹⁾).

Конечно, только молодостью Д. Х. Ливенъ можно объяснить, что она настолько не понимала характера Павла I, что написала: «le fond de son caractère était grand et noble; ennemi genereux, ami magnifique».

Когда хоронили величайшаго русскаго полководца, съ которымъ весело игралъ въ Смольномъ монастырѣ Павелъ I, «въ числѣ поджидавшихъ печальную процессію находился и государь съ небольшой свитой, на углу Невскаго и Садовой. По приближеніи гроба, Павелъ I снялъ шляпу; въ это время за спиной его раздалось громкое рыданіе; онъ оглянулся и увидѣлъ, что генераль-майоръ Зайцевъ, бывшій въ Итальянскую войну бригадъ-майоромъ, плачетъ на взрыдъ, не въ состояніе будучи удержаться. Гроза могла грянуть, но все обошлось благополучно: государь не смогъ пересилить самого себя, и у него изъ глазъ капали слезы ²⁾). Погребеніе Суворова, несмотря на желаніе Павлово похоронить его просто, было, по великому стеченію народа, превеликолѣпное... Самъ государь, не для почести, но изъ любопытства, выѣхалъ верхомъ; и самъ при мнѣ рассказывалъ, что лошадь его окружена была народомъ, и двѣ женщины, не примѣтя, кто на ней сидитъ, смотрѣли, облокотясь на его стремяна... Шишковъ написалъ извѣстные стихи въ честь Суворова

¹⁾ Записка Шишкова, т. I, стр. 80.

²⁾ Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ. Т. 3-й, стр. 372.

и «боялся, чтобъ они, дойдя до Павла, не нанесли мнѣ какой бѣды» ¹⁾.—Неужели и это не вполне убѣдительно?

Доброту и великодушіе Павла I понимали почти всѣ; мы находимъ, что по этому поводу удивительно сходились мнѣнія и гр. Паленъ и стараго солдата. Гр. Паленъ, прекрасно понимавшій Павла I, выразился очень мѣтко о его великодушіи: «онъ имѣлъ претензіи на великодушіе (*il se riquait de générosité*) ²⁾.

Увидѣвъ ѣдущаго верхомъ государя, Полетика скрылся за заборомъ, который окружалъ Исакиевскую церковь; стоявшій тутъ же инвалидъ сторожъ матеріаловъ сказалъ: «вотъ нашъ Пугачевъ ѣдетъ». «Я, обратясь къ нему, спросилъ: «какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ государѣ?» Онъ, поглядѣвъ на меня, безъ всякаго смущенія отвѣчалъ. «А что, баринъ, ты видно и самъ такъ думаешь, ибо прячешься отъ него». Отвѣчать было нечего. Я вышелъ изъ засады и продолжалъ свой путь, радуясь избавленію отъ опасной встрѣчи» ³⁾.

Жене совершенно вѣрно предсказалъ жестокость царствованія Павла I, и я не согласенъ съ Карамзинымъ, сказавшимъ: «онъ хотѣлъ быть Иоанномъ IV, но россияне уже имѣли Екатерину II, знали, что государь не менѣе подданныхъ долженъ выполнять свои святыя обязанности»; также нельзя согласиться и съ мнѣніемъ Санглена: «Если бы онъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе» ⁴⁾.

Жестокость Павла I ниѣкимъ образомъ нельзя сравнить съ ужасными казнями Ивана Грознаго.

Во-первыхъ, всѣ лица, жестоко наказанныя Павломъ I, были или совершенно невинны или заслуживали сравнительно легкія наказанія. Иванъ Грозный боролся съ врагами и противниками, боролся за извѣстныя идеи, при чемъ конечно пострадали и вполне невинные; но въ то время не было другого способа борьбы, чѣмъ тѣ ужасныя казни, которыя пришлось примѣнить создателю самодержавія въ Россіи. Павелъ I не имѣлъ противниковъ; во всей Россіи не было лица, которое въ его царствованіе мечтало сопротивляться его власти; совершенныя имъ жестокости, не оправдывались необходимостью, и были вполне безцѣльны.

¹⁾ Op. cit., стр. 63, 66.

²⁾ Memoires de Langeron. p. 66.

³⁾ Воспоминанія Полетика, Русскій Архивъ 1885, III, стр. 319.

⁴⁾ Пончулидзевъ. Исторія кавалергардовъ, т. 2 стр. 97.

Во-вторыхъ, и это дѣлаетъ ихъ наиболѣе ужасными, онѣ совершались потихоньку, съ нарушеніемъ освященныхъ обычаемъ формъ; объ этихъ жестокостяхъ умалчивали, потому что ихъ стыдились и боялись нести за нихъ отвѣтственность. Иванъ Грозный считалъ себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ истреблять враговъ, не хотѣлъ царствовать, если за нимъ не будетъ признано этого права. Въ царствованіе Павла I съ лицами, прогнѣвавшими государя, расправлялись потихоньку, и мы до сихъ поръ не знаемъ всѣхъ жертвъ этого мрачнаго періода нашей исторіи, да едва ли когда-нибудь и узнаемъ о всѣхъ совершенныхъ жестокостяхъ. Въ лучшей исторіи Павла I указано лишь три жертвы: братья Грузиновы и Кирпичниковъ ¹⁾; но сопоставляя показанія Masson, Чичагова, княгини Дашковой, А. И. Тургенева, Вельяминова-Зернова и сохранившіяся преданія, слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ это царствованіе было совершено много жестокостей.

Въ-третьихъ, жестокости этого царствованія ужасны потому, что онѣ были не въ духѣ времени, считались преступленіемъ; самый добродушный государственный человѣкъ въ XVII вѣкѣ могъ приказать отрѣзать языкъ, но такое наказаніе въ концѣ XVIII вѣка—ужаснѣйшая жестокость, которую поневолѣ приходилось скрывать.

Masson рассказываетъ, что солдатъ подъ ударами палокъ, къ чему приговорилъ его Павелъ I за ошибку въ строю, закричалъ отъ боли: «О проклятая плѣшивая голова». «Возмущенный аутokratъ приказалъ, чтобы его били до смерти». Конечно, Masson'у нельзя вполнѣ довѣрять, но такое происшествіе нельзя выдумать ²⁾.

«Графъ Строгановъ мнѣ рассказывалъ, что однажды, когда онъ былъ въ обществѣ Павла I, возникъ вопросъ объ одномъ лицѣ, имя котораго я забылъ. Императоръ ему сказалъ: «Это былъ человѣкъ, котораго я очень любилъ, онъ не разъ жертвовалъ собою для меня, и я считалъ его моимъ вѣрнымъ другомъ. Жаль, что онъ такъ дурно кончилъ». Графъ не рѣшился спросить, какъ кончилъ этотъ несчастный, но онъ навелъ справки и узналъ, что императоръ разсердившись приказалъ отвести его

¹⁾ Шильдеръ op. cit. стр. 432.

²⁾ Memoires secrets. Vol. I., p. 354.

въ петербургскую цитадель, куда скоро пріѣхалъ и приказалъ его связать (garrotter) и бить плетьюми (fustiger) до смерти. Секретъ былъ свято сохраненъ, пока не былъ раскрытъ самимъ тираномъ» 1).

Если бы не было другихъ свѣдѣній о такихъ жестокостяхъ, Чичагову можно было бы и не довѣрять, ввиду его крайней враждебности къ Павлу I.

Дашкова 2) такъ описываетъ одну жертву этого царствованія; мимо избы, въ которой она жила, высланная въ глухую деревню по приказанію Павла I, проѣзжалъ въ кибиткѣ сосланный въ Вологодскую губернію ея дальній родственникъ. «Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, говорилъ заикаясь, и лицо его искажалось судорогою. Не больны ли вы?—спросила я его. Нѣтъ, княгиня—отвѣтилъ онъ,—я вѣроятно такимъ останусь на всю жизнь. Затѣмъ онъ разсказалъ, что нѣкоторые его товарищи, гвардіи унтеръ-офицеры, держали предосудительныя рѣчи о государѣ; на нихъ донесли, и онъ оказался запутаннымъ въ это дѣло; онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, вывихнувшей ему всѣ члены, его товарищи были сосланы въ Сибирь, а онъ самъ былъ исключенъ со службы и получилъ приказаніе отправиться на жительство въ Вологодскую губернію, въ помѣстье своего дяди. Мнѣ было такъ тяжело, что я сократила его посѣщеніе, и долго еще меня преслѣдовалъ образъ этого молодаго человѣка съ вывихнутыми членами и, такъ сказать, разорванными нервами».

Какъ бы скептически мы ни относились къ показаніямъ Дашковой, всеже нельзя ей не вѣрить въ данномъ случаѣ: такой исторіи нельзя выдумать. И такъ несомнѣнно, что этотъ родственникъ Дашковой былъ мало виноватъ: его только выслали въ имѣніе дяди; этого мало виноватаго унтеръ-офицера гвардіи искалѣчили на всю жизнь; Дашкова не могла описать не видѣвши такой ужасной картины. Также несомнѣнно, что этотъ родственникъ Дашковой до пытки былъ человѣкъ здоровый: унтеръ-офицеромъ гвардіи не могъ быть больной человѣкъ.

А. М. Тургеневъ свидѣтельствуетъ: «При восшествіи на тронъ молодаго монарха Александра Павловича всѣ исключенные были приняты на службу, заключенные въ заточеніе и сосланные въ

1) Memoires de l'amiral Tchitchagoff. p. 35.

2) Записки княгини Дашковой. 1907. стр. 249.

Сибирь на житье или въ каторжную работу не по суду, а по особому повелѣнію въ прежнее царствованіе, которыхъ могли отыскать—освобождены и возвращены. По списку извѣстныхъ считалось генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ такъ же гражданской службы чиновникъ—12 тысячъ душъ» ¹⁾.

А. М. Тургеневъ состоялъ адъютантомъ московскаго военнаго губернатора, фельдмаршала Салтыкова. «Фельдмаршалъ отдалъ мнѣ бумагу и сказалъ «прочти». Я прочиталъ повелѣніе, лаконически изложенное: Доставленныхъ фельдъегерями арестантовъ *наказатъ* въ тайной канцеляріи *нещадно* плетями и содержать въ тюрьмѣ каждаго особо». Тургеневу было приказано присутствовать при наказаніи несчастныхъ въ тайной канцеляріи. «Двое арестантовъ были привязаны по рукамъ и ногамъ къ кольцамъ, укрѣпленнымъ винтами къ полу и началась экзекуція. Въ часъ времени Черединъ (начальникъ московской тайной канцеляріи) такъ нещадно злополучныхъ наказывалъ, что ни одинъ не могъ стоять на ногахъ» ²⁾. Имя несчастныхъ и ихъ вина не были извѣстны ни Чередину, ни Тургеневу.

«За все время моего адъютантства при фельдмаршалѣ, разумѣется, въ теченіе времени по 12 число марта 1801 года, я смѣю сказать, ежедневно былъ соглядатаемъ бѣдствія, страданія, несчастія; не проходило дня въ который фельдъегеря не провозили бы кого-нибудь въ ссылку въ Сибирь, въ заточеніе въ крѣпость, въ каторжную, въ крѣпостную работу, въ безызвѣстные. О *безызвѣстныхъ* потребно объясненіе: безызвѣстнаго везли въ закрытой кибиткѣ, зашитой рогожами, какъ тюки товарные обшиваютъ, отправляя на ярмарку; черезъ маленькій прорѣзъ въ рогожѣ въ подвижной тюрьмѣ заключенному подавали фунтъ хлѣба и давали пить разъ или два въ сутки... въ серединѣ кибитки было небольшое отверстіе для необходимой естественной надобности. Сопровождавшій фельдъегерь не зналъ кого везетъ, не видалъ арестанта; ему сдавали его зашитаго въ кибиткѣ. Подъ смертною казнію фельдъегерю запрещалось говорить съ заключеннымъ, равно, какъ отвѣчать на всѣ его вопросы» ³⁾.

¹⁾ „Русская Старина“ 1885, X, стр. 266.

²⁾ Ib. XII, стр. 275, 279.

³⁾ Ib. XI, 256.

А. М. Тургеневъ свой разсказъ объ истязаніи въ московской тайной канцеляріи, по особому повелѣнію, заканчиваетъ такъ: «Кто будетъ читать разсказъ мой, да будетъ совершенно въ томъ увѣренъ, что въ немъ нѣтъ ни на волосъ поэзіи, ни одной черты пристрастія,—что я видѣлъ, какъ понималъ, такъ и передаю» ¹⁾. Трудно не довѣрять такому почтенному лицу, какъ А. М. Тургеневъ, и замѣчаніе Панчулидзева «Тургеневъ до того сочиняетъ въ своихъ запискахъ, что ему нельзя довѣрять» ²⁾ еще разъ указываетъ, что мы не умѣемъ уважать нашихъ лучшихъ дѣятелей.

Преступленіе несчастныхъ, при истязаніи которыхъ присутствовалъ А. М. Тургеневъ, навѣрное было очень малое, во-первыхъ, потому что ихъ наказывали потихоньку, и въ Москвѣ, скрыли даже ихъ имена, а во-вторыхъ, мы знаемъ, что за самое ничтожное преступленіе люди буквально гибли. «Исакиевскую церковь, гордившуюся уже мраморными своими стѣнами, велѣно было докончить простымъ изъ кирпича сводомъ. Нѣкто, въ негодованіи на сіе, сочинилъ два слѣдующіе стишка: «Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ толь приличный: На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный!» Сказываютъ, что одинъ морской офицеръ, у котораго ихъ нашли, невиннымъ образомъ, не будучи ихъ сочинителемъ, погибъ, ибо пропалъ безъ вѣсти и послѣ нигдѣ не отысканъ» ³⁾. Этого несчастнаго звали Акимовъ. «По словамъ преданія Оболяниновъ и Бале отрѣзали поэту уши и языкъ и сослали въ Сибирь» ⁴⁾. Едва ли когда-нибудь это ужасное преступленіе по отношенію къ Акимову будетъ вполне разъяснено.

Всѣ эти жестокости совершены надъ лицами или совершенно невинными или совершившими ничтожные проступки; безспорно, что ни одного настоящаго государственнаго преступника въ это царствованіе не было, и потому даже тѣ, которые считаютъ позволенной жестокость по отношенію къ преступникамъ, не могутъ оправдывать жестокостей Павла I. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить лишь то, что онъ всюду видѣлъ опасность для своей особы, но жестокость къ личнымъ врагамъ

1) „Русская Старина“ 1885, стр. 479.

2) „Исторія кавалергардовъ, т. II, стр. 271.

3) Записки Шишкова, т. I, стр. 21.

4) Гено и Томищъ. Павелъ I, стр. 115.

доказываетъ, что Лагарпъ совершенно не понималъ этого государя.

Для тѣхъ, кому кажутся неубѣдительными показанія Masson'a, Чичагова, Дашковой и Тургенева, должно имѣть значеніе свидѣтельство А. Н. Вельяминова-Зернова, не допускающее какихъ-либо сомнѣній. Вельяминовъ-Зерновъ вообще снисходительно относился къ Павлу I и занималъ въ обществѣ и по службѣ такое положеніе, что могъ знать истину. Онъ въ 1799 г. получилъ мѣсто въ сенатѣ и въ 1801 г. былъ директоромъ въ департаментѣ по внутреннимъ дѣламъ.

Вельяминовъ-Зерновъ говоритъ, что педантизмъ въ военныхъ экзерциціяхъ сдѣлалъ Павла I смѣшнымъ въ глазахъ націи. Все «это и могло бы кончиться одними насмѣшками, еслибы не было высылкъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванія ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ истязаній» ¹⁾. На основаніи однихъ непровѣренныхъ слуховъ Вельяминовъ-Зерновъ не рѣшился бы высказаться такъ категорически.

Всѣ эти жестокости не могутъ быть объяснены аффектами гнѣва: они совершались многократно, и всегда настолько скрытно, что о нихъ не имѣется точныхъ свѣдѣній. О самомъ ужасномъ преступленіи лучшей историкъ этого царствованія говоритъ очень кратко: «26 апрѣля 1880 года гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ былъ наказанъ кнутомъ въ Старочеркасскѣ на Дону, а 5-го октября того же года братъ его, гвардіи полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ, на томъ же мѣстѣ засѣченъ кнутомъ до смерти» ²⁾. Я не понимаю, почему Шильдеръ не нашелъ нужнымъ сообщить уже извѣстное въ печати объ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, ярко иллюстрирующемъ до какого скотскаго состоянія доходили сановники въ это царствованіе, какихъ изверговъ избиралъ Павелъ I для исполненія своихъ желаній..

Насколько можно судить по статьѣ Карасева (Евграфъ и Петръ Осиповичи Грузиновы. Военно-судное дѣло, въ Черкасскѣ. «Русская старина». 1878. X, стр. 241—264) является несомнѣнной полная невиновность Е. О. Грузинова.

Остается неяснымъ, былъ ли несчастный Грузиновъ душевно-

1) Schieman. Die Ermordung Pauls S. 275.

2) Op. cit. стр. 432.

больной, или его палачи—присланные изъ Петербурга генералы Кожинъ и Рѣпинъ и атаманъ Войска Донскаго Орловъ, по крайней своей глупости и злобности даже не сумѣли выдумать сколько-нибудь правдоподобныхъ обвиненій противъ Грузинова; послѣднее вѣроятнѣе. При арестѣ Грузинова будто бы были найдены двѣ компрометирующія его бумаги, *но бумага этихъ при дѣлѣ нтъ*. Грузинова обвиняли, что онъ мечталъ взять Стамбуль «премудростно сочинить законъ который бы подь солнцемъ для всѣхъ живущихъ людей былъ полезенъ»... «населить городъ разныхъ вѣръ людьми» и т. п. Палачи спрашивали Грузинова, что значать слова «увсеусилить и увсеумножить счастье». Всѣ обвиненія Грузинова были такъ же нелѣпы; единственное обвиненіе претендовало на правдоподобность: одинъ должникъ требовалъ у Грузинова отдать долгъ, тотъ отказывался и будто бы произнесъ дерзкія и «неистовыя» слова объ особѣ его величества. Понятно, несчастный Грузиновъ ничего не могъ отвѣчать своимъ палачамъ, и ни въ чемъ не признавался. Тогда поручили протоіерею Волошеневскому сдѣлать подсудимому убѣдительное увѣщаніе внѣ суда, передъ крестомъ и евангелиемъ, при чемъ самъ Орловъ съ генераль-адъютантомъ Кожинымъ и генераль-отъ-кавалеріи Рѣпинымъ должны были стоять у дверей «для примѣчанія существа словъ».

Конечно, нашлись несчастные, которыхъ обвинили за недонесеніе о преступленіи Грузинова—войсковой старшина Афанасьевъ, дядя Грузинова, и казаки Космынинъ, Поповъ и Колесниковъ 27 сентября 1800 г. сложили свои головы на плахѣ подь топоромъ палача.

5 сентября 1800 въ день тезоименитства супруги наслѣдника престола, Е. О. Грузиновъ былъ забить до смерти кнутомъ; повидимому онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ; три палача не могли забить его на мѣстѣ казни, четвертаго не нашли; ему дали выпить холодной воды и унесли умирающимъ съ эшафота; Рѣпинъ и Кожинъ приняли его послѣдній вздохъ. Въ четырехъ углахъ эшафота стояли заряженные пушки, дуломъ обращенныя въ толпу ¹⁾.

Е. О. Грузиновъ былъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора, сопровождалъ его во всѣхъ

1) „Русская Старина“ 1872, т. VII, стр. 630.

прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ его кабинетѣ ¹⁾. Его мученическая кончина доказываетъ, какъ ошибалась умная Д. Х. Ливенъ въ своемъ сужденіи о Павлѣ I «ennemi geneveux, ami magnifique» ²⁾. Мы никогда не узнаемъ, чѣмъ навлекъ на себя Грузиновъ гнѣвъ Павла I; можетъ быть онъ былъ жертвой подозрительности этого государя. Несомнѣнно, что не заговорщики 11-го марта 1801 г. удалили и погубили полковника гвардіи, Е. О. Грузинова; съ 1798 онъ проживалъ въ Черкасскѣ, слѣдовательно никому не могъ быть опасенъ.

Намъ только извѣстно, что Павелъ I не пожелалъ нести отвѣтственность за это мрачное преступленіе; онъ вызвалъ князя Горчакова, и когда тотъ явился «государь, ожидавшій у самой двери съ лѣвой стороны, схватилъ князя за руки и подведя къ образу сказалъ: «Вотъ тебѣ Матерь Божія свидѣтельница, я не виновенъ; защити меня» ³⁾. Конечно, Горчаковъ «защитилъ» Павла I, и 13 октября 1800 г. послѣдовалъ указъ сенату: «Генераль-отъ-кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ»... Насколько можно судить по статьѣ Карасева, Рѣпинъ былъ менѣе виноватъ, чѣмъ Орловъ и Кожинъ.

Кто несетъ нравственную отвѣтственность за это злодѣяніе, мы не знаемъ, но несомнѣнно, что деморализація шла сверху; чего можно требовать отъ Орловыхъ, Кожиныхъ и Рѣпиныхъ, когда всѣ знали слѣдующее: Павелъ I, посѣтивъ Динамюндъ, на вопросъ коменданту о В. В. Пассекѣ, получилъ отвѣтъ: «Кромѣ добраго я не могу ничего донести о немъ вашему императорскому величеству». «Спросите у него, чего онъ желаетъ?» «Быть суждену». «Болѣе ничего?» «Ничего, государь». «Онъ молодъ! Пускай посидитъ: сей урокъ пригодится ему для переду» ⁴⁾.

Сопоставляя отзывы о Павлѣ I Лагарпа, Д. Х. Ливенъ, Лопухина съ мнѣніемъ о немъ отставнаго солдата, назвавшаго его «нашъ Пугачевъ» и свѣдѣніями, сообщаемыми Masson'омъ, Чи-

1) «Русская Старина» 1878. X, стр. 242.

2) Schiemanp. Op. cit., s. I, 38.

3) Общественныя движенія въ Россіи. Т. I. Записки барона Штенгеля стр. 382.

4) «Русскій Архивъ». 1863. Отрывокъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный.

чаговымъ, Дашковой, Тургеневымъ и Вельяминовымъ-Зерновымъ, психологъ долженъ прежде всего заключить, что характеръ этого государя былъ мало понятенъ. Къ такому же заключенію необходимо придти при сличеніи отзывовъ и мнѣній о Павлѣ I историковъ; Буинскій ¹⁾ выступилъ горячимъ защитникомъ этого государя; Кобеко вообще относится къ нему съ большою симпатіей, нѣсколько сдержаннѣе проявляется симпатія въ трудахъ Шумигорскаго ²⁾.

Психологъ обязанъ, по возможности, объяснить, чѣмъ обуславливается такое рѣзкое разногласіе въ мнѣніяхъ о характерѣ Павла I современниковъ и историковъ.

Дѣйствительно, характеръ этого государя не поддается простому опредѣленію; его понять также трудно, какъ и опредѣлить. Павелъ I по своему характеру рѣзко отличался отъ другихъ лицъ, ни на кого не походилъ, и потому для сужденія о немъ мало пригодны выработанные масштабы, вообще пригодные для громаднаго большинства. Такіе странные характеры, какимъ былъ надѣленъ Павелъ I, встрѣчаются крайне рѣдко и обычно возбуждаютъ недоумѣніе и разногласіе.

Въ послѣднее время психологи много занимались классификаціей характеровъ, и намъ извѣстно немало вполнѣ научныхъ и практичныхъ; просматривая предложенныя классификаціи, легко убѣдиться, что характеръ Павла I не можетъ быть введенъ въ какой-либо изъ извѣстныхъ классовъ.

Мы не находимъ мѣста для характера Павла I въ классификаціяхъ Perez'a ³⁾, Paulhan ⁴⁾, Fouillée ⁵⁾, Ribot ⁶⁾, Bulliot ⁷⁾; съ нѣкоторой натяжкой можно отнести этотъ характеръ въ классъ характеровъ, названныхъ Malapert ⁸⁾ Les emotifs irritables ou impulsifs. (Точно перевести эти термины едва ли возможно; впечатлительные, раздражительные или импульсивные; легко волну-

1) Отзывы о Павлѣ I его современниковъ. 1901.

2) Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1882.

3) Le Caractère de l'enfant à l'homme 1891.

4) Les Caractères. 1894.

5) Temperament et Caractère. 1895.

6) La Psychologie des sentiments p.p. 370—413.

7) De la classification de Caractères. IV Congrès International de Psychologie. p.p. 376—388.

8) Les éléments du Caractère. 1897.

юшіеся—раздражительные или порывистые—все это представляеть не точный переводъ). Malapert такъ описываетъ характеры этого класса. Эти лица всегда возбуждены, одно волненіе (emotion) быстро переходитъ въ другое; они очень безпокойны, боязливы; ихъ симпатіи и антипатіи очень живы и измѣнчивы; увлеченія разнообразны, но быстро мѣняются; возбужденіе скоро смѣняется истощеніемъ; эти лица раздражительны, часто мѣняютъ свои планы, агрессивны даже злы, легко гнѣваются; гнѣвъ иногда ведетъ къ насиліямъ; крайняя веселость смѣняется мрачной печалью.

Въ умственной дѣятельности этихъ лицъ замѣчается отсутствіе равновѣсія, системы и глубины; они увлекаются новыми идеями, любятъ парадоксы, нерассудительны и непрактичны.

Слѣдовательно, характеры, какимъ надѣленъ былъ Павелъ I, очень мало изучены, мало извѣстны; если бы они встрѣчались часто, они были бы давно изучены и поняты; только Malapert замѣтилъ ихъ и сдѣлалъ попытку объяснить и описать. Нѣтъ ничего удивительнаго, что рѣдкій и непонятный характеръ Павла I возбуждалъ недоумѣніе и различныя мнѣнія и у лицъ его знавшихъ, и у историковъ. Можетъ быть въ будущемъ, когда такіе характеры будутъ изучены лучше, когда мы будемъ обладать обширными свѣдѣніями о впечатлительномъ-раздражительномъ или порывистомъ характерѣ, лица надѣленные характеромъ Павла I намъ будутъ понятны, и сужденія о нихъ не будутъ такъ противоположны, какъ сужденія современниковъ и историковъ о Павлѣ I.

Теперь для того, чтобы объяснить характеръ этаго государя, обстоятельно изучить характеръ, замѣченный Malapert'омъ, понять почему современники и историки такъ несогласны въ своихъ мнѣніяхъ о Павлѣ I, мы должны систематически и подробно анализировать всю психическую дѣятельность этого государя: его умственную дѣятельность, его чувствованія, его волю, его дѣятельность, изучить его привязанности и вкусы.

В. Ф. Чижъ.

Вліяніє аккомодациі и конвергенціи на воспріятіє глубини.

I. Введеніє.

То или другое рѣшеніє вопроса о вліяніи аккомодациі и конвергенціи на воспріятіє глубини даєть основанія для теоретическихъ соображеній о врожденности или приобрѣтенности видѣнія въ третьемъ измѣреніи. Послѣднее по сію пору является спорнымъ вопросомъ въ психологіи, какъ и болѣе общій вопросъ о воспріятіи пространства во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ.

Враждуютъ здѣсь, какъ извѣстно, представители генетической и нативистической теоріи, при чемъ споръ этотъ особенно разросся, когда со стороны генетистовъ выступили такіе ученые, какъ Вундтъ и Гельмгольцъ, и когда нативизмъ нашель своего полного выразителя въ лицѣ Геринга. Для спеціальной задачи этой работы не является необходимымъ пространное изложеніє мнѣній отдѣльныхъ нативистовъ и генетистовъ ¹⁾, а будетъ достаточно противопоставить другъ другу наиболѣе характерные принципы спорящихъ между собой теорій.

Если говорить о принципѣ, характерномъ для нативизма, то такимъ будетъ прежде всего положеніє: протяженіє не отдѣлимо отъ цвѣта, воспріятіє перваго также первоначально, какъ воспріятіє втораго ²⁾. Пространство непосредственно ощущается, выступающая какъ одинъ изъ моментовъ оптического воспріятія ³⁾ или

¹⁾ На русскомъ яз. подробное изложеніє этого вопроса можно найти въ книгѣ Челпанова „Проблема воспріятія пространства“.

²⁾ С. Stumpf. Ueber der psychologischen Ursprung der Raumvorstellung стр. 107 и слѣд.

³⁾ Hering. Der Raumsinn und die Bewegungen des Auges стр. 564.

же являясь такимъ же неразложимымъ элементомъ во всякомъ ощущеніи, каковы напр. интенсивность, тембръ и т. п. ¹⁾

Генетисты не признаютъ того, что пространство есть первичное ощущеніе. Они отвергаютъ способность вмѣстѣ съ различіемъ цвѣтовъ различать также и пространственныя измѣренія. ²⁾ Только путемъ опыта развивается возможность опредѣленія пространственныхъ различій ³⁾, которыя мы постепенно учимся распознавать, благодаря тонко градуированному мускульному чувству.

Генетисты не находятъ ничего невозможнаго и противорѣчиваго въ томъ, что была эпоха, когда организмъ, одаренный оптическимъ аппаратомъ, хотя видѣлъ цвѣта и различалъ ихъ по качеству и интенсивности, однако не считалъ цвѣта эти принадлежащими предметамъ, протяженнымъ вширь и вглубь. Следовательно, цвѣтъ и протяженность отдѣлимы не только логически, но и реально ⁴⁾.

Нативисты утверждаютъ, что цвѣтовые ощущенія безъ пространственныхъ свойствъ немислимы ⁵⁾ и, если мы видимъ какой-нибудь цвѣтъ, то это не есть просто цвѣтъ, а цвѣтовая протяженность. Напр., Герингъ говоритъ ⁶⁾: «впечатлѣнія глаза съ самаго начала протяженны по всѣмъ тремъ измѣреніямъ или пространственны... Темнота, которая видна при закрытыхъ глазахъ есть напр. пространственное впечатлѣніе; предъ нами тогда не черная плоскость, какъ стѣна, но наполненное темнотой пространство и, если удастся видѣть это темное пространство ограниченнымъ черной стѣной, то остается все-таки темнота передъ этой стѣной. То же самое происходитъ въ томъ случаѣ, если находишься съ открытыми глазами въ абсолютно-темномъ пространствѣ. Это ощущеніе темноты вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно ограничено. Примѣромъ для опредѣленно ограниченаго пространственнаго ощущенія можетъ быть видимая въ стеклянномъ сосудѣ какая-нибудь цвѣтная прозрачная жидкость; если видна желтизна вина, то это не только желтизна сосуда, содержащаго вино, но она наполняетъ весь сосудъ. Днемъ мы видимъ, такъ сказать, пустое

1) Stumpf Op. cit 297, 298.

2) Н. Helmholtz Opt. Phys. (франц. перев.) стр. 577 и слѣд.

3) Тамъ же и Вундтъ. Осн. физиол. псих. (русск. перев.) стр. 701 и сл.

4) Ср. Сѣченовъ физиол. орг. чувствъ (1867) стр. 231.

5) Hering op. cit. стр. 564.

6) Hering op. cit. стр. 572 и сл.

пространство между нами и предметами совершенно иначе, чѣмъ ночью. Увеличивающаяся темнота ложится не только на предметы, но также между нами и предметами, такъ что въ концѣ концовъ закрываетъ предметы и заполняетъ пространство. Если я смотрю въ черный ящикъ, то я вижу его наполненнымъ темнотой и послѣдняя видна вовсе не какъ темный цвѣтъ стѣнокъ ящика. Находящійся въ тѣни уголь совершенно свѣтлой комнаты наполненъ темнотой, которая локализована не только въ плоскостныхъ границахъ угла, но и въ пространствѣ, ими окружаемомъ». Всякое зрительное ощущеніе уже тѣмъ самымъ есть ощущеніе пространственное ¹⁾, а разъ это такъ, то нѣтъ основаній думать, что пространственные ощущенія имѣютъ обособленную отъ зрительныхъ исторію. Хотя зрительное ощущеніе съ самаго начала пространственно, но отсюда не слѣдуетъ, что опыту здѣсь не дано никакой роли. «Полное исключеніе опытныхъ мотивовъ, говоритъ Герингъ ²⁾, невысказано». При этомъ онъ прибавляетъ: «но, кажется, нельзя допустить того, что пространственные качества ощущенія исключительно и всецѣло продуктъ опыта, такъ какъ съ одной стороны многія, новорожденные животныя доказываютъ прямо противоположное ³⁾, и недопустимо, чтобы новорожденный человѣкъ отличался въ этомъ отношеніи отъ животныхъ иначе, чѣмъ по степени; съ другой же стороны,—потому что зрительныя ощущенія безъ всякаго пространственного свойства—нѣчто невысказанное». Но невысказанность, вѣрнѣе непредставимость въ данномъ случаѣ мало доказываетъ. Вѣдь существуютъ такъ называемыя неразрывныя ассоціаціи и можетъ быть не лишено основанія то предположеніе, что мускульныя ощущенія, ассоціируясь (Бэнъ) или синтезируясь (Вундтъ) со зрительными, даютъ въ концѣ концовъ пространственный порядокъ. Громадное количество опытовъ дало столь тѣсно сплоченный синтезъ этихъ ощущеній, что вполнѣ понятной становится нераздѣльность ихъ, т.-е. невозможность представить одинъ цвѣтъ безъ протяженности или одну протяженность безъ цвѣта.

Теперь мы опредѣляемъ воззрительно пространственные измѣненія, но было время, когда, благодаря неполной развитости му-

¹⁾ Hering op. cit. 573.

²⁾ Hering op. cit. 564.

³⁾ Подробнѣе объ этомъ Stumpf op. cit. 294 и слѣд.

скульныхъ ощущеній, мы могли лишь заключать объ этихъ измѣреніяхъ. Но нативисты или совершенно отвергаютъ мускульное чувство или оставляютъ его подъ сильнымъ сомнѣніемъ: «Представители генетическаго направленія полагаютъ, что зрительныя ощущенія первоначально безпространственны и не локализованы, а представить себѣ постепенное приученіе къ опредѣленію пространственныхъ различій возможно только при допущеніи *такой* гипотетической системы мускульныхъ ощущеній» ¹⁾). Основаніе допущенія послѣднихъ, какъ думаетъ Герингъ и его ученикъ Гиллебрандъ, только теоретическое, и они пытаются доказать фактическое ихъ отсутствіе.

Иногда происходятъ движенія глазъ, т.-е. двигательныя мышцы глаза сокращаются, между тѣмъ какъ мы этого не сознаемъ. Если мы нѣкоторое время фиксируемъ тѣло, находящееся въ движеніи, а потомъ переведемъ глаза на неподвижный предметъ, то происходитъ слѣдующая иллюзія: кажется, что неподвижное тѣло движется ²⁾). Такъ напр., если нѣкоторое время слѣдить за предметами, мелькающими въ окнахъ движущагося поѣзда, а затѣмъ посмотрѣть на поле, то послѣдній кажется движущимся въ направленіи поѣзда.

Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что глазъ уже послѣ того, какъ предъ нимъ не проходятъ движущіеся предметы, упорно сохраняетъ свои движенія. Благодаря этимъ движеніямъ глаза, образъ фиксируемаго объекта, находящагося въ состояніи покоя, движется по сѣтчаткѣ и наблюдатель оцѣниваетъ это, какъ движеніе самого объекта, не сознавая сокращенія глазныхъ мышцъ. Если бы мускульныя ощущенія имѣли тутъ мѣсто, то роль ихъ была бы компенсирующей и иллюзія не являлась бы. На основаніи подобныхъ фактовъ нативисты приходятъ къ тому заключенію, что мышечнаго чувства нѣтъ, а оно привносится лишь въ силу теоретическихъ соображеній ³⁾).

Но мускульныя ощущенія не только не суть ощущенія въ обыкновенномъ смыслѣ, ибо они, какъ мы видѣли, не выдѣлимы въ самонаблюденіи—они, по мнѣнію нативистовъ, негодны даже, какъ гипотеза, такъ какъ не объясняютъ нѣкоторыхъ фактовъ.

1) Zeitschr. f. Ps. und Phys. Siebenter Band (1894) стр. 148.

2) Манъ Кендрикъ и Сподграссъ Физ. орг. ч. (русск. перев. 1900) стр. 259. Сѣченовъ Физ. орг. ч. (1867) стр. 229.

3) Hering Op. cit. 547.

Мускульнымъ чувствомъ, правда, можно объяснить факты нормального видѣнія. Если произвольно повернуть глазъ, въ сторону, то объекты зрительнаго поля остаются, какъ извѣстно, въ покоѣ, хотя изображенія ихъ на сѣтчаткѣ движутся. Это можно объяснить съ помощью мускульныхъ ощущеній, т.-е. принять, что намъ, благодаря мускульному чувству, извѣстно движеніе глаза и этимъ компенсируется перемѣщеніе образа объекта на сѣтчаткѣ. Но мышечными ощущеніями нельзя объяснить патологическихъ явленій, наблюдаемыхъ при параличѣ глазныхъ мускуловъ ¹⁾. Если, положимъ, парализованъ правый наружный мускуль, и наблюдатель дѣлаетъ усиліе повернуть глазъ наружу для фиксированія неподвижнаго объекта, видимаго справа, то ему кажется, что объектъ фиксаціи двинулся вправо. Тутъ объясненіе изъ мускульнаго чувства не можетъ имѣть мѣста, потому что мускуль парализованъ, и мы, какъ думаютъ нативисты, вовсе не объяснимъ этого факта, если не допустимъ, что о движеніи глаза мы узнаемъ изъ сознательныхъ импульсовъ воли, а не изъ мышечныхъ ощущеній.

Путемъ подобнаго рода разсужденій нативисты приходятъ къ отрицанію мускульнаго чувства, которое издавна было основой объясненія пространственнаго видѣнія. Это отрицаніе въ связи съ тѣмъ фактомъ, что цвѣтъ и протяженность могутъ быть изолированы только въ абстракціи, а не въ созерцаніи, приводитъ ихъ къ мысли, что пространство не можетъ быть конструировано изъ непространственныхъ элементовъ, что существуютъ такія же непосредственныя ощущенія глубины, высоты, какъ ощущенія желтаго, краснаго. Наиболѣе ясно выразилъ это Герингъ ²⁾, который для своей теоріи пользуется понятіемъ локальных знаковъ, своеобразно имъ понимаемыхъ.

Это не тѣ локальные знаки, которые выставили въ своихъ теоріяхъ генетисты, напр. Лотце или Вундтъ. Послѣдніе вовсе не признавали того, что разныя мѣста сѣтчатки уже тѣмъ самымъ, что они раздражены, освобождаютъ разныя чувства глу-

1) F. Hillebrand. Das Verhältniss von Accomodation und Konvergenz zur Tiefenlocalisation.

Zeitschr. f. Ps. B. VII (1894) стр. 148, 149).

2) Hering. Der Raumsinn und die Bewegungen des Auges. На русск. яз. изложена теорія Геринга въ книгѣ Челпанова „Проблема воспріятія пространства“ стр. 284 и слѣд.

бины, высоты, ширины. Они думали объяснить пространственный порядок явлений зрѣнія, предполагая, что онъ складывается изъ непространственныхъ элементовъ—мѣстныхъ знаковъ и двигательныхъ ощущеній. Иными словами у нихъ экстенсивность является продуктомъ взаимодействія интенсивностей. Если у генетистовъ мѣстные знаки и двигательныя ощущенія суть одинаково опредѣляющія условія видѣнія въ пространствѣ, то нативисты считаютъ пространственный порядокъ уже вполне опредѣлившимся, благодаря мѣстнымъ знакамъ, т.-е. благодаря непосредственнымъ ощущеніямъ глубины, высоты, ширины. Если нативисты признаютъ двигательныя ощущенія, разумѣя понятно подъ этимъ не мускульное, а иннервационное чувство, то роль ихъ сводится къ улучшенію уже готовой локализаци и къ большей ея точности ¹⁾. Когда нативистическую теорію называютъ теоріей мѣстныхъ знаковъ, то разумѣютъ подъ послѣдними не квалитативно различные безпространственные элементы, изъ которыхъ пространство конструируется впоследствии, а непосредственныя пространственныя ощущенія. Противъ этой теоріи едва ли можетъ быть сдѣлано то возраженіе, которое высказывалъ Гельмгольцъ ²⁾. «Нативизмъ, по его мнѣнію, предполагаетъ предѣланную гармонію между разумомъ и природой или скорѣе допускаетъ тождественность природы и разума, видя въ природѣ продуктъ дѣятельности общаго разума, котораго эманацией является разумъ человѣческій». Это возраженіе, какъ можно думать, является здѣсь по такому же недоразумѣнію, по какому гносеологическій вопросъ о пространствѣ критикуютъ иногда съ психологической точки зрѣнія ³⁾.

Если нативисты говорятъ, что пространство непосредственно ощущается, то они такъ же мало признаютъ предѣланную гармонію, какъ признаемъ ее мы, утверждая, что непосредственно ощущается цвѣтъ или запахъ. Отъ нативизма далеки метафизическія умозрѣнія о пространствѣ, какъ формѣ нашего разума и формѣ реального бытія, которыя находятся въ чудодѣйственномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ.

Здѣсь является другое затрудненіе философскаго характера,

1) Hering. Raumsinu. 546.

2) Helmholtz Opt. Phys. (франц. перев.) стр. 579.

3) Ср. Helmholtz Op. cit. 578. Челпановъ Op. cit. Предисловіе.

которое настоятельно требует объясненія, и послѣдовательный нативистъ не можетъ не дать въ немъ себѣ отчета. Вопросъ въ слѣдующемъ: почему свѣтоощущающій аппаратъ имѣетъ ту прерогативу предъ звуковоспринимающимъ, что явленія только перваго располагаются въ пространствѣ и это, не смотря на то, что физиологически оптический аппаратъ, если исключить его подвижность, относится такъ же къ своимъ раздражителямъ, какъ и акустическій.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо и въ слуховыхъ ощущеніяхъ признать извѣстнаго рода пространственность, а равнымъ образомъ признать ее не только въ осязаніи, но во вкусѣ и обоняніи. Это дѣйствительно признаютъ нативисты (Штумфъ ¹⁾, Джемсъ ²⁾ и др.). «Протяженность, говоритъ Джемсъ, есть свойство, которымъ обладаютъ наряду съ интенсивностью всѣ ощущенія безъ исключенія. Раскаты грома и шумъ бури мы называемъ болѣе объемистыми, чѣмъ скрипъ грифеля, объ аспидную доску. Погруженіе тѣла въ теплую ванну даетъ болѣе массивное ощущеніе, чѣмъ уколъ булавкой. Слабая невралгическая боль на лицѣ, легкая, какъ паутина, кажется менѣе массивной, чѣмъ мучительное и тяжкое ощущеніе ожога или сильная боль въ видѣ коликъ и т. п.» «Кажется, говоритъ Штумфъ, что всѣ чувственные содержанія ощущаются пространственно и что мы пространство вмѣстѣ съ Аристотелемъ можемъ разсматривать, какъ истинное *αἰσθητὸν κοινόν*» ³⁾.

Джемсъ приводитъ довольно много примѣровъ, которые иллюстрируютъ это положеніе, но нетрудно видѣть, какъ далеко отстоитъ объемность какого-либо звука или запаха отъ объемности пространственно протяженнаго тѣла. Первая отличается отъ послѣдней настолько, насколько могутъ отличаться не степени, а качества и только въ метафорическомъ смыслѣ можно говорить о большей или меньшей объемности звука или точнѣе съ эстетической точки зрѣнія о его грандіозности или минорности.

Но, положимъ, это не простая метафора, а нѣчто характерное для звука, нѣчто заключающее въ рудиментарной формѣ задатки пространственности. Тогда нужны совершенно особыя условія,

¹⁾ C. Stumpf. Ueber den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung 298 и слѣд.

²⁾ Джемсъ. Психологія (русск. перев. 271 и слѣд.).

³⁾ Stumpf Op. cit. 301.

чтобы въ зрѣніи эти первоначальные задатки разрослись въ такія пространственныя представленія, какія наблюдаются теперь. Эти условія можетъ указать лишь генетическая теорія, ибо то, чѣмъ отличается глазъ отъ уха, въ настоящемъ случаѣ, сводится лишь къ подвижности пераго и тѣмъ мышечнымъ ощущеніямъ, которыя сопровождаютъ эти движенія. Нативизмъ, отвергнувшій послѣднія, не можетъ объяснить этой разницы. Герингъ, надо думать, предвидѣлъ это затрудненіе; поэтому онъ совсѣмъ непослѣдовательно, что признаютъ другіе нативисты, ¹⁾ считалъ пространство свойствомъ только зрительныхъ ощущеній.

Для генетической теоріи нѣтъ затрудненій въ томъ, что о пространствахъ говорятъ намъ только зрѣніе и осязаніе, ибо мускульныя ощущенія только въ этихъ чувствахъ имѣютъ свое полное развитіе и поэтому они здѣсь имѣютъ всю силу объяснительнаго принципа.

Отрицаніе мускульнаго чувства, говорятъ генетисты, невозможно ужъ по той простой причинѣ, что оно непосредственно сознается, а, если этого не бываетъ, то для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ необходимо, по крайней мѣрѣ, гипотетическое его допущеніе. Нативисты, какъ мы видѣли, отрицаютъ выдѣлимость мускульныхъ ощущеній въ самонаблюденіи, а, если это такъ, то они вовсе не ощущенія.

Главный генетистъ въ настоящее время В. Вундтъ отвѣчаетъ на это возраженіе слѣдующимъ образомъ ²⁾. «Въ психологіи ощущеніями обозначаются тѣ состоянія, которыя не могутъ быть разложены на болѣе простыя составныя части; опредѣляемое такимъ образомъ ощущеніе нигдѣ намъ не дано въ непосредственномъ внутреннемъ опытѣ, но оно есть результатъ психологической абстракціи, къ которой мы принуждены прибѣгать вслѣдствіе сложной природы всѣхъ внутреннихъ опытовъ. Если это справедливо по отношенію къ простымъ ощущеніямъ тона, свѣта и осязанія, то въ локальныхъ знакахъ и двигательныхъ ощущеніяхъ къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что они съ самаго начала были обозначены, какъ гипотетическіе элементы нашихъ представленій, которые никогда не могутъ быть доказаны

¹⁾ Ср. Челпановъ *Op. cit.* 102.

²⁾ Не имѣя подъ рукой III тома *Phil. Stud.*, я цитирую по книгѣ Челпанова. Проблема воспр. простр. стр. 86.

посредствомъ прямого указанія во внутреннемъ опытѣ, но допущеніе ихъ оправдывается только тѣмъ, что они являются пригодными для объясненія сложныхъ процессовъ сознанія. Абстрактныя, общія представленія старой психологіи были опровергнуты указаніемъ на непосредственный внутренній опытъ. Гипотетическія локальныя и двигательныя ощущенія такимъ указаніемъ такъ же мало могутъ быть опровергнуты, какъ мало были опровергнуты атомы химиковъ и физиковъ возраженіемъ, что атомовъ еще никто не видѣлъ». «Тамъ, гдѣ непосредственное наблюденіе, данныхъ элементовъ продолжаетъ Вундтъ, недостаточно для объясненія сложныхъ фактовъ, оно видитъ себя принужденнымъ прибѣгнуть къ гипотетическимъ предположеніямъ. Критеріумомъ же дѣйствительности подобныхъ элементовъ отнюдь не можетъ быть непосредственное указаніе ихъ въ опытѣ, но то, что они находятся въ согласіи сами съ собою и съ наблюденными явленіями».

Нативисты, какъ мы видѣли, выставляютъ такіе факты, которые находятся въ противорѣчьи съ мускульнымъ чувствомъ, какъ объяснительнымъ принципомъ. Таковъ фактъ паралича какого-нибудь глазного мускула. Нативисты¹⁾, считаютъ возможнымъ объяснить получающуюся при этомъ иллюзію только изъ иннервационныхъ ощущеній. Сокращеніе мышцы тутъ все-таки есть предметъ волевого импульса и, при нормальныхъ условіяхъ, этотъ волевой импульсъ, всегда приводилъ къ сокращенію ея и слѣдовательно къ повороту глаза. Въ данномъ же случаѣ, при ненормальныхъ условіяхъ, имѣетъ мѣсто компенсирующій факторъ, въ то время какъ нѣтъ того процесса, который могъ бы быть компенсированъ. Отсюда и объясняется происхожденіе иллюзорнаго движенія фиксируемаго объекта.

Но генетисты тутъ не лишены средствъ для возраженія. Они могутъ, съ одной стороны, указать на фактъ одновременнаго движенія другого глаза, съ другой же — объяснить описанный эффектъ изъ того общаго свойства психическихъ актовъ, по которому они воспроизводятся въ сознаніи при появленіи одного изъ ихъ составныхъ элементовъ. Волевое усиліе такъ прочно ассоціировано съ двигательнымъ ощущеніемъ, что въ приведенномъ случаѣ наблюдатель оцѣниваетъ движеніе объекта не не-

1) Ср. Hillebrand. Op. cit. 149.

посредственно изъ самаго волевого импульса, а изъ того, что онъ въ силу укоренившейся ассоціаціи привыкъ ожидать за нимъ ¹⁾. Что касается иннерваціонныхъ ощущеній, то вообще очень сомнительна ихъ правоспособность, ибо ими предполагается какой-то совершенно особый разрядъ ощущеній не периферическихъ, какъ остальные, а центральныхъ.

Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтили основные пункты спора между нативизмомъ и генетизмомъ, но и изъ этого можно видѣть, что споръ этотъ не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Поэтому правъ Гельмгольцъ, который, начиная свою критику нативизма ²⁾, говоритъ, что эту теорію при настоящемъ положеніи науки нельзя опровергнуть, а можно пока предпочитать ей теорію генетическую. Предпочтеніе это апіорно и основывается на томъ, что генетизмъ 1) соотвѣтствуетъ аналитической задачѣ психологіи и 2) представляется болѣе послѣдовательнымъ съ философской точки зрѣнія. Но это, разумѣется, не критерій цѣнности теоріи. Критерій этотъ — апостеріорная сторона дѣла, т.-е. объясненіе фактовъ, изъ котораго можно судить о правоспособности теоріи. Объясненіе нѣкоторыхъ фактовъ пространственнаго видѣнія и составить предметъ послѣдующаго изложенія.

II. Исторія вопроса.

Для того, чтобы понять смыслъ появленія настоящей работы о вліяніи аккомодаци и конвергенціи на воспріятіе глубины, необходима исторія этого вопроса.

Впервые подвергъ этотъ вопросъ методическому изученію основатель синтетической теоріи пространственнаго видѣнія В. Вундтъ ³⁾ въ 1860 г. Онъ изслѣдовалъ оцѣнку глубины какъ при монокулярномъ, такъ и при бинокулярномъ зрѣніи, обставивъ опыты съ технической стороны очень просто.

Наблюдатель долженъ былъ смотрѣть черезъ щель въ ширмѣ на нить, разстояніе которой отъ глаза могло быть измѣняемо. Концы нити ему не были видны, а фонъ образовывала одно-

1) Ср. Съченовъ, Физ. орг. чувствъ, стр. 230—284.

2) Helmholtz. Opt. Phys. (франц. перев.), 578.

3) W. Wundt. Ueber den Einfluss der Accomodation auf die räumliche Tiefenwahrnehmung (Zeitschr. f. rationelle Medicin von Henle und Pfeufer, B. VIII).

ивѣтная стѣна. Оказалось, что, руководясь одними аккомодативными измѣненіями (т.-е. при монокулярномъ зрѣніи), наблюдатель могъ опредѣлять приближеніе и удаленіе нити и первое тоньше второго. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ.

A обозначаетъ абсолютное разстояніе нити, n — величину замѣченнаго ея передвиженія при приближеніи, а y — при удаленіи. Цифры обозначаютъ сантиметры.

A	n	y
40	4,5	4,5
50	4,5	6,5
80	5	7
100	8	11
180	8	12
200	8	12
220	10	12
250	12	12 ¹⁾ .

При бинокулярномъ зрѣніи, когда, по мнѣнію Вундта, только и выступаетъ дѣйствіе конвергенціи, показанія наблюдателей гораздо тоньше, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

A	n	y
50	1	1
70	1,5	1,5
80	2	2
110	2	2
130	2	3
150	3	3
160	3	3
170	3	4
180	3,5	5 ²⁾

Объясненіе Вундта его монокулярныхъ опытовъ вкратцѣ сводится къ слѣдующему. При такихъ малыхъ передвиженіяхъ кажущееся измѣненіе діаметра нити не можетъ имѣть значенія;

1) Таблицы эти приводятся въ статьѣ М. Arger'a, Ueber d. Bedeutung d. Converg. und Acc... въ 13 томѣ Philos. Stud. стр. 138.

2) Такіе же опыты были произведены нами въ «Психологическомъ кабинетѣ» Новоросс. университета, при чемъ для монокулярнаго зрѣнія получились приблизительно тѣ же цифры. Небольшая разниа обнаружилась при бинокулярномъ зрѣніи: при абс. разстояніи въ 80 см. различное передвиженіе нити при приближеніи въ среднемъ 1,3, а при абс. разст. 60 см.— 0,8 см.

во всякомъ случаѣ оно ничтожно, и вся основа оцѣнокъ передвиженій—измѣненія аккомодации. Дѣятельность мускула, регулирующаго аккомодацию, доставляетъ, такъ сказать, аккомодационныя ощущенія, которыя и служатъ въ настоящемъ случаѣ основой оцѣнокъ. Но ощущенія эти служатъ только для оцѣнки приближенія, что вполне понятно физиологически, ибо доставляетъ ощущенія только сокращеніе мускуловъ, которое при аккомодации имѣетъ мѣсто лишь при приближеніи объекта фиксаци. Для оцѣнки удаленія нити остается, по мнѣнію Вундта, измѣненіе ея диаметра и поэтому величины удаленій нити относительно больше.

При бинокулярныхъ опытахъ данныя отличаются отъ предыдущихъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) показанія наблюдателей значительно тоньше, 2) относительныя величины передвиженій нити какъ при удаленіи, такъ и при приближеніи въ общемъ отличаются мало другъ отъ друга.

Объясняетъ это Вундтъ слѣдующимъ образомъ. Первое объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ измѣненіями аккомодации, а—конвергенціи, и если первая вообще играетъ здѣсь какую-нибудь роль, то она всецѣло зависитъ отъ конвергенціи. Второе становится яснымъ, если мы примемъ въ расчетъ то обстоятельство, что при бинокулярномъ зрѣніи какъ въ случаѣ приближенія, такъ и въ случаѣ удаленія нити мы имѣемъ дѣло съ мышечными сокращеніями.

Но все-таки и въ бинокулярныхъ опытахъ можно наблюдать то же различіе между нѣкоторыми данными приближенія и удаленія, хотя въ менѣе значительномъ видѣ. Для объясненія этого Вундтъ считаетъ возможнымъ принять одну изъ двухъ возможныхъ причинъ. Во-первыхъ, здѣсь можно предположить вспомогательную роль аккомодационныхъ ощущеній или же, во-вторыхъ, возможно принять, что чувствительность различенія для ощущеній *Resti interni* тоньше, нежели для *Resti externi*. Но первое предположеніе Вундтъ отбрасываетъ, такъ какъ его монокулярные опыты показываютъ, что замѣтное аккомодационное ощущеніе еще не наступаетъ при такихъ ничтожныхъ передвиженіяхъ нити, какія указаны въ таблицѣ бинокулярныхъ опытовъ. Остается, такимъ образомъ, второе.

Нативисты сочли опыты Вундта, гдѣ мускульному чувству придано такое широкое значеніе результатомъ какого-либо недоразумѣ-

нія или—методологической ошибки. Задачу—вскрыть эту ошибку и исправить изслѣдованіе поставилъ себѣ ученикъ Геринга Гиллебрандъ въ своей статьѣ: «Отношеніе аккомодации и конвергенціи къ локализациіи глубины»¹⁾ (1894 г.).

Общій смыслъ деструктивной части этой работы состоитъ въ томъ, что кажущееся чувство аккомодации и конвергенціи имѣло поводъ выступить въ роли объяснительнаго принципа въ опытахъ Вундта, благодаря ихъ неправильной постановкѣ въ техническомъ отношеніи. Если поставить эти опыты правильно, то станетъ ясно, что такихъ чувствъ не существуетъ.

Постановка Вундтовскихъ опытовъ, по мнѣнію Гиллебранда, неправильна въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ томъ, что онъ считалъ аккомодацию и конвергенцію отдѣлимыми другъ отъ друга и несправедливо признавалъ вліяніе конвергенціи совершенно исключеннымъ при монокулярныхъ опытахъ²⁾, и 2) въ томъ, что Вундтъ не изолировалъ опыта отъ постороннихъ вліяній.

На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Гиллебранда, изслѣдованіе вліянія аккомодации на воспріятіе глубины не можетъ быть отдѣлено отъ изслѣдованія такого же вліянія конвергенціи, ибо та и другая неразрывно связаны другъ съ другомъ³⁾. При монокулярныхъ опытахъ надо также считаться съ вліяніемъ конвергенціонныхъ движеній другого, не участвующаго въ процессѣ фиксаціи глаза, какъ и при бинокулярныхъ. Это можетъ показать слѣдующій простой опытъ⁴⁾. Если смотрѣть однимъ глазомъ на какой-либо движущійся по направленію къ намъ объектъ и слегка надавить пальцемъ закрытый глазъ, то легко ощутить движенія конвергенціи послѣдняго при томъ или иномъ напряженіи фиксирующаго глаза. Подобнаго простого опыта, по мнѣнію Гиллебранда, достаточно для того, чтобы признать крѣпкую связь между аккомодацией и конвергенцией даже тамъ, гдѣ эта связь не имѣетъ никакого практическаго смысла. Отсюда слѣдуетъ, что при монокулярныхъ опытахъ выступаетъ, какъ факторъ оцѣнки, не только аккомодация, но и конвергенция⁵⁾. Но мало того—*только*

1) Hillebrand. Das Verhältniss von Accomodation und Konvergenz zur Tiefenlocalisation (Zeitschr. f. Ps. B. VII, стр. 96—151).

2) W. Wundt. Op. cit. Zeitschr. f. Rat. Med. von Henle und Pfeufer. B. VII, 321.

3) Hillebrand. Op. cit., 102, 103.

4) Ib. 104.

5) Ib. 104.

при монокулярномъ зрѣніи и можетъ быть изолировано отъ постороннихъ вліяній изслѣдованіе значенія конвергенціи на воспріятіе глубины ¹⁾).

При бинокулярныхъ опытахъ мы не будемъ имѣть дѣла съ чистымъ вліяніемъ конвергенціи, а къ ней привнесется посторонній факторъ—такъ называемое перекрестное и одноименное раздвоеніе. Пояснимъ это примѣромъ ²⁾). Положимъ, въ совершенно темномъ пространствѣ данъ свѣтящійся пунктъ, который фиксируется бинокулярно. Пунктъ этотъ движется противъ наблюдателя, который непрерывно его фиксируетъ. Наблюдатель узнаетъ направленіе движенія. Спрашивается—откуда? Фактъ этотъ, какъ объяснилъ Герингъ, становится понятнымъ изъ слѣдующаго: лишь только пунктъ этотъ оставляетъ мѣсто, въ которомъ пересѣкаются линіи зрѣнія, онъ тотчасъ видимъ вдвойнѣ. Если раздвоеніе это перекрестно, то наблюдатель даетъ оцѣнку приближенія, если же оно одноименно—оцѣнку удаленія, и уже эти оцѣнки вызываютъ иннервацію къ усилению или ослабленію конвергенціи.

Разъ это такъ, то значить бинокулярные опыты не достигаютъ той цѣли, ради которой были поставлены. Большая тонкость показаній наблюдателей при бинокулярныхъ опытахъ объяснима не мускульнымъ чувствомъ при конвергенціонныхъ ощущеніяхъ, какъ думалъ Вундтъ, а вмѣшательствомъ совершенно посторонняго фактора—раздвоенія образа ³⁾).

Изъ всего этого Гиллебрандъ дѣлаетъ два вывода: 1) изслѣдованіе вліянія аккомодации на воспріятіе глубины уже заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе такого же вліянія конвергенціи и 2) изслѣдованіе это возможно только при монокулярномъ зрѣніи.

Разумѣется, прежде всего надо позаботиться объ изоляціи опыта, т.-е. объ исключеніи всѣхъ другихъ мотивовъ локализации и сохраненіи лишь аккомодации и конвергенціи. Вундтъ, по мнѣнію Гиллебранда, этого не сдѣлалъ. Та нить, которая при его опытахъ была фиксируема, уменьшалась въ діаметрѣ по мѣрѣ удаленія и увеличивалась при приближеніи для наблюда-

1) Ib. 104.

2) Ib. 104, 105.

3) Ib. 107.

теля ¹⁾). Нить эта могла имѣть какіе-либо волоски или выпуклости, которые при передвиженіяхъ ея понижались и возвышались и такимъ образомъ давали наблюдателю совершенно не идущій къ дѣлу, но довольно точный критерій приближенія и удаленія ²⁾). Но даже если воспользоваться для этихъ опытовъ не нитью, а туго-натянутой проволокой ³⁾), точность оцѣнокъ остается все той же, и являющіяся здѣсь показанія наблюдателей совершенно отличаются отъ тѣхъ данныхъ, которыя Гиллебрандъ получилъ при своей, какъ онъ полагаетъ, правильной постановкѣ опытовъ. Это различіе объяснимо только тѣмъ, что въ опытахъ съ нитью или проволокой оцѣнки производятся на основаніи уменьшенія или увеличенія образа сѣтчатки. Къ этому надо прибавить, что при передвиженіи нити измѣнялась ея освѣщенность, что также могло быть факторомъ оцѣнки ⁴⁾).

Все это заставляетъ Гиллебранда радикально измѣнить постановку опытовъ и сдѣлать сообразно съ предположеніями Геринга ⁵⁾ объектомъ фиксаціи математическую линію, т.-е. границу между двумя плоскостями.

Достигаетъ онъ этого слѣдующимъ образомъ ⁶⁾). Между наблюдателемъ и фономъ находятся 2 черныя ширмы, которыя установлены такъ, что наблюдатель можетъ видѣть черезъ зрительную трубу край одной изъ нихъ, выдѣляющійся на матовомъ освѣщенномъ фонѣ. Когда въ полѣ зрѣнія появляется другая ширма, удаляется первая. Ширмы эти могутъ быть сдвигаемы какъ по направленію къ наблюдателю, такъ и отъ него. То, что онъ видитъ — кругъ, ограниченный краями зрительной трубы, одну половину котораго занимаетъ черная ширма, другую же — бѣлый фонъ. Край черной ширмы и есть объектъ фиксаціи.

Съ этимъ аппаратомъ Гиллебрандъ произвелъ двѣ серіи опытовъ: 1) при непрерывномъ фиксированіи края ширмы, движущейся въ ту или другую сторону, т.-е. приближающейся или

1) Ib. 111.

2) Ib. 112, прим. первое.

3) Ib. 112.

4) Ib. 116.

5) Ср. M. Arrer. Ueber die Bedeutung der Convergenz- und Accomodationsbewegungen für die Tiefenwahrnehmung (Phil. Stud. B. XIII, стр. 268).

6) Hillebrand. Op. cit. 108 и слѣд. (тутъ можно видѣть чертежъ аппарата).

удаляющейся ¹⁾, 2) при быстрой замѣнѣ одной ширмы другою, находящеюся ближе или дальше первой ²⁾.

При первой серіи опытовъ наблюдатели должны были указать начало, конецъ и направленіе движенія ширмы. Оказалось, что начало и конецъ движенія или не замѣчались вовсе или, если замѣчались, то очень рѣдко, что же касается направленія движенія, то разные наблюдатели давали въ этомъ отношеніи разные показанія. Одни давали столько же ложныхъ показаній, сколько и правильныхъ (Шпрингеръ, Странскій), другіе—много сомнительныхъ, т.-е. такихъ, въ правильности которыхъ не былъ убѣжденъ самъ наблюдатель (Перелесь, Герингъ), третьи—по какимъ-то признакамъ «заклучали» о приближеніи или удаленіи ширмы, т.-е. не опредѣляли ихъ воззрительно ³⁾.

Чтобы представить читателю способность аккомодационныхъ измѣненій вліять на воспріятіе глубины, Гиллебрандъ приводитъ таблицу показаній наблюдателя Геринга ⁴⁾. Такъ какъ эта таблица очень характерна, мы приведемъ ее здѣсь цѣликомъ. (Ст. 306).

Цифры слѣва означаютъ границы передвиженія ширмы въ миллиметрахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ показываютъ абсолютное разстояніе ширмы отъ глаза наблюдателя и направленіе передвиженія.

Таблица эта показываетъ, что Герингомъ не было сдѣлано ни одной правильной опредѣленной оцѣнки, т.-е. что изолированные аккомодационныя измѣненія не даютъ такихъ оцѣнокъ.

Что чувство напряженія аккомодациі—весьма мало надежный критерій для оцѣнки глубины, Гиллебрандъ доказываетъ тѣмъ, что наблюдателя, регулирующагося въ своихъ оцѣнкахъ только ея измѣненіями, можетъ совершенно сбить съ толку какой-либо неподходящій вопросъ. Гиллебрандъ, постепенно удаляя ширму, задалъ наблюдателю вопросъ, въ состояніи ли онъ еще аккомодировать? Наблюдатель, полагая, что, разъ заданъ такой вопросъ, то дѣло идетъ о большемъ напряженіи аккомодациі, дѣйствительно получалъ иллюзію приближенія края ширмы и крайне удивлялся, когда узнавалъ, что на самомъ дѣлѣ ширма удалялась ⁵⁾.

1) Ibid. 117.

2) Ib. III и 125.

3) Ib. 119.

4) Ib. 120.

5) Ib. 123.

470—370	Неопредѣленно, можетъ быть дальше.
370—470	Неопредѣленно.
370—270	Можетъ быть ближе.
270—370	Неопредѣленно.
470—320	Никакого замѣтнаго измѣненія.
320—470	” ” ”
220—370	” ” ”
370—220	” ” ”
570—370	” ” ”
370—570	„Заключилъ“—ближе.
670—370	Никакого замѣтнаго измѣненія.
370—220	„Заключилъ“—ближе.
670—870	Можетъ быть ближе.
870—370	” ” ”
470—220	Никакого замѣтнаго измѣненія („заключ.“ ближе?).
220—470	” ” ” („заключ.“ дальше?).
370—190	Неопредѣленно, можетъ быть ближе.
190—770	” ” ” ”
370—270	Никакого замѣтнаго измѣненія.
270—220	” ” ”
220—370	” ” ”
370—570	” ” ”
570—370	” ” ”
370—220	” ” ”

Остроумными опытами съ діафрагмой Ауберта Гиллебрандъ старается показать силу обычныхъ эмпирическихъ мотивовъ въ оцѣнкѣ измѣненій глубины даже въ тѣхъ случаяхъ, когда аккомодация (и конвергенция) не измѣнялась. Діафрагма Ауберта устанавливалась между наблюдателемъ и фономъ такъ, что, когда она была открыта, наблюдатель видѣлъ бѣлое квадратное поле. Онъ не зналъ, что имѣетъ въ данномъ случаѣ дѣло съ отверстиемъ діафрагмы, которое можно сдѣлать большимъ или меньшимъ и, если оно увеличивалось или уменьшалось, наблюдатель оцѣнивалъ это, какъ приближеніе и удаленіе, хотя, по мнѣнію Гиллебранда, аккомодация и конвергенция совершенно не измѣнялись ¹⁾).

Вторая серія опытовъ Гиллебранда, т.-е. та, при которой одна видимая наблюдателемъ ширма быстро замѣнялась другой, находящейся дальше или ближе первой, не имѣетъ для насъ особо

¹⁾ Ibid. 121.

важнаго, принципиальнаго значенія. Опыты эти однако должны быть здѣсь упомянуты, потому что безъ этого не будетъ вполне понятно то объясненіе, которое Гиллебрандъ даетъ своимъ опытамъ вообще.

Онъ считалъ неудобнымъ одновременное фиксированіе двухъ ширмъ, одна изъ которыхъ была бы расположена дальше другой, благодаря тому, что тогда оцѣнки ихъ разстояній другъ отъ друга производились бы не подъ вліяніемъ аккомодации, а по кругамъ свѣторазсѣянія ¹⁾. Факторомъ оцѣнки при такой постановкѣ могли бы быть также колебанія ширмъ—большія у ближайшей и меньшія— у дальнѣйшей, которыя происходили бы даже при самыхъ малыхъ движеніяхъ головы наблюдателя ²⁾. Благодаря этому, былъ предпочтенъ Гиллебрандомъ уже указанный способъ. Наблюдатель при этомъ смотрѣлъ въ трубу и, когда вполне ясно видѣлъ край ширмы, давалъ сигналъ. Въ этотъ моментъ исчезала первая ширма и появлялась вторая, дальше или ближе первой.

Общій смыслъ полученныхъ данныхъ сводится къ тому, что здѣсь ужъ нѣтъ той неопредѣленности, которая такъ характерна для показаній первой серіи опытовъ. Хотя не было такого относительнаго разстоянія ширмъ другъ отъ друга, при которомъ *всѣ* наблюдатели давали опредѣленные показанія, однако оно было для каждаго наблюдателя въ отдѣльности ³⁾. При этомъ не оправдалось то положеніе Вундта, что приближеніе оцѣнивается лучше, чѣмъ удаленіе ⁴⁾.

Приступая къ объясненію описанныхъ опытовъ, Гиллебрандъ прежде всего замѣчаетъ, что первая серія ихъ доказываетъ или совершенное отсутствіе центробѣжнаго мышечнаго чувства или, по крайней мѣрѣ, то, что оно не имѣетъ никакого значенія для локализации глубины фиксируемаго объекта. Не оказываютъ на это никакого вліянія ни ощущенія отъ внутренней мускулатуры (сокращенія аккомодационнаго мускула), ни ощущенія отъ внѣшнихъ мышцъ ⁵⁾ глаза.

Вторая серія опытовъ, какъ мы видѣли, показываетъ, что воз-

1) Ibid. 124, 125.

2) Ib. 125.

3) Ib. 125 и слѣд. Данныя второй серіи опытовъ 126—129.

4) Ib. 130.

5) Ib., стр. 130.

можно найти такое относительное разстояніе, при которомъ наблюдатель опредѣленно узнаеть — произошло ли измѣненіе въ смыслѣ приближенія или удаленія. Гиллебрандъ признаеть, что фактъ этотъ могъ бы быть объясненъ и изъ мускульнаго чувства, но оно совершенно исключается первой серіей опытовъ и потому надо поискать другой основы для объясненія ¹⁾).

По мнѣнію Гиллебранда, правильныя оцѣнки въ этихъ опытахъ возможны только потому, что наблюдатель произвольно иннервируетъ для напряженія или ослабленія аккомодации и вслѣдствіе этого онъ изъ результатовъ знаетъ — произвелъ ли соответствующую или несоответствующую иннервацию, а отсюда узнаеть — произошло ли приближеніе или удаленіе ширмы ²⁾).

Дѣло происходитъ такимъ образомъ. Положимъ, послѣ фиксации первой ширмы появляется вторая и край ея видимъ неясно, благодаря кругамъ свѣторазсѣянія. Наблюдатель, желая видѣть ясно, старается измѣнить аккомодацию въ одномъ изъ двухъ возможныхъ направленій. Если измѣненіе было подходящимъ, то круги свѣторазсѣянія становятся меньше и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ — край ширмы видимъ ясно; если же направленіе измѣненія было неподходящимъ, то край ширмы дѣлается еще болѣе неяснымъ и наблюдатель тотчасъ замѣчаетъ, что онъ пошелъ не по тому пути и что надо измѣнить направленіе аккомодации. Тогда онъ производитъ противоположную иннервацию и такимъ образомъ достигаетъ цѣли. Итакъ, рѣшающимъ факторомъ оцѣнокъ является сознательный волевой импульсъ ³⁾).

Предположеніе, что различія глубины узнаются посредствомъ своего рода пробы, Гиллебрандъ доказываетъ особыми опытами ⁴⁾). Опыты эти показываютъ, что время аккомодации больше тогда, когда наблюдатель не знаетъ — находится ли вновь появляющійся объектъ передъ или позади уже наблюдавшагося и меньше, — когда онъ знаетъ объ этомъ. Это происходитъ, по мнѣнію Гиллебранда, потому, что въ первомъ случаѣ имѣютъ мѣсто какъ подходящія, такъ и не подходящія иннервации, — во второмъ наблюдатель иннервируетъ сразу должнымъ образомъ ⁵⁾).

¹⁾ Ib., стр. 134.

²⁾ Ib. 131—134.

³⁾ Ib. 133.

⁴⁾ Ib. 139.

⁵⁾ Ib. 143 и слѣд.

Далѣе Гиллебрандъ приводитъ рядъ фактовъ, которые, по его мнѣнію, доказываютъ отсутствіе мускульнаго чувства и требуютъ для своего объясненія признанія иннервационныхъ ощущеній. О нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ мы говорили во введеніи.

Таковъ трудъ Гиллебранда.

Какъ видно изъ изложенія, въ немъ подрывается основа генетической теоріи—мускульныя ощущенія, значеніе которыхъ въ смыслѣ опредѣленія глубины сводится къ нулю. Не столько положительные выводы Гиллебранда, сколько этотъ отрицательный долженъ былъ привлечь вниманіе генетистовъ и надо было ждать отвѣта съ ихъ стороны.

Такой отвѣтъ явился въ большой статьѣ Аррера: «О значеніи движеній аккомодации и конвергенціи для воспріятія глубины» (1898 г.)¹⁾.

Здѣсь авторъ старается подтвердить выводы Вундта и даетъ критику опытовъ Гиллебранда. Изъ разсмотрѣнія послѣднихъ онъ выводитъ, что постановка ихъ основывалась на ложномъ пониманіи того значенія, которое можетъ имѣть аккомодация и конвергенція для воспріятія третьяго измѣренія. Что касается до объясненія Гиллебрандомъ его опытовъ, то Арреръ 1) не видитъ фактическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ оно выведено²⁾, и 2) хотя бы это объясненіе и было получено изъ данныхъ самонаблюденія, оно на самомъ дѣлѣ не объясняетъ фактовъ опыта³⁾.

Разсмотримъ вкратцѣ критику Аррера.

Онъ повторилъ опыты съ аппаратомъ Гиллебранда, провѣривъ какъ первую, такъ и вторую серію ихъ. Результаты, имъ полученные, были приблизительно тѣ же, что и у Гиллебранда: показанія наблюдателей отличались той же неопредѣленностью, но разница выражалась въ томъ, что приближенія ширмы оцѣнивались лучше, нежели удаленія.

Неопредѣленность показаній видна не столько изъ таблицъ, представляющихъ данныя опытовъ⁴⁾, сколько изъ тѣхъ крите-

1) Ueber die Bedeutung der Convergenz und Accomodationsbewegungen für die Tiefenwahrnehmung von Maximilian Arrer. „Phil. Stud.“ B. XIII, стр. 116—161 и 222—304.

2) Ib. 285, 287.

3) Ib. 286.

4) Таблицы приводятся на стр. 277, 278, 279.

ріевъ, съ помощью которыхъ наблюдатели оцѣниваютъ приближеніе и удаленіе ширмы. Видна ихъ беспомощность въ томъ, что они связываютъ съ приближеніемъ и удаленіемъ совершенно побочныя измѣненія въ объектѣ фиксаціи: судятъ по неясности края ширмы, кажущемуся его увеличенію или уменьшенію, по контрастирующей линіи, которая ложилась цвѣтной полосой на край ширмы ¹⁾ и т. д. Что оцѣнка приближеній все же имѣетъ извѣстныя преимущества предъ оцѣнкой удаленій, видно изъ того, что изъ 28 опытовъ для 14 случаевъ относительное передвиженіе ширмы при приближеніи было меньше, — для 5 — больше и для 8 — равно относительному передвиженію ширмы при ея удаленіи ²⁾.

Неопредѣленность данныхъ, по мнѣнію Аррера, въ большой мѣрѣ зависитъ отъ иррадіаціи на границѣ фиксируемой ширмы, но главное значеніе здѣсь надо придать тому, что для наблюдателя нѣтъ никакой возможности опредѣлить абсолютное разстояніе края ширмы отъ глаза ³⁾.

Само собой понятно, что дѣло идетъ не о томъ, чтобы выразить величину этого разстоянія въ сантиметрахъ, а о воззрительномъ ея опредѣленіи, безъ котораго невозможна оцѣнка относительнаго передвиженія ⁴⁾.

Гиллебрандъ могъ бы сказать, что это только подтверждаетъ его взглядъ на критерій оцѣнки въ данномъ случаѣ, т. е. что передвиженіе это узнается по сознательному импульсу воли къ аккомодированію. Но на чемъ, спрашиваетъ Арреръ, основанъ этотъ выводъ? Такъ какъ Гиллебрандъ не приводитъ никакихъ показаній, говорящихъ о томъ, что наблюдатели пришли къ этому выводу изъ самонаблюденія, то онъ представляетъ собой только логическую возможность, а не фактическую ⁵⁾.

Объясненіе Гиллебранда, по мнѣнію Аррера, въ сущности не объясняетъ фактовъ опыта, и это онъ старается показать на примѣрѣ ⁶⁾. Наблюдатель фиксируетъ край ширмы. Появляется другая ширма. Положимъ, она находится дальше первой и аккомо-

1) Ibid. 280.

2) Ib. 291.

3) Ib. 285.

4) Ib. 285.

5) Ib. 285, 286.

6) Ib. 286, 287.

дація при первомъ взглядѣ произвольно измѣняется въ смыслѣ удаленія. Получается ясное видѣніе края ширмы, но аккомодация произвольно продолжается и, такимъ образомъ, не дается никакого показанія о положеніи новой ширмы. Предположимъ дальѣе, что наблюдатель произвольно измѣняетъ аккомодацию въ смыслѣ удаленія. Спрашивается—безусловно ли послѣдуетъ ясное видѣніе объекта фиксаціи? Только въ томъ случаѣ, если наблюдатель не пошлетъ импульса, превышающаго нужный въ данномъ случаѣ. Но послѣднее всегда возможно, и наблюдатель, не видя ясно края ширмы, измѣнить аккомодацию въ противоположномъ направленіи; быть можетъ онъ достигнетъ тогда яснаго видѣнія и получить впечатлѣніе приближенія, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ было удаленіе.

Словомъ, примѣненіе и анализъ объясненія Гиллебранда приводитъ Аррера къ признанію его негодности ¹⁾. Спрашивается—что же лучшее можетъ быть поставлено на его мѣсто и какъ объяснить разницу между точностью показаній при Вундтовской постановкѣ опытовъ и—неопредѣленностью данныхъ при Гиллебрандовской? Различіе это Гиллебрандъ объяснялъ, какъ различіе постановки опытовъ, не отвѣчающей научнымъ цѣлямъ изоляціи эксперимента и—постановки, вполне удовлетворительной въ этомъ отношеніи: тамъ имѣли мѣсто многіе посторонніе критеріи для оцѣнки глубины, тутъ же наблюдатель регулируется только измѣненіями аккомодации и конвергенціи ²⁾.

Это разсужденіе, несмотря на всю его видимую силу и доказательность, по мнѣнію Аррера ³⁾, зиждется на ложной предпосылкѣ. Оно основано на ложномъ пониманіи того вліянія, которое по генетической теоріи оказываетъ аккомодация и конвергенція въ данномъ случаѣ. Тутъ выступаетъ то предположеніе, что генетисты видятъ въ ощущеніяхъ аккомодационныхъ движеній самую ощущенія глубины и, слѣдовательно, какъ будто достаточно наличность такихъ движеній, чтобы получалось воспріятіе третьяго измѣренія. На самомъ дѣлѣ мнѣніе генетистовъ вовсе не таково. Мускульное чувство при аккомодационныхъ измѣненіяхъ не даетъ самыхъ ощущеній глубины, а оно—все

1) Ib. 288.

2) См. раньше, стр. 20, 21.

3) M. Arrer, Ueber d. Bedeutung... 295.

одинъ изъ элементовъ этихъ ощущеній ¹⁾). Только тогда даются послѣднія, когда аккомодационныя ощущенія синтезируются со зрительными. Зрительныя ощущенія въ настоящемъ смыслѣ могутъ получиться не отъ фиксаціи математической линіи, т.-е. границы двухъ плоскостей, что совершенно невозможно психологически, а тогда, когда фиксируется нѣчто, имѣющее характеристическія свойства объекта.

Все это приводитъ Аррера къ мысли о томъ, что оцѣнка глубины вообще невозможна тамъ, гдѣ исключены всѣ условія нормального видѣнія ²⁾). Разъ это такъ, то надо возвратиться къ той постановкѣ опытовъ, при которой эти условія имѣютъ извѣстное значеніе, т.-е. къ Вундтовской. Арреръ только незначительно измѣнилъ аппаратъ Вундта ³⁾).

Между наблюдателемъ и фономъ висѣли вмѣсто одной двѣ нити. Одну изъ нихъ экспериментаторъ держалъ въ рукѣ, а другую въ это время фиксировалъ наблюдатель. Когда послѣдній ее ясно видѣлъ, то давалъ сигналъ и закрывалъ глазъ (одинъ—при монокулярныхъ опытахъ, оба—при бинокулярныхъ). Въ этотъ моментъ экспериментаторъ удалялъ изъ поля зрѣнія первую нить и опускалъ вторую, висящую дальше или ближе первой. Для того, чтобы возможно скорѣе удержать нить въ покойномъ состояніи, прибѣгли къ слѣдующему: къ концу нити былъ прикрѣпленъ кусокъ желѣза, которымъ она при паденіи касалась магнита и такимъ образомъ удерживалась отъ раскачиваній.

При пользованіи такимъ аппаратомъ Арреръ избѣгалъ того возраженія Гиллебранда, что сужденія о разстояніи нити могли дѣлаться на основаніи то поднимающихся, то опускающихся въ полѣ зрѣнія утолщеній и волосковъ нити при ея передвиженіяхъ ⁴⁾). Другіе побочные критеріи удержаны здѣсь принципиально. Таково измѣненіе освѣщенности нити, не всегда одинаковая величина ея діаметра и т. д. ⁵⁾). И данныя, полученныя Арреромъ,

1) Ср. Введеніе, стр. 7.

2) М. Arger, стр. 293.

3) Аппаратъ этотъ, устроенный для Аррера Вундтомъ, описанъ на стр. 133 и 134.

4) См. раньше 20 стр.

5) М. Arger, стр. 257. Ср. 144—145.

и то объяснение, которое онъ имъ даетъ, немногимъ отличаются отъ Вундтовскихъ ¹⁾).

Монокулярные опыты.			Бинокулярные опыты.		
<i>D</i>	<i>Sa</i>	<i>Se</i>	<i>D</i>	<i>Sa</i>	<i>Se</i>
30	0,5	1,5	40	1,5	2
40	1	1,5	60	2	3
60	1,5	1,5	80	2	3
80	2	2	100	3	4
100	3	4	125	4	4
125	3	3	150	4	4
150	3	4	180	5	6
180	5	4	200	6	8
200	6	6	250	9	12
230	6	7			
260	6	7			
300	8	8			

Эти данныя даютъ Арреру основанія для реабилитаціи мускульнаго чувства при оцѣнкѣ глубины ²⁾).

Возможно ли видѣть въ работѣ Аррера окончательное рѣшеніе вопроса о вліяніи аккомодаци и конвергенціи на воспріятіе глубины? Послѣ ея разсмотрѣнія легко могутъ явиться слѣдующія соображенія. Изолировать вполне аккомодацию и конвергенцію, по мнѣнію Аррера, значитъ стать на ложную дорогу въ рѣшеніи вопроса. Такъ какъ аккомодационныя (и конвергенціонныя) ощущенія—только одинъ изъ элементовъ зрительнаго пространства, то они одни не дадутъ оцѣнокъ: необходимо сохранить нѣкоторыя эмпирическія условія нормальнаго видѣнія. Но развѣ Гиллебрандъ не могъ бы возразить, что оцѣнки въ этихъ опытахъ происходятъ только на основаніи побочныхъ эмпирическихъ критеріевъ, аккомодационныя же (и конвергенціонныя) ощущенія здѣсь вовсе не фигурируютъ, какъ оцѣнивающий факторъ? Представляется, такимъ образомъ, слѣдующая дилемма: или вліяніе аккомодаци и конвергенціи на воспріятіе глубины—вопросъ, не могущій быть подвергнутымъ никакому изслѣдова-

¹⁾ Вотъ для примѣра 2 таблицы опытовъ Аррера. *D*—абс. разст. нити; *Sa* (относ.) разст. ея отъ другой нити при приближеніи; *Se*—при удаленіи. Цифры обозначаютъ сантиметры.

²⁾ *Ib.* 153—161 и 222—232.

нію, или же, если такое изслѣдованіе возможно, то оно въ сущности не приведетъ къ дѣйствительному рѣшенію вопроса.

Само собой понятно, что ни на одной изъ этихъ альтернативъ нельзя остановиться.

III.

Несомнѣннымъ положительнымъ результатомъ нашего историческаго обзора надо признать то, что намъ удалось выяснить основной пунктъ задачи. Этотъ обзоръ въ его хронологической послѣдовательности сохранялъ и логическую и, какъ результатъ всѣхъ этихъ разсужденій, выяснилось слѣдующее: если должна быть рассмотрѣна правота генетической теоріи относительно воспріятія глубины, то при постановкѣ опыта должны быть удержаны всѣ условія, при которыхъ генетическая теорія считаетъ глубину воспринимаемой. Для этого необходимо, чтобы объектъ фиксаціи былъ именно объектомъ, а не фантастической математической линіей. Но какъ же, спрашивается, устранить при этомъ всѣ вредныя побочныя вліянія?

Вотъ къ чему сводится теперь вопросъ.

Къ тому выводу, что фиксація математической линіи есть психологическій *non sens*, можно было придти *a priori*, какъ это сдѣлалъ Арреръ ¹⁾ и проф. Н. Н. Ланге и *a posteriori*, какъ это сдѣлали мы, повторивъ опыты съ ширмой Гиллебранда. То соображеніе, которое сдѣлалъ проф. Ланге до опыта, сводилось къ слѣдующему: такъ какъ въ опытахъ Гиллебранда фиксируется линія, не принадлежащая видимому объекту, то аккомодация при этомъ не имѣетъ опорнаго пункта, которымъ она могла бы регулироваться. Тутъ не исполнено, по мнѣнію проф. Н. Ланге, единственное условіе возможности оцѣнокъ: глазъ бѣгаетъ вверхъ и внизъ по линіи, аккомодация такъ или иначе измѣняется, но измѣненія эти не стоятъ въ причинной связи съ передвиженіями ширмы.

Когда мы повторили опыты Гиллебранда, то изъ тѣхъ данныхъ самонаблюденія, какія могъ представить проф. Ланге и я, выяснилось, что здѣсь происходитъ фиксація не математической линіи, а нѣкотораго бѣлага «тѣла», окаймленнаго краями трубы и подвижной ширмой. Какъ вычерченная внутри зрительная

¹⁾ M. Arrer Op. cit., 293, 294.

труба, такъ и ширма сливались съ темнотою комнаты, въ которой производились опыты, и оставалось для фиксаціи ограниченное чернымъ вокругъ бѣлое «тѣло». Оно мѣняется благодаря кругамъ свѣторазсѣянія свою видимую величину, но, разумѣется, не оцѣнивается, какъ приближающееся или удаляющееся. Само собою понятно, что фиксація этого «тѣла» происходитъ непроизвольно, несмотря на волевыя усилія наблюдать границу ширмы.

Тутъ аккомодационныя измѣненія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть критеріемъ оцѣнокъ, ибо на самомъ дѣлѣ фиксируется какое-то отверстие, гдѣ для аккомодации нѣтъ того опорнаго пункта, который бы обуславливалъ ея измѣненія. Здѣсь устранена, такимъ образомъ, та причинная связь между аккомодацией и ея условіями, которая должна была быть предметомъ изслѣдованія.

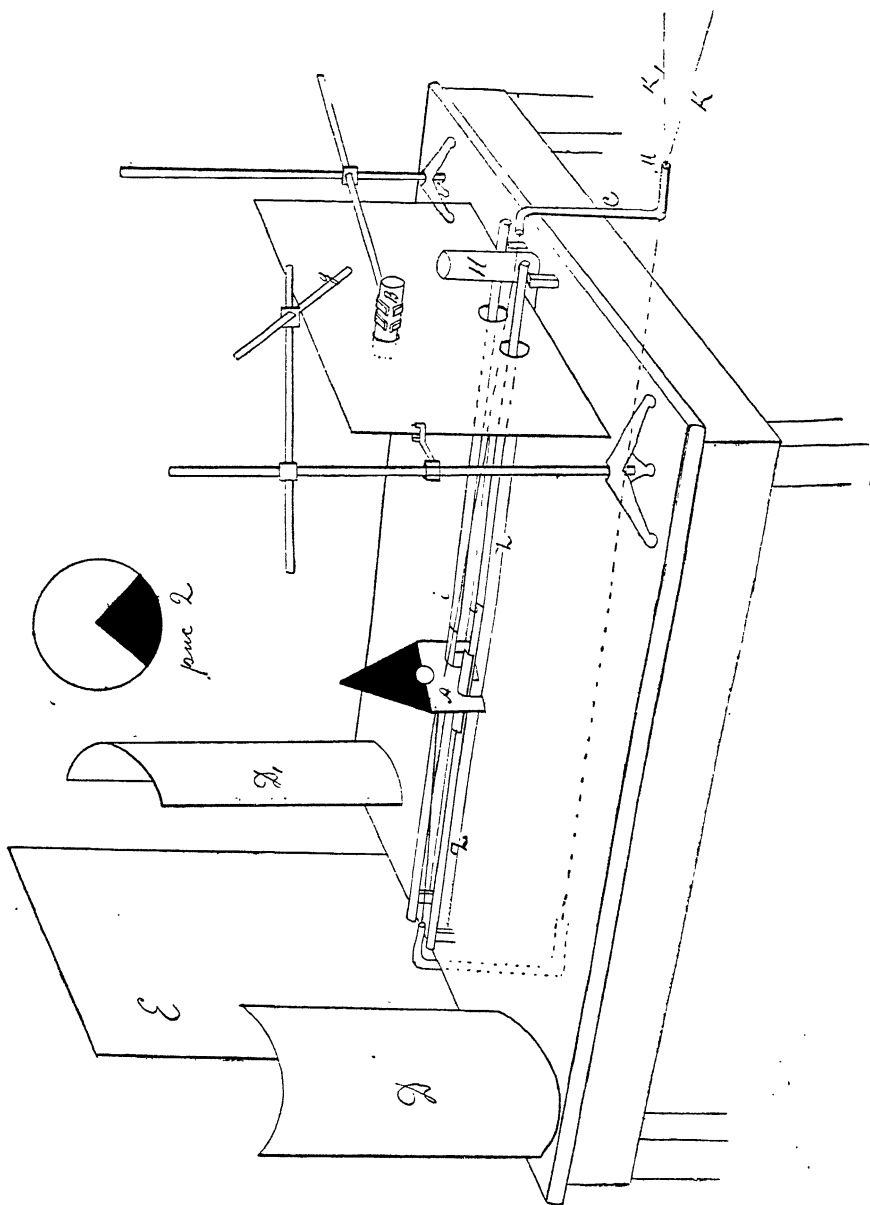
Задача сводилась къ такой постановкѣ опытовъ, при которой была бы соблюдена та же изоляція, какъ у Гиллебранда, но при которой измѣненія объекта наблюденія обуславливали бы измѣненія аккомодации, т.-е. она имѣла бы извѣстную точку опоры. Это возможно при фиксированіи *угловой* подвижной ширмы.

Объектомъ фиксаціи должна служить ширма, срѣзанная подъ угломъ такъ, чтобы наблюдатель могъ видѣть черезъ зрительную трубу черный секторъ, находящійся передъ бѣлымъ фономъ. Всѣ остальные условія Гиллебрандовской постановки опытовъ должны быть сохранены. Казалось, что въ этомъ случаѣ ослабленіе и напряженіе аккомодации будетъ всецѣло зависѣть отъ передвиженій ширмы, такъ какъ глазъ будетъ имѣть опорный пунктъ въ вершинѣ ея: фиксироваться будетъ уже не граница ширмы, т.-е. въ концѣ-концовъ отверстіе трубы, а сама эта ширма, какъ нѣчто имѣющее значеніе объекта.

Аппаратъ ¹⁾, устроенный для нашихъ опытовъ, можно видѣть на прилагаемомъ чертежѣ.

A—ширма, движущаяся на стеклянныхъ трубкахъ *i* и *i'*. *B*—зрительная труба, въ которую смотрѣлъ наблюдатель, опершись подбородкомъ на подставку *H* и укрѣпивъ голову неподвижно

¹⁾ Считаю долгомъ принести глубокую благодарность проф. Н. Н. Ланге за его заботы при устройствѣ аппарата и за тѣ его совѣты и указанія, которые дали возможность сдѣлать изъ опытовъ какіе-либо выводы.

помощью подпорки—*g*. Фонъ *E* освѣщался свѣчами, стоящими за картонами *D* и *D'*. Ширму *A* могъ двигать самъ наблюдатель, приближая ее, если онъ тянулъ нить *k*, и удаляя при натягиваніи нити *k'*. Изъ этого не слѣдуетъ, что наблюдатель зналъ о направленіи движенія, такъ какъ онъ предварительно перепутывалъ въ рукахъ обѣ нити. Разстояніе ширмы отъ глаза наблюдателя обозначалось линіей *Z* съ ст. дѣленіями. Величина относительнаго передвиженія ширмы опредѣлялась по длинѣ нити отъ точки *M* трубки *C*, отъ которой начиналось натягиваніе нити.

Съ этимъ аппаратомъ мы продѣлали тѣ опыты, какіе Гиллебрандъ указываетъ въ своей первой серіи, т.-е. при фиксаціи непрерывно удаляющейся или приближающейся ширмы. Это было сдѣлано по той причинѣ, что только такіе опыты могутъ дать тотъ или иной отвѣтъ на вопросъ о непосредственномъ вліяніи аккомодациі на воспріятіе глубины.

Во второй серіи опытовъ Гиллебранда показывалась одна ширма, а затѣмъ, хотя черезъ очень малый промежутокъ времени, другая,—равно какъ при опытахъ Аррера фиксировалась наблюдателемъ прежде одна нить и, спустя извѣстное время, другая, причѣмъ время это у Аррера гораздо больше, чѣмъ у Гиллебранда.

Въ обоихъ случаяхъ наблюдатели судятъ по воспоминанію о прежнемъ разстояніи ширмы или нити, въ то время какъ для насъ въ данномъ случаѣ важно оцѣнить не силу этого воспоминанія о прежнемъ аккомодационномъ напряженіи, а выяснить непосредственное значеніе этого напряженія для воспріятія глубины.

Для рѣшенія этого вопроса мы получили самыя опредѣленныя данныя.

При началѣ опытовъ я, глядя въ трубу, видѣлъ черный секторъ на бѣломъ фонѣ¹⁾, но движенія этого сектора не различались, хотя онъ двигался почти на всемъ протяженіи трубъ (1 м. 20 см.) отъ меня и ко мнѣ. Онъ какъ бы находился на одномъ мѣстѣ въ совершенно покойномъ состояніи. Это же самое наблюдалъ проф. Ланге. Но уже съ самаго начала мы не были такъ безпомощны, какъ при опытахъ съ ширмой Гиллебранда,

¹⁾ См. рис. 2.

гдѣ не было предмета наблюденія и фиксировалось какое-то отверстие. Объектомъ наблюденія, что ясно сознавалось, была вершина сектора, выдѣляющагося на фонѣ не только своимъ цвѣтомъ: онъ явно оцѣнивался, какъ объектъ, лежащій между мной и фономъ. Хотя это былъ объектъ наблюденія, однако, благодаря полной изолированности опытовъ, онъ былъ совершенно оторванъ отъ привычныхъ эмпирическихъ условій видѣнія. Очевидно, надо было освоиться съ нимъ и привыкнуть къ этимъ особеннымъ условіямъ фиксаціи. Требовалось упражненіе, для котораго рѣшено было посвятить нѣсколько дней.

Сначала, въ этихъ опытахъ упражненія, мы двигали ширму безъ знанія о томъ, каково направленіе движенія, и тутъ проф. Ланге, какъ позже и я, сталъ уже замѣчать движенія ширмы, вѣрнѣе, какія то измѣненія въ ней, еще не относя ихъ къ приближенію или удаленію. Фиксируемый секторъ какъ-то неопредѣленно измѣнялся, временами былъ видимъ неясно, благодаря кругамъ свѣторазсѣянія, но не больше. Направленія его передвиженій, несмотря на третій и четвертый день упражненія, мною не различались, хотя проф. Ланге на третій день находилъ возможнымъ какимъ-то образомъ оцѣнивать ихъ.

Послѣ этихъ упражненій рѣшили двигать ширму въ извѣстномъ для наблюдателя направленіи, чтобы дать возможность выдѣлиться моментамъ, характернымъ для приближенія и удаленія и такимъ образомъ выяснитъ критерій ихъ различенія. Понятно, что какіе-нибудь побочные критеріи, какъ шумъ, производимый треніемъ ширмы о трубы, та или иная освѣщенность ея, колебанія самой ширмы въ смыслѣ подъема и спуска ея по мѣрѣ приближенія и удаленія—все это было устранено, ибо 1) опыты производились въ темной комнатѣ, въ которой только фонъ былъ освѣщенъ скрытыми отъ наблюдателя свѣчами¹⁾; 2) уши были заткнуты ватой, а трубы, по которымъ скользила ширма были смазаны масломъ, и 3) подвижная ширма была предварительно точно центрирована съ трубой, т.-е. вершина сектора была для наблюдателя центромъ круглаго отверстия трубы при всякомъ положеніи подвижной ширмы²⁾. Послѣднее было достигнуто съ

1) См. черт. 1.

2) См. черт. 2.

одной стороны подборомъ вполне прямыхъ (стеклянныхъ) трубъ, по которымъ двигалась ширма, и точной установкой ихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга и на равной высотѣ, съ другой же—такой установкой зрительной трубы, при которой зрительная ось была параллельна трубамъ, по которымъ скользила ширма.

Кромѣ этой технической изоляціи было обращено вниманіе также и на психологическую. Подъ этимъ разумѣемъ мы полное спокойствіе и свободу наблюдателя отъ постороннихъ не идущихъ къ дѣлу мыслей и опасеній, которыя раздваивали бы его вниманіе и не давали бы ему возможности сосредоточиться. Это могло бы быть вполне достигнуто въ томъ случаѣ, если бы одно лицо совмѣстило въ себѣ и роль наблюдателя, и роль завѣдующаго опытомъ, что и было исполнено: наблюдатель самъ двигалъ ширму.

Итакъ, всѣ посторонніе критеріи были отброшены и оставалось теперь при известномъ для наблюдателя направленіи движенія найти тѣ особенности, которыя характеризуютъ именно это направленіе въ отличіе отъ другого.

Мы въ этихъ опытахъ упражненія были приблизительно въ томъ же положеніи, какъ наблюдатели Аррера при повтореніи имъ опытовъ Гиллебранда. При этомъ надо отмѣтить, какъ важную данную самонаблюденія, что мною во время наблюденій руководила мысль *сознательно* выдѣлить критерій различенія, что, какъ оказалось впоследствии, только сбивало меня съ правильного пути.

Сначала вниманіе сосредоточивалось на томъ отрицательномъ образѣ, который получался на краяхъ подвижной ширмы и на бѣломъ фонѣ, но предположеніе—связать измѣненія контрастирующихъ полосъ съ опредѣленнымъ направленіемъ движенія—оказалось, разумѣется, напраснымъ. Наблюденіе за кругами свѣторазсѣянія тоже ничего не дало въ смыслѣ оцѣнокъ направленія. Я предполагалъ смотрѣть не на самую ширму, а на бѣлый фонъ. Оцѣнка глубины ширмы была бы не абсолютной, а относительной, такъ какъ я думалъ, что круги свѣторазсѣянія на подвижной ширмѣ будутъ больше по мѣрѣ приближенія и меньше по мѣрѣ удаленія. Но оказалось, что фиксировать бѣлый ровный по освѣщенности фонъ не было никакой возможности: тутъ не

было никакой точки опоры для аккомодации, и я все-таки долженъ былъ фиксировать подвижную ширму.

Я рѣшилъ послѣ этого провѣрить тотъ способъ, которымъ Гиллебрандъ объясняетъ свои опыты ¹⁾ и пришелъ къ тѣмъ результатамъ, которые вполне подтверждали критику Аррера. Но провѣрка способа Гиллебранда имѣла для насъ очень существенное значеніе. Благодаря ей удалось выдѣлить тѣ условія фиксаціи, при которыхъ только и оказалось возможнымъ производить въ данномъ случаѣ правильныя оцѣнки.

Активная аккомодация, въ которой Гиллебрандъ видѣлъ оцѣнивающий факторъ, не только не помогала оцѣнкѣ направленія движенія, но мѣшала и сбивала съ толку. Тутъ по контрасту представлялась возможность сдѣлать тотъ выводъ, что направленіе это оцѣнивается только при пассивномъ аккомодированіи, т.-е. исключительно въ томъ случаѣ, когда мы вовсе не воздѣйствуемъ активно на измѣненіе аккомодационнаго усилія, а оставляемъ глазъ вполне пассивно наблюдать за тѣмъ, что происходитъ въ полѣ зрѣнія. Бывали и раньше (особенно у проф. Н. Ланге) случаи совершенно воззрительныхъ оцѣнокъ, но выдѣлить условія, при которыхъ онѣ возможны, удалось только теперь. Неудача всѣхъ прежнихъ попытокъ объяснялась тѣмъ, что регулятивомъ всѣхъ тѣхъ способонъ, которые примѣнялись (въ особенности мною), было активное сознательное вмѣшательство въ процессъ аккомодированія, вытекавшее изъ старанія наблюдать за совершенно не идущими къ дѣлу признаками.

Теперь найдены были условія, при которыхъ оцѣнивалось направленіе движенія, о которомъ наблюдатель отнюдь не «заключалъ» по какимъ-нибудь побочнымъ признакамъ, а оно просто было видимо: ясно выдѣляющійся на бѣломъ фонѣ секторъ приближался къ наблюдателю, затѣмъ какъ бы останавливался и опять приближался. При этомъ наблюдалось также кажущееся увеличеніе его по мѣрѣ приближенія, что не должно объясняться техническими условіями опыта, ибо правильность установки, какъ зрительной трубы (В), такъ и тѣхъ трубъ, по которымъ скользила ширма (i, i'), тщательно провѣрялась передъ началомъ опытовъ. Иллюзія эта мнѣ кажется объяснимой тѣмъ, что въ обычныхъ

1) См. излож. опытовъ Гиллебранда.

условіяхъ мы никогда не видимъ приближенія объекта безъ его увеличенія, и это увеличеніе, какъ самый сильный эмпирической мотивъ оцѣнки, такъ прочно синтезировался съ самымъ фактомъ приближенія, что насильственное исключеніе его изъ ряда дѣйствительныхъ условій видѣнія восполнялось самимъ сознаніемъ. Здѣсь, вопреки обычному сужденію о направленіи, не увеличеніе объекта давало знать о приближеніи, а впечатлѣніе приближенія въ силу неразрывнаго синтеза приносило съ собой кажущееся увеличеніе.

При удаленіи не происходила иллюзія уменьшенія фиксируемаго сектора, такъ какъ *удаленіе при нашихъ опытахъ вовсе не воспринималось*. Движенія ширмы не были для наблюдателя непрерывны; впечатлѣніе приближенія продолжалось известное время, потомъ прекращалось; затѣмъ опять возникало и длилось въ то время, какъ фиксируемая ширма двигалась туда и обратно т.-е. приближалась и удалялась. Удаленіе, какъ для проф. Н. Ланге, такъ и для меня, было нулемъ въ смыслѣ воспріятія. Замѣтные для наблюдателя перерывы и остановки въ движеніи ширмы происходили тогда, когда въ дѣйствительности она удалялась отъ него, и такимъ образомъ фактическое удаленіе ширмы психологически было покойнымъ ея состояніемъ.

Какъ видимъ изъ изложенныхъ данныхъ самонаблюденія, недостаточно было поставить удовлетворительно опыты только съ технической точки зрѣнія, а нужно было обратить преимущественное вниманіе на выборъ того психологическаго метода, при которомъ экспериментъ можетъ дать достаточные результаты. Въ этомъ отношеніи, хотя въ укоръ Гиллебранду можно поставить тѣ техническіе недочеты, о которыхъ мы говорили, однако центр тяжести критики этихъ опытовъ долженъ лежать въ томъ, что Гиллебрандъ не обратилъ никакого вниманія на данныя самонаблюденія и вывелъ свое объясненіе не на основаніи этихъ данныхъ, а исходя изъ предпосылокъ нативизма. Изъ предшествующаго видно, что въ особенности мнѣ надо было довольно долго пробираться ощупью, пока не были выяснены тѣ условія, при которыхъ могли производиться оцѣнки. Совершенно простой и самый, какъ кажется, естественный способъ наблюденія не могъ примѣняться мною до тѣхъ поръ, пока я не изолировалъ себя въ психологическомъ отношеніи, отвлекшись отъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и апіорныхъ предположеній. Если бы опытъ былъ

уединенъ только по правиламъ физическаго эксперимента, и не обращено было бы вниманія на психологическую изоляцію, то получены были бы такіе результаты, какіе находимъ въ опытахъ Гиллебранда.

Эти соображенія вполне подтверждаются какъ ходомъ нашихъ опытовъ вообще, такъ и нѣкоторыми подробностями.

Было нѣсколько такихъ случаевъ съ проф. Ланге и со мной, когда упражненіе, пріобрѣтенное путемъ долгой экспериментации, какъ бы совершенно исчезало и наблюдатель становился въ такое положеніе, въ какомъ онъ былъ до начала опытовъ: приближеніе ширмы не замѣчалось. Обыкновенно это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдатель передъ опытами продолжительное время читалъ или писалъ, словомъ, утомилъ глаза. Передвигая много разъ ширму и не различая приближенія ея, наблюдатель видитъ въ этомъ потерю навыка, пріобрѣтеннаго упражненіемъ и старается какими-нибудь способами возстановить его. Но уже въ силу этого старанія онъ активно воздѣйствуетъ на механизмъ аккомодации и тогда, ставъ на ложную дорогу, теряетъ условія возможности оцѣнокъ—фиксируемая ширма то окутывается туманомъ круговъ свѣторазсѣянія, то становится отчетливо видимой,—но приближеніе ея не замѣчается.

Та же невозможность вѣрныхъ оцѣнокъ имѣла мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда у наблюдателя безъ всякихъ основаній являлась мысль о томъ, что при натягиваніи нити ¹⁾, которую онъ держалъ въ правой рукѣ, бывало приближеніе ширмы и наоборотъ. Обыкновенно такая мысль была столь навязчива, что она не исчезала при многократномъ перепутываніи нитей въ рукахъ. Безразлично, была ли эта мысль правильной или неправильной—оцѣнки не были возможны, такъ какъ наблюдатель активно вмѣшивался въ процессъ аккомодированія. Аккомодация произвольно ослаблялась или напрягалась, и начинались иллюзіи. Въ такихъ случаяхъ, какъ и при утомленіи, опыты на время прерывались.

Изъ этого мы можемъ ясно видѣть, что Гиллебрандъ дѣлалъ методологическую ошибку, когда при своихъ опытахъ задавалъ наблюдателямъ вопросы, заставляющіе ихъ активно аккомодировать и такимъ образомъ приводящіе къ иллюзіямъ. На-

¹⁾ См. чертежъ 1.

личность этих иллюзий приводит Гиллебранда къ тому заключенію, что мускульное чувство при измѣненіяхъ аккомодации вовсе не является оцѣнивающимъ факторомъ. Изъ указаннаго нами ясно, при какихъ единственно возможныхъ условіяхъ мускульное чувство даетъ знать о томъ, что оно необходимый элементъ видѣнія. Условія эти—совершенно пассивное, изолированное отъ всякаго сознательнаго вмѣшательства фиксированіе объекта и само собой понятно, что разъ эти условія нарушены, въ результатѣ не получится ничего кромѣ иллюзий. Если какимъ-либо вопросомъ заставляють наблюдателя аккомодировать активно, то процессомъ фиксации начинаетъ регулировать самовнушеніе, которое особенно при техническихъ условіяхъ опытовъ Гиллебранда можетъ играть исключительную роль.

Послѣ того какъ изъ опытовъ упражненія стало ясно, что приближеніе ширмы вообще можетъ быть правильно оцѣниваемо, предпринять былъ рядъ опытовъ съ цѣлью опредѣленія той или другой величины передвиженія ширмы въ зависимости отъ того или другого разстоянія ея отъ глаза. При этомъ ходъ опыта былъ слѣдующій ¹⁾.

Наблюдатель (и въ тоже время завѣдующій опытомъ) сначала ставилъ ширму на какой-либо опредѣленный пунктъ; затѣмъ, глядя въ трубу, двигалъ ее, приближая и удаляя. Начиналъ онъ съ малыхъ передвиженій и, постепенно увеличивая ихъ размѣръ, доходилъ наконецъ до той величины передвиженія, при которой приближеніе ясно оцѣнивалось. Но, такъ какъ наблюдатель при этомъ зналъ, на какомъ разстояніи отъ глаза находится ширма, то, быть можетъ, самъ того не сознавая, старался остановиться на извѣстной ему величинѣ передвиженія. Чтобы избѣгнуть этого самовнушенія, мы для провѣрки сдвигали ширму не съ опредѣленныхъ заранѣе мѣстъ, а съ пунктовъ, неизвѣстныхъ наблюдателю.

¹⁾ Уже изъ предшествующихъ опытовъ можно слѣлать то заключеніе, что при нашей постановкѣ ихъ влияние на воспріятіе имѣла не конвергенція, а аккомодация, такъ какъ только изъ мускульныхъ ощущеній при аккомодированіи можно объяснить наличность оцѣнокъ только приближенія (см. впрочемъ стр. 17). Не отрицая въ принципѣ значенія въ данномъ случаѣ конвергенціи, можно думать, что ощущенія отъ конвергенціонныхъ движеній благодаря малымъ передвиженіямъ ширмы были такъ минимальны, что не выступали въ роли критеріевъ.

Наблюдателями при опытахъ были проф. Н. Ланге и я.

Острота зрѣнія $\left(v = \frac{d}{D} \right)$ проф. Н. Ланге — $v = \frac{52}{0,6} = 86,7$.

» »

» » » Ал. Монтели — $v = \frac{77}{0,6} = 128,3$

Фиксирующій глазъ (лѣвый) у обоихъ наблюдателей нормаленъ.

Ширина аккомодации проф. Н. Ланге — 0...4 D.

» » Ал. Монтели — 0...8 D.

Данныя, полученныя при этихъ опытахъ, слѣдующія:

Абсолютное раз- стояніе ширмы.	Относительное передвиженіе ширмы.	
	Набл. проф. Н. Ланге.	Набл. Ал. Монтели.
40	3,5; 4	5,5; 6; 5,5
44		4,7; 5
50	3,5; 4,5; 4	5; 5,5; 5,4; 5,2; 4,7; 4,5; 4,5; 4,5
55		5,5
60	5,5; 5; 5,5	8; 7,5; 7,6,3; 4,7; 7
65	5,5 6; 5	
70	5,5; 5; 6	7,7; 7; 6,5; 9
76		8; 6,7
80	7; 5; 5,5	8,5; 9,5; 7,5; 8,5; 7,5; 7,7; 9; 8,5
90	6,5	
100	11; 9,5	
110		11; 11,2; 11,3; 10,2; 11; 11,2

Таблица эта показываетъ, что относительныя величины передвиженія находятся въ зависимости отъ абсолютныхъ разстояній ширмы. Для того, чтобы имѣть представленіе о закономерности этой зависимости, т. - е. о приложимости сюда закона Вебера, дадимъ подсчетъ этихъ данныхъ.

Отношеніе абсолютныхъ разстояній къ относительнымъ передвиженіямъ ширмы представляется въ такомъ видѣ.

Абсолютное разстояние ширмы.	Отношение абс. разстояній къ относ. передви. ширмы,	
	Набл. проф. Н. Ланге	Набл. Ал. Монтели.
40	0,087; 0,100	0,137; 0,150; 0,137
44		0,108; 0,119
50	0,070; 0,090; 0,080	0,100, 0,111, 0,100; 0,100; 0,095; 0,090; 0,090; 0,090
55		0,100
60	0,91; 0,83; 0,91	0,105; 0,079; 0,125; 0,133; 0,116, 0,113
65	0,84; 0,092; 0,083	
70	0,078; 0,071; 0,085	0,116; 0,100; 0,092; 0,128
76		0,105; 0,089
80	0,087; 0,062; 0,068	0,105; 0,118; 0,091; 0,100; 0,112; 0,106; 0,093; 0,097
90	0,072	
100	0,110; 0,095	
110		0,100; 0,107; 0,100; 0,098; 0,100; 0,107

Д. М. = 0,084 (для набл. проф. Н. Ланге);

» » = 0,106 (» » Ал. Монтели).

Слѣдовательно, средняя вариация отношеній абсолютныхъ разстояній къ относительнымъ передвиженіямъ ширмы будетъ:

Абс. разст. ширмы	Средняя вариация отнош. абс. разст. къ относ. передви.	
	Набл. проф. Н. Ланге	Набл. А. Монтели
40	+3+16	+31+44+31
44		+2+13
50	-14+6-4	-1+5-6-6-11-16-16-16
55		-6
60	+7-1+7	-1-27+19+27+10+7
65	0+8-1	
70	-6-13+1	+10-6-14+22
76		-1-17
80	+3-22-16	-1+12-15-6+6 0-13-9
90	-12	
100	+26+11	
110		-6+1-6-8-6+1

V. М. = 0,008 (для набл. проф. Н. Ланге);

» = 0,011 (» » Ал. Монтели).

Мы могли, кромѣ приложимости здѣсь Веберовскаго закона, констатировать, что оцѣнки зависятъ и отъ скорости движенія ширмы, но для строго-точного выясненія закономерности этихъ фактовъ потребовалось бы особое изслѣдованіе, не входящее въ кругъ нашихъ цѣлей. Для нашей работы, занятой рѣшеніемъ спора между нативистами и генетистами по вопросу о воспріятіи глубины, фактъ приложимости закона Вебера не является характеристичнымъ: нативисты могутъ считать этотъ законъ примѣнимымъ къ пространственнымъ ощущеніямъ сѣтчатки. Но всѣ наши опыты приводятъ къ тому основному выводу, что *мускульныя ощущенія при аккомодационныхъ движеніяхъ—несомнѣнный критерій оцѣнокъ глубины*. Съ одной стороны говорить за это самый фактъ оцѣнокъ, ибо при нашей постановкѣ совершенно устранены всѣ побочные, эмпирическіе мотивы оцѣнокъ, съ другой же—подтверждаетъ это наличность оцѣнокъ одного лишь приближенія, что, какъ мы знаемъ, объяснимо только съ генетической точки зрѣнія.

Ал. Монтелли.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Карлъ Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. Переводъ съ рукописи Л. Фейнберга и С. Цедербаума, подъ редакціей Ф. Дана. С.-Петербургъ, 1906. 137 стр.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ выдающееся явленіе въ литературѣ историческаго матеріализма, какъ потому, что этику труднѣе свести къ матеріальнымъ факторамъ, чѣмъ другія идеологическія надстройки (напримѣръ, право), находящіяся въ болѣе непосредственномъ отношеніи къ своей экономической основѣ, такъ и потому, что оно представляетъ собою послѣднее слово талантливаго и признаннаго представителя ортодоксальнаго марксизма.

Прежде всего необходимо сказать, что съ внѣшней стороны книга написана блестяще и читается съ большимъ интересомъ; переводъ сдѣланъ прекрасно.

Въ историческомъ очеркѣ развитіе этическихъ ученій ставится въ связь съ развитіемъ хозяйственной жизни и интересами различныхъ классовъ. Возникновеніе этической философіи въ Греціи объясняется возникновеніемъ торговли; индивидуалистическій идеаль наслажденія жизнью эпикурейцевъ разсматривается какъ результатъ товарнаго производства.

Этотъ идеаль представляетъ собою философію господствующихъ классовъ, точно такъ же, какъ и стремленіе стоиковъ къ душевному покою. Напротивъ, этика христіанства была философіей угнетенныхъ. Однако съ упадкомъ античнаго общества христіанская этика стала философіей всѣхъ классовъ, чтобы затѣмъ въ новыхъ государствахъ превратиться въ средство, ко-

торымъ господствующіе классы стремились сохранить свою власть надъ народомъ. Въ XVIII вѣкѣ наряду съ традиционнымъ христіанствомъ снова появляется эпикурейская мораль, матеріализмъ и атеизмъ просвѣтительной философіи растущей буржуазіи во Франціи и примирительная философія англійскаго общества, объясняемая слишкомъ быстрымъ ростомъ капитализма, опередившимъ развитіе классового сознанія. Какъ въ просвѣтительной философіи Франціи, такъ и въ ученіяхъ англійскихъ философовъ были уже зачатки научнаго объясненія этическихъ началъ изъ опыта. Но дальнѣйшее развитіе философской мысли пошло по діалектическому пути противорѣчій и привело къ прямой противоположности опытнаго обоснованія этики, а именно къ трансцендентному обоснованію ея въ философіи Канта. Послѣдняя отвѣчала потребностямъ слабо развитой еще германской буржуазіи и общему духу господствовавшей реакціи.

Прочное основаніе матеріалистическому объясненію этики положило ученіе Дарвина; теорія Маркса и Энгельса завершила развитіе. Пользуясь данными этихъ ученій, авторъ объясняетъ развитіе самопроизвольнаго движенія, познанія, индивидуальныхъ и социальныхъ инстинктовъ естественными законами біологической эволюціи организмовъ. Совокупность социальныхъ инстинктовъ и составляетъ, по его мнѣнію, нравственный законъ. Присущая исключительно человѣку особенность производить орудія производства внесла въ общіе законы эволюціи ту модификацію, что поставила развитіе общества и психики въ зависимость отъ развитія техническаго аппарата и создала классовыя противорѣчія. На почвѣ матеріальныхъ условій и классовыхъ противорѣчій создается нравственный идеалъ пролетарской этики, характеристикой которой заканчивается изслѣдованіе г. Каутскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что въ изложеніи г. Каутскаго историческій матеріализмъ освобожденъ отъ тѣхъ крайностей, которыя всегда возбуждали наибольшее споровъ. Идеологія, правда, выводится изъ матеріальныхъ условій и въ частности изъ развитія техники; но подъ матеріальными условіями не понимается нѣчто матеріальное въ строгомъ значеніи, т.-е. совершенно свободное отъ психическихъ элементовъ; «техника—это сознательное изобрѣтеніе и примѣненіе орудій мыслящими людьми» (123); въ техникѣ на ряду съ орудіями играютъ роль и духовныя способности (ib.). Такимъ образомъ одна сторона духов-

ной дѣятельности, такъ сказать, чистая идеологія, обусловливается характеромъ и формами дѣятельности *сознательнаго* чело-вѣка въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ подъ вліяніемъ есте-ственныхъ факторовъ. Кромѣ того, лежащіе въ основѣ идеоло-гіи формы производства обусловливаются, въ свою очередь, не только одной техникой; но и географическимъ положеніемъ страны, сосѣдствомъ другихъ народовъ и *историческимъ про-шлымъ*. Такимъ образомъ центръ тяжести ученія переносится не на зависимость идеологическихъ надстроекъ отъ чисто естествен-наго развитія орудій производства и роста производительныхъ силъ, а скорѣе на подчиненіе всей психики общимъ естествен-нымъ законамъ біологическаго развитія, съ особенною зависи-мостью развитія идеологическихъ формъ отъ естественной эво-люціи специфической технической и хозяйственной дѣятельно-сти челоуѣка.

При такой формулировкѣ противъ изложеннаго ученія едва ли можно сдѣлать какія-либо принципиальныя возраженія. Но, при-знавая правильной основную идею изслѣдованія г. Каутскаго, я не могу признать его историческія сопоставленія достаточно убѣ-дительными; философско-научное же обоснованіе ученія оста-вляетъ, по моему мнѣнію, многіе коренные вопросы совершенно неразрѣшенными и невыясненными. Для доказательства своихъ словъ остановлюсь на главѣ о греческой философіи. По мнѣнію г. Каутскаго, поворотъ къ изученію внутренняго міра челоуѣка былъ вызванъ въ Греціи тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ разви-тіемъ въ Аѣинахъ послѣ Греческихъ войнъ торговли, торговый капиталъ разрушилъ всѣ традиціи и заставилъ искать новыхъ основъ нравственности. Разобщенность же товарныхъ произво-дителей привела къ индивидуалистическому идеалу наслажденія жизнью эпикурейской философіи; философія эта отражала интере-сы господствующихъ классовъ; стремленіе же къ наслажденію требовало признанія дѣйствительности міра, доступнаго чувствамъ, благодаря чему этический идеаль Эпикура органически былъ свя-занъ съ философскимъ матеріализмомъ.

Всѣ эти сопоставленія носятъ слишкомъ случайный характеръ и вызываютъ слишкомъ много сомнѣній. Этическому направленію греческой философіи положилъ начало Сократъ, время жизни котораго (469—399) дѣйствительно совпало съ періодомъ наи-большаго расцвѣта политическаго и торговаго могущества Аѣинъ

послѣ Персидскихъ войнъ (съ 476 до послѣднихъ годовъ того же столѣтія). Однако, насколько его ученіе мало соотвѣтствовало потребностямъ широкихъ массъ народа, свидѣтельствуется смертный приговоръ, вынесенный ему аѳинскимъ народомъ. Философію Платона (427—347) и Аристотеля (384—322) нельзя назвать ни исключительно, ни преимущественно этической. Это была систематизація всего философско-научнаго матеріала. Равнымъ образомъ не была этической и философія Демокрита (460—360). Только въ системахъ Эпикура (341—270) и стоиковъ (Зенонъ 340—265) этика получила преобладающее значеніе. Однако, между временемъ возникновенія и распространенія этихъ ученій и Персидскими войнами произошло слишкомъ много событій, чтобы весь этотъ періодъ можно было суммарно свести къ неопредѣленному термину развитія торговли. Прежде всего самая торговля и развивалась, и падала. Достигнувъ цвѣтушаго состоянія ко времени Сиракузской экспедиціи (415) — о чемъ свидѣлствуютъ огромныя государственныя затраты и крупныя частныя капиталы, вложенныя въ это предпріятіе—она вслѣдъ затѣмъ сильно упала, и ко времени возстановленія демократіи (403) матеріальное положеніе аѳинянъ было крайне плачевно (Grote, History of Greece, v. VI, p. 3, v. VII, p. 542—55). Помимо торговли, Аѳины пережили за этотъ періодъ времени рядъ потрясающихъ событій. Быстрое возвышеніе вслѣдъ за Персидскими войнами, невѣроятная катастрофа Сиракузской экспедиціи, капитуляція города, ужасы тираніи 30-ти, возрожденіе могущества, новое паденіе, борьба съ македонскими царями, утрата самостоятельности, а въ промежуткѣ, постоянныя столкновенія съ сосѣдями и войны — весь этотъ калейдоскопъ событій на протяженіи сравнительно немногихъ поколѣній самъ по себѣ можетъ объяснить скептическое отношеніе къ внѣшнимъ благамъ и случайностямъ жизни, — а таковъ именно основной мотивъ философіи Эпикура и стоиковъ.

Столь же мало обоснована и связь эпикурейскаго идеала индивидуальнаго счастья съ фактомъ разобшенности производителей при товарномъ производствѣ. И здѣсь прежде всего спорными являются какъ самая наличность товарнаго производства, такъ въ особенности степень его развитія (ср. Ed. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, Jahrb. f. Nat. Oek. u. Stat, 1895, B. 64 и K. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 3 Aufl., 1901).

Съ другой стороны, нельзя считать философію Эпикура философіей наслажденія матеріальными благами жизни; напротивъ, она проникнута отрицательнымъ отношеніемъ къ нимъ и требуетъ ограниченія въ удовлетвореніи даже насущныхъ матеріальныхъ потребностей.

И если послѣдователи Эпикура допускали въ этомъ отношеніи извѣстныя отступленія отъ строгаго аскетизма исходной точки зрѣнія, то нельзя упускать изъ вниманія, что рядомъ съ ученіемъ Эпикура не меньшей популярностью пользовались стоики, учившіе, что удовольствіе не должно считаться благомъ, а страданіе зломъ, что все это нѣчто постороннее для насъ, чему не нужно давать власти надъ собой. Если мы обратимъ вниманіе исключительно на индивидуалистическій характеръ этического идеала Эпикура (разобщенность товарныхъ производителей!), то и здѣсь мы встрѣчаемъ прямую противоположность у стоиковъ, видѣвшихъ идеаль во всеобщемъ царствѣ людей (Windelband, *Geschichte der Philosophie*, 1892, s. 137).

Если философія Эпикура мало придавала значенія наслажденію матеріальными благами, а философія стоиковъ относилась къ нимъ совершенно отрицательно, то стремленіе къ наслажденію матеріальными вещами не могло быть причиной философскаго матеріализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ связь послѣдняго съ товарнымъ производствомъ. Что философія матеріализма не была къ тому же господствующей философіей эпохи, свидѣлствуютъ системы Платона и Аристотеля. Послѣдній между прочимъ не находитъ себѣ мѣста въ схемѣ автора, да и первый невоплотѣнъ укладывается въ нее. Философію Платона черезъ неоплатонизмъ авторъ спѣшитъ вывести изъ рамокъ хронологіи, чтобы связать ее съ христіанствомъ.

Невѣрны и другія указанія автора. Такъ онъ утверждаетъ, что съ переходомъ отъ натуръ-философіи къ этикѣ измѣнился и методъ изслѣдованія: вмѣсто изученія по причинамъ появилась телеологія (ст. 12).

Между тѣмъ телеологія была присуща и до-сократовской философіи; Λογοςъ Гераклита и υοβςъ Анаксагора были телеологически свободно дѣйствующими началами (Windelband, *op. c.*, 146). Невѣрно утвержденіе, будто съ того момента, какъ греческая философія обратилась къ вопросамъ этики, философія природы не дѣлаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ (стр. 12). Не говоря уже

о философіи Демокрита и Платона, достаточно упомянуть о философіи Аристотеля.

Однимъ словомъ, историческій очеркъ г. Каутскаго представляетъ собою не индуктивное изслѣдованіе связи между матеріальными и идеологическими моментами, а простую иллюстрацію апіорнаго положенія. При этомъ подобная иллюстрація является весьма мало убѣдительною, такъ какъ при сложности и многообразіи экономическихъ факторовъ, съ одной стороны, и философскихъ идей—съ другой, нетрудно подыскать болѣе или менѣе подходящія параллели въ различныхъ направленіяхъ. Подобно тому, на примѣръ, какъ индивидуалистическій идеалъ эпикурейцевъ ставится въ связь съ разобщенностью товарныхъ производителей, такъ социальныя тенденціи стоиковъ можно отнести насчетъ связи, создаваемой между товарными производителями необходимостью обмѣна. Но такіе приемы не имѣютъ никакого значенія.

Выясненіе сущности нравственнаго долга и идеала требуетъ предварительнаго рѣшенія вопроса о свободѣ сознательно-произвольныхъ дѣйствій. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ двояко: или свобода существуетъ (если доказано, что законъ причинности не распространяется на постановку цѣли), и тогда возникаетъ вопросъ о томъ, какой нравственный постулатъ долженъ опредѣлять наши свободныя дѣйствія; или свободы не существуетъ (если доказано, что постановка цѣли опредѣляется причинностью), и тогда возникаетъ вопросъ, какъ объяснить субъективно сознаваемую свободу самоопредѣленія, и какую роль она играетъ въ объективномъ, причинно обусловленномъ ходѣ событий?

По мнѣнію г. Каутскаго, свобода въ постановкѣ цѣлей объективно не существуетъ. Свободы дѣйствій не можетъ быть въ мірѣ прошлаго, такъ какъ это міръ даннаго уже опыта и, слѣдовательно, причинно обусловленный.

Свобода дѣйствій была бы возможна только по отношенію къ будущему. Но такъ какъ будущее переходитъ въ прошедшее, гдѣ оно оказывается причинно обусловленнымъ, и такъ какъ цѣль, хотя и ставится для будущаго, но въ моментъ постановки, какъ сознанныя мысль, относится уже къ прошедшему, то процессъ постановки цѣли объективно подчиненъ дѣйствію причинности. Слѣдовательно, объективное сознаніе свободы

является (повидимому, обманчивымъ) сознаниёмъ *кажущейся* свободы.

Откуда же возникаетъ это обманчивое сознание? По мнѣнію г. Каутскаго, свобода дается для будущаго отсутствіемъ въ немъ опытнаго знанія, а слѣдовательно отсутствіемъ причинной обусловленности (откуда возможность свободной постановки цѣли); въ частности, неизвѣстность будущаго особенно велика въ области социальныхъ отношеній, гдѣ къ тому же человѣкъ сталкивается не съ непреодолимыми естественными силами, а съ равноцѣнными и равносильными себѣ факторами. Поэтому человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ по отношенію къ будущему вообще и социальному будущему въ особенности.

Противъ этого можно возразить слѣдующее. Отсутствіе опытнаго знанія въ мирѣ будущаго можетъ имѣть двоякій смыслъ (не различаемый г. Каутскимъ); оно можетъ быть понимаемо 1) какъ отсутствіе знанія (невозможность предвидѣнія) событій, которыя наступятъ, и тогда оно не можетъ дать свободы, такъ какъ мы признаемъ постулатъ причинности одинаково обязательнымъ какъ для извѣстныхъ, такъ и для неизвѣстныхъ событій; или 2) какъ отсутствіе самыхъ не наступившихъ еще событій; но отсутствіе событій обозначаетъ для насъ отсутствіе (ненаступленіе) непосредственныхъ причинъ, производящихъ явленіе, но не отсутствіе причинъ вообще, создающее возможность безпричиннаго появленія событій.

Еще менѣе свобода отъ причинной необходимости можетъ быть дана сознаниёмъ равносильности или равноцѣнности воздѣйствующихъ факторовъ, такъ какъ постулатъ причинности не заключаетъ въ себѣ понятія о причинномъ воздѣйствіи большей силы на меньшую, а признаніе другого индивида свободно дѣйствующимъ дается не непосредственнымъ опытомъ, а заключеніемъ отъ внутри себя сознаваемой свободы.

Наконецъ, какъ отсутствіе опытнаго знанія, такъ и принудительно воздѣйствующихъ факторовъ въ лучшемъ случаѣ могло бы являться лишь чисто отрицательнымъ условіемъ—отсутствіемъ сознанія причинности обусловленности; это отрицательное условіе могло бы создавать *возможность* положительнаго момента—свободной постановки цѣли, но не объясняетъ и не обосновываетъ *необходимой* *наличности* этого процесса.

Такимъ образомъ, приводимыя г. Каутскимъ основанія не объ-

ясняютъ ни субъективной возможности, ни необходимой наличности сознанія свободы. Это въ сущности признаетъ и самъ авторъ (не усматривая, однако, что такимъ образомъ онъ опровергаетъ свою предыдущую аргументацію), когда утверждаетъ, что чувство свободы не можетъ быть устранено никакимъ вообще познаніемъ (стр. 42). Откуда, очевидно, слѣдуетъ, что недостаточное знаніе не можетъ дать чувства свободы. Такое противорѣчіе могло явиться, какъ мнѣ представляется, результатомъ только неяснаго представленія объ отношеніи процесса постановки цѣли къ познанію. Если недостатокъ познанія не даетъ свободы, а полнота его не устраняетъ ея, то очевидно, что знаніе свободы не есть актъ познанія. Постановка цѣли представляетъ собою чувственно-волевой процессъ. Но протекая въ сознаніи, онъ можетъ быть объектомъ познанія, что, повидимому, и вводитъ автора въ заблужденіе. Этимъ развѣ и можно объяснить то обстоятельство, что г. Каутскій, съ одной стороны, обосновываетъ свободу самоопредѣленія извѣстнымъ состояніемъ познанія, буквально слѣдуя въ этомъ отношеніи Штаммлеру (но для Штаммлера такая точка зрѣнія вполнѣ понятна, такъ какъ онъ считаетъ волю направленіемъ *познанія*); съ другой же стороны, говоритъ о чувствѣ свободы, независящемъ отъ состоянія познанія, а въ дальнѣйшемъ изложеніи сводитъ нравственное поведеніе (основанное на чувствѣ свободы) къ инстинктамъ (т.-е. чувственнымъ состояніямъ).

Въ конечномъ результатѣ разсужденія г. Каутскаго, доказывая невозможность объективной свободы самоопредѣленія и констатируя наличность субъективнаго ея сознанія, оставляютъ совершенно невыясненнымъ, какимъ образомъ причинно-обусловленный процессъ выбора превращается въ сознаніи въ актъ свободного самоопредѣленія или, обратно, какимъ образомъ субъективное сознаніе свободно протекающаго процесса выбора разлагается на послѣдовательный рядъ причинно-обусловленныхъ моментовъ. Отсутствие такого анализа лишитъ г. Каутскаго возможности уяснить роль субъективнаго сознанія свободы въ объективномъ причинно-обусловленномъ ходѣ событій и заставить его одновременно и признавать, и отрицать вліяніе цѣлесообразно-сознательной дѣятельности на ходъ событій («могучій рычагъ общественнаго переворота», стр. 132, но въ то же время «не сила, опредѣляющая направленіе общественнаго развитія», стр. 133).

Недостатокъ такого анализа не можетъ быть восполненъ сведеніемъ нравственнаго долга къ инстинктамъ, такъ какъ доказательство, что извѣстный полезный для организма аппаратъ возникаетъ естественно необходимымъ путемъ біологической эволюціи, нисколько еще не объясняетъ, какъ этотъ аппаратъ исполняетъ свое полезное назначеніе, въ особенности если дѣло усложняется тѣмъ, что этотъ аппаратъ представляется въ сознаніи дѣйствующимъ свободно, а объективно оказывается подчиненнымъ причинности.

Естественный процессъ происхожденія нравственнаго долга и идеала объясняется г. Каутскимъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ цѣлесообразныя приспособленія организмовъ возникаютъ въ процессѣ борьбы за существованіе. Такимъ путемъ возникли способность самопроизвольнаго движенія, мышленіе, инстинкты самохраненія и размноженія; но такимъ же образомъ возникли и социальныя инстинкты: самоотверженность, храбрость, вѣрность, правдивость, честолюбіе. Совокупность же всѣхъ этихъ инстинктовъ и составляетъ нравственный законъ. По отношенію къ человѣку процессъ біологической эволюціи получаетъ характерную особенность. Изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ производитъ орудія производства. Это налагаетъ свой отпечатокъ на все дальнѣйшее его развитіе: морфологически-функціональныя приспособленія организма замѣняются изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ орудій; процессъ развитія техническаго аппарата (вмѣстѣ съ другими естественными и историческими условіями) опредѣляетъ общественную организацію производства, образъ жизни, всю совокупность социальныхъ явленій, нравственныя правила. Развитіе же техники создаетъ дѣленіе на классы, а слѣдовательно и классовую мораль.

Противъ этого можно возразить слѣдующее. Все объясненіе получаетъ внѣшній характеръ убѣдительности лишь при условіи гипостазированія понятія инстинкта, въ смыслѣ нѣкоторой присущей организму силы, влеченія, способности къ извѣстнымъ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ.

Въ дѣйствительности то, что мы называемъ инстинктомъ, есть однообразно повторяющееся, причинно возникшее и причинно обусловленное дѣйствіе организма (реакція его на внѣшнія и внутреннія раздраженія), имѣющее объективно-полезную цѣль для особи или общества особей. Называя такой способъ дѣйствія

инстинктомъ и вывода потомъ изъ инстинкта способъ дѣйствія, мы ничего не объясняемъ, вращаясь въ логическомъ кругѣ. Внѣшній характеръ объясненія эта логическая операція получаетъ только тогда, когда понятіе инстинкта мы гипостазируемъ, придавая ему смыслъ силы, влеченія, и вкладываемъ такой гипостазированный инстинктъ въ организмъ. Сколько инстинктовъ мы предварительно такимъ образомъ вложимъ въ организмъ, столько способовъ поведенія мы затѣмъ можемъ изъ нихъ вывести. Только при такой постановкѣ дѣла, отъ инстинкта мы легко можемъ перейти къ сознательно цѣлесообразному дѣйствію: если инстинктъ—сила, толкающая къ объективно-цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ, то самоопредѣленіе—такая же сила, производящая субъективно цѣлесообразныя дѣйствія. Такой переходъ логически скрываетъ принципиальную разницу между инстинктомъ и самоопредѣленіемъ: инстинктъ—дѣйствіе организма (не опредѣляемое сознаниемъ, хотя, можетъ быть, и сознательное), имѣющее объективно полезную цѣль; самоопредѣленіе ставитъ ту же цѣль сознательно. Раздраженіе въ первомъ случаѣ переходитъ въ дѣйствіе организма, причинно приводя къ результату, который оказывается объективно полезнымъ; во второмъ случаѣ между раздраженіемъ и окончательнымъ исходомъ вставляется сознание, которое и опредѣляетъ исходъ, предвидя его цѣлесообразность. Такимъ образомъ снова возникаетъ тотъ же ранѣе не рѣшенный вопросъ о значеніи сознательнаго самоопредѣленія и отношенія его къ закону причинности.

Далѣе, если мы скроемъ разницу между инстинктивнымъ и сознательно-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ подъ двусмысленнымъ терминомъ силы или влеченія, то въ такомъ случаѣ намъ предстоитъ дальнѣйшее затрудненіе: эта сила или влеченіе объясняетъ, какимъ образомъ человѣкъ фактически ставитъ себѣ извѣстныя цѣли; но отсюда не вытекаетъ еще, какимъ образомъ тѣ или другія цѣли онъ квалифицируетъ какъ должныя. Сведеніе такой квалификаціи къ требованіямъ общества, направленнымъ къ отдѣльнымъ своимъ членамъ, мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ для того, чтобы общество предъявляло требованіе, оно должно уже квалифицировать извѣстныя цѣли, какъ должныя. И затрудненіе нисколько не становится меньше отъ того, исходить ли эта квалификація отъ индивида или отъ общества. Всѣ эти неясности самымъ рѣзкимъ образомъ отражаются на послѣдней

части изслѣдованія, а именно на вопросѣ о нравственномъ идеалѣ.

Г. Каутскій рѣшительно не можетъ дать себѣ отчета, какую роль играетъ идеалъ въ практической жизни. Съ одной стороны, все подчинено закону причинности, всякое новое состояніе общества опредѣляется предшествующими матеріальными факторами, нравственный идеалъ не имѣетъ никакого значенія: онъ не опредѣляетъ направленія общественнаго развитія и самъ является лишь отраженіемъ матеріальныхъ условій. Съ другой стороны, сознаніе есть полезное приспособленіе для борьбы за существованіе; сознательно произвольная дѣятельность замѣняетъ непринужденныя инстинктивныя стремленія, и идеалъ является движущей силой классовой борьбы и могучимъ рычагомъ общественнаго переворота (но если переворота, то и измѣненія; если измѣненія, то новаго состоянія общества).

Съ одной стороны идеалъ не цѣль, а только орудіе борьбы (стр. 134); слѣдовательно, средство измѣненія общества; съ другой—идеалъ осуществимъ только посредствомъ измѣненія общества (стр. 132): слѣдовательно, идеалъ—цѣль, измѣненіе общества—способъ его осуществленія.

Съ одной стороны, идеалъ есть нѣчто чисто отрицательное, простая противоположность существующему (130). Но если онъ содѣйствуетъ разрушенію существующаго, то нѣтъ никакихъ основаній, почему бы онъ не могъ содѣйствовать нарожденію новаго, если поставить себѣ ту цѣль, къ которой должно привести матеріальное развитіе (стр. 134). Но если матеріальное развитіе придетъ къ извѣстной цѣли независимо отъ идеала и даже вопреки ему, то зачѣмъ вообще ставить себѣ цѣли и бороться за ихъ осуществленіе? На всѣ эти вопросы мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта у автора, и это происходитъ отъ того, что въ самомъ началѣ онъ не уяснилъ себѣ отношенія субъективной свободы къ объективной необходимости; одно указаніе на ошибочность или призрачность сознанія свободы такъ же мало помогаетъ дѣлу, какъ аналогичная ссылка философскаго матеріализма на фиктивность психики вообще.

Эта путаница понятій усугубляется смѣшеніемъ роли идеала въ теоретическомъ и прикладномъ знаніи. Если въ теоретическомъ изслѣдованіи явленій, въ чистомъ познаніи существующихъ явленій и ихъ развитіи идеалу нечего дѣлать, то онъ является

исходной точкой зрѣнія для дисциплинъ прикладныхъ, изучающихъ способы воздѣйствія на жизнь, съ цѣлью измѣненія ея въ желательномъ направленіи. Поэтому утвержденіе автора, что наука должна только изслѣдовать и объяснять нравственные идеалы, но не можетъ получать у нихъ указаній насчетъ выводовъ, къ которымъ она должна притти, что этика можетъ быть только *объектомъ* изученія (стр. 135), вѣрно только въ томъ случаѣ, если подъ наукой понимать исключительно науки теоретическія (и отрицать возможность наукъ политическихъ и прикладной этики).

Въ заключеніе позволю себѣ указать на нѣкоторые частные вопросы, по которымъ я не вполне могу согласиться съ взглядами автора. Вполнѣ раздѣляя взглядъ г. Каутскаго на значеніе психики въ эволюціи технического аппарата человѣческаго общества, я не вижу основаній преувеличивать ея значеніе въ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ организмовъ вообще. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній объяснять объективно-цѣлесообразныя движенія животныхъ сознательно-произвольнымъ самоопредѣленіемъ, по аналогіи съ процессами внутри насъ, тамъ, гдѣ хотя и имѣется цѣлесообразность, но нѣтъ прямого опытнаго указанія на сознательное самоопредѣленіе. Если птица клюетъ ягоду, то едва ли нужно для объясненія этого явленія прибѣгать къ такой сложной гипотезѣ, какъ дѣлаетъ это г. Каутскій (стр. 55); по его мнѣнію, птица прежде всего совершаетъ сложный познавательный процессъ: отличаетъ ягоду отъ ястреба, облака и всѣхъ прочихъ извѣстныхъ ей вещей; затѣмъ, установивъ причинную зависимость между потребленіемъ ягоды и долженствующимъ послѣдовать утоленіемъ голода, приходитъ къ заключенію о цѣлесообразности съѣсть ягоду. Подобное объясненіе представляетъ собою не только совершенно излишній, но и преувеличенный антропоморфизмъ (такъ какъ и для объясненія цѣлесообразныхъ реакцій человѣка не всегда нужно прибѣгать къ допущенію сознательнаго самоопредѣленія). Цѣлый рядъ опытовъ и наблюдений показываетъ, что цѣлесообразныя, иногда весьма сложныя движенія происходятъ и тогда, когда возможность сознанія и самоопредѣленія исключена или экспериментально устранена; что движенія являются непосредственной реакціей на извѣстныя раздраженія (см. между прочимъ В. Вагнера «Что такое инстинктъ»). Поэтому и въ данномъ случаѣ съ птицей мы можемъ рассматри-

вать движеніе, какъ непосредственную реакцію на специфическое зрительное раздраженіе, пока, по крайней мѣрѣ, не будетъ доказана надобность болѣе сложной гипотезы.

Точно также сомнительнымъ представляется утвержденіе г. Каутскаго, будто продолжительная привычка исполнять извѣстныхъ предписаній переходить въ предрасположеніе, которое можетъ передаваться по наслѣдству (стр. 117). Вопросъ о наслѣдственной передачѣ пріобрѣтенныхъ привычекъ вообще споренъ; въ области общественныхъ явленій гипотеза наслѣдственной передачи приводитъ къ ложному объясненію закрѣпленія профессиональныхъ и классовыхъ различій (см. Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft, 3 Aufl., 1901, стр. 383), и къ тому же здѣсь она совершенно излишня, такъ какъ традиція нормъ и формъ поведения проще объясняется подражаніемъ (на что указываетъ и самъ авторъ, стр. 119).

Въ заключеніе долженъ сказать, что если я позволилъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ положеніяхъ автора, которыя представляются мнѣ невѣрными или недостаточно обоснованными, то стоитъ прочесть эту интересную книгу, чтобы видѣть, сколько въ ней удачныхъ и вѣрныхъ мыслей.

Р. Орженцій.

Eisler, R., Einführung in die Erkenntnistheorie. Darstellung und Kritik der erkenntnistheoretischen Richtungen. Leipzig, 1907. Verlag von Johann Ambrosius Barth. S. 292.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Эйслеръ начинаетъ съ заявленія, что, по его мнѣнію, теорія знанія отнюдь не составляетъ своей философіи. Сознательной или бессознательной цѣлью всѣхъ философскихъ стремленій является «метафизика» въ смыслѣ «ученія о міровоззрѣніи», охватывающемъ интересы какъ наукъ о природѣ и духѣ, такъ и ненаучной—естественной и культурной—жизни. Но если теорія знанія не можетъ заявлять притязанія на исключительное господство, то она однако же является для каждаго критическаго ума совершенно необходимымъ предположеніемъ, предверіемъ всякой основательной метафизики. Безъ изслѣдованія цѣнности и объема нашего чувственнаго и разсудочнаго познанія мы не можемъ подняться на опасныя высоты метафизики. Если метафизика должна быть чѣмъ-либо большимъ, нежели только «поэзіей понятій», то она должна, разъ не можетъ сама стать точной наукой, во всякомъ случаѣ

имѣть строго-научную основу, должна быть «критической метафизикой», чуждающейся ложныхъ путей спекулятивнаго догматизма, т.-е. должна быть обоснована гносеологически. Догматизмъ метафизическаго характера встрѣчаемъ мы во многихъ отдѣльныхъ наукахъ, которыя обнаруживаютъ большую склонность забывать свои границы и придавать абсолютное значеніе понятіямъ и положеніямъ, имѣющимъ цѣнность только съ точки зрѣнія этихъ наукъ и только въ ихъ области (вспомнимъ, напримеръ, о принципахъ механическаго или энергетическаго объясненія природы). Теорія познанія, поэтому, одинаково цѣнна какъ для философа, такъ и для ученаго изслѣдователя.

Потребность въ выработкѣ гносеологической точки зрѣнія въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется въ самыхъ широкихъ кругахъ. Ею захватываются и представители спеціальнаго изслѣдованія. Между тѣмъ о какой-нибудь единой и общеобязательной гносеологіи не только не можетъ еще быть рѣчи, но и надолго приходится отказаться отъ надежды на соглашеніе по важнѣйшимъ ея пунктамъ. Чтобы облегчить желающимъ ориентированіе въ спорѣ различныхъ гносеологическихъ направленій, авторъ и написалъ свою книгу, предназначая ее для сравнительно широкой публики—студентовъ, ученыхъ специалистовъ, философовъ.

Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія волюнтаристическаго критицизма, являющагося дальнѣйшимъ преобразованіемъ ученія Канта. Эта точка зрѣнія характеризуется различеніемъ формы и матеріала познанія, подчеркиваніемъ взаимодействія между воспріятіемъ и мышленіемъ, признаніемъ «априорнаго» не въ смыслѣ готовыхъ предположеній и условій объективнаго познанія, а въ смыслѣ возможности свести воззрительныя и разсудочныя формы на функцію воли, стремящейся къ единству въ познаніи (*die Funktion des Einheitswillens*). Эта воля менѣе сказывается въ индивидуальной психикѣ, а главнымъ образомъ въ томъ объективномъ интеллектѣ, который методически управляетъ построеніемъ науки и самъ развивается въ теченіе исторіи, противопоставляя индивидуальнымъ переживаніямъ общеобязательный міръ объективныхъ содержаній. Далѣе авторъ пытается провести объективный феноменализмъ, называемый имъ идеаль-реализмомъ, который соединяетъ признаніе идеальности познаваемыхъ объектовъ съ допущеніемъ «трансцендентныхъ факторовъ», аналогичныхъ на-

шему собственному «внутреннему бытію (Innensein)». Существуетъ, поэтому, только одинъ методически выработанный міръ «эмпирически-реальныхъ» вещей, но послѣднія указываютъ на сущее «въ себѣ», которое не есть ни объектъ, ни феноменъ, а «активно-реактивное для себя бытіе», условіе объективнаго существованія.

Разсматриваемая книга состоитъ изъ введенія, опредѣляющаго задачу и методъ познанія (SS 1—23), и трехъ частей: 1) о возможности познанія и проблемѣ истины (24—68), 2) о происхожденіи познанія (69—166) и 3) о проблемѣ реальности (167—270).

Въ первой части, остановившись на понятіи познанія и на анализѣ различныхъ направленій въ рѣшеніи вопроса о его возможности (скептицизмъ, субъективизмъ и релятивизмъ, теоретическій объективизмъ и абсолютизмъ), авторъ въ заключительномъ параграфѣ устанавливаетъ понятіе истины. Здѣсь прежде всего сопоставляются различныя исторически извѣстныя опредѣленія истины: согласія мышленія съ дѣйствительностью (Аристотель, схоластика, Локкъ, Лейбницъ и др.), согласія мышленія съ самимъ собою и съ закономѣрностью интеллекта (Кантъ, Кругъ, Бутервекъ, Годгсонъ и др.), согласіе мысли съ опытомъ или воспріятіемъ (Корнеліусъ, Махъ и др.), символическая координація между мышленіемъ и дѣйствительностью (Гельмогольцъ, Герцъ, Риль, Махъ, Бредли, Іерусалемъ, Геффдингъ и др.), общеобязательность, необходимость для мысли, объективность и идеальное значеніе содержанія сужденія (кантіанцы, Б. Эрдманъ и др.), біологическая полезность сужденія. Въ противоположность «статистическому понятію объ истинѣ» (выраженіе Л. Вебера), говорящему о согласіи между нашимъ мышленіемъ и бытіемъ въ себѣ вещи, въ новѣйшее время чаще выставляется «динамическое понятіе», которое Геффдингъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «значеніе принциповъ состоитъ въ томъ, что они помогаютъ намъ при нашей работѣ достигать пониманія. Ихъ истинность состоитъ въ ихъ значеніи (Gültigkeit), а ихъ значеніе въ ихъ рабочей цѣнности. Что извѣстный принципъ истиненъ, это значитъ, что съ нимъ можно работать... Понятіе истины есть динамическое понятіе, поскольку оно выражаетъ способъ примѣненія мыслительной энергіи; вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть символическое понятіе, поскольку обозначаетъ несовпаденіе или качественное сходство

съ абсолютнымъ предметомъ, а сходство въ отношеніяхъ (аналогію) между явленіями въ бытіи и въ человѣческихъ мысляхъ». Подобныя же разъясненія даетъ и Иерусалемъ. Въ собственныхъ своихъ разсужденіяхъ по этому предмету Эйслеръ начинаетъ съ положенія, что истинность нельзя приписывать ни вещамъ, ни представленіямъ, а только сужденіямъ. Истина есть «характеръ» сужденія, его предикатъ, свойство. Но она не дана просто въ сужденіи, т.-е. въ сужденіи, какъ таковомъ, какъ изолированномъ умственномъ актѣ, нельзя еще усмотрѣть того, истинно оно или ложно. Его истинность должна быть признана какъ результатъ оцѣнки его. Съ формальной стороны «истина» предполагаетъ отношеніе мыслимаго, или содержанія сужденія, къ дѣйствительному, или предмету сужденія. Это отношеніе обычно и называютъ «согласіемъ мышленія и бытія»; но авторъ предпочитаетъ вмѣсто термина «согласіе» употреблять «соотвѣтствіе». Последнее не требуетъ непременно, чтобы представленіе было «отраженіемъ» бытія; наше представленіе и понятіе могутъ быть только символами реальныхъ отношеній,—и все-таки объ истинѣ можно говорить въ томъ случаѣ, если эти символы комбинируются сообразно съ дѣйствительностью. Вопросъ о томъ, существуетъ ли бытіе въ себѣ, въ данномъ случаѣ безразличенъ. «Объективное значеніе» сужденія состоитъ въ томъ, что оно оказывается обязательнымъ для каждаго способнаго мыслить человѣка, если только онъ желаетъ истины. Истина сужденія, такимъ образомъ, независима отъ произвола и особенностей мыслящихъ людей. Истина остается истинной независимо отъ того, когда и кѣмъ она была признана. Но это не значитъ, что истина существуетъ гдѣ-либо внѣ мыслящаго ума, какъ бы «въ себѣ». Еще не открытая истина есть истина возможнаго будущаго сужденія. Съ чисто формальной, логической точки зрѣнія всѣ истины имѣютъ «абсолютное» значеніе. Но это положеніе надо понимать *simpliciter*. Существуютъ различные роды истинъ или истинныхъ сужденій, и, на примѣръ, отличіе формальной истины отъ матеріальной, при возможности ихъ несовпаденія въ отношеніи къ одному и тому же по содержанію сужденію, не позволяетъ говорить просто объ истинѣ въ абсолютномъ смыслѣ. Каждый родъ истинности требуетъ своей особой характеристики. Что касается критерія истины, то Эйслеръ является сторонникомъ объединенія тѣхъ требованій, которыя содержатся въ выставившихся раз-

личными мыслителями критеріяхъ (психологическая принудительность, отсутствіе противорѣчій, согласіе съ опытомъ и пр.). Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на такъ называемомъ біологическомъ критеріи и находитъ, что въ концѣ-концовъ онъ все-таки отсылаетъ насъ къ теоретической цѣлесообразности сужденія, какъ къ послѣдней рѣшающей инстанціи относительно его истины (51—68).

Черезчуръ общую классификацію философскихъ направленій, способную породить сбивчивость въ пониманіи ихъ существенныхъ свойствъ, даетъ авторъ во второй части своей книги (о происхожденіи познанія). Раціонализмъ сближается здѣсь съ интеллектуализмомъ, эмпиризмъ съ сенсуализмомъ и позитивизмомъ, а критицизмъ съ его развѣтвленіями ставится особнякомъ какъ самостоятельное направленіе (71). По нашему мнѣнію, это съ его стороны тѣмъ непростительнѣе, что онъ здѣсь же обнаруживаетъ знакомство какъ съ требованіями болѣе точнаго разграниченія, не разъ заявлявшимися въ гносеологической литературѣ, такъ и съ образцами ученій, не находящихъ себѣ безспорнаго мѣста въ его классификаціи. Надо, впрочемъ, сказать, что это не помѣшало ему дать довольно полный обзоръ и серьезную критику всѣхъ разномнѣній и существенныхъ отгѣнковъ въ рѣшеніи проблемы о происхожденіи познанія, чѣмъ дается возможность внимательному читателю избѣгать нежелательныхъ внушеній неудачной систематизаціи. Во всякомъ случаѣ разсматриваемый отдѣлъ книги по своей содержательности и основательности является безспорно полезнѣйшимъ пособіемъ для приступающихъ къ занятію гносеологіей.

Подобное же впечатлѣніе производитъ и третья часть книги, посвященная проблемѣ реальности. Черезчуръ затасканное и неточное противопоставленіе идеализма и реализма и соединеніе ихъ въ довольно противоестественный типъ идеаль-реализма свидѣтельствуютъ о неумѣннн или нежеланнн въ самой классификаціи точно выразить характерныя принципиальныя различія разсматриваемыхъ здѣсь философскихъ ученій. Но этотъ недостатокъ почти вполне наверстывается въ самомъ изложеніи предмета и въ обсужденіи привлекаемыхъ сюда многочисленныхъ данныхъ изъ области философскихъ ученій новаго и новѣйшаго времени. Обиліе справокъ и умѣлый подборъ характерныхъ цитатъ воскрешаютъ въ памяти читателя то же мастерство, какое

обнаружено авторомъ въ его извѣстномъ «Словарѣ философскихъ понятій». Ни одинъ сколько-нибудь существенный оттѣнокъ въ рѣшеніи проблемы реальности не остался у него не отмѣченнымъ.

Въ общемъ книга Эйслера вполне отвѣчаетъ своему назначенію — ввести читателя въ кругъ вопросовъ, составляющихъ въ настоящее время предметъ наиболѣе остраго вниманія и напряженныхъ усилій для работниковъ гносеологии. Было бы весьма желательно видѣть эту книгу переведенной и на русскій языкъ.

П. Тихомировъ.

Джорджъ Беркли. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. По порученію философскаго общества при Спб. университетѣ переведено Е. Ѳ. Дебольскою подъ редакцію Н. Г. Дебольскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1905 г.

Несмотря на то, что Беркли является однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей новой философіи, и знакомство съ его ученіемъ, легшимъ въ основу такъ называемаго гносеологическаго идеализма, безусловно обязательно для всякаго, кто занимается философіей, русскій читатель все время черпалъ свои свѣдѣнія о Беркли изъ вторыхъ рукъ, и только въ срединѣ 1905 г. наконецъ вышелъ переводъ «Трактата о началахъ человѣческаго знанія», того именно произведенія Беркли, въ которомъ теорія имматеріализма изложена знаменитымъ ирландскимъ философомъ наиболѣе полно и научно. Переводъ этотъ сдѣланъ Е. Ѳ. Дебольскою подъ редакціей Н. Г. Дебольскаго, которому принадлежитъ и предшествующее переводу Введеніе, гдѣ представлены генезисъ, сущность и критика философіи Беркли.

Мы очень бѣдны удачными переводами философскихъ сочиненій, и это обстоятельство заставляетъ насъ относиться съ большимъ вниманіемъ къ каждому новому переводу, чтобы опредѣлить, удовлетворяетъ ли онъ своему назначенію или же съ его выходомъ въ свѣтъ лишь увеличилось и безъ того значительное количество тѣхъ переводовъ, которые такъ безжалостно коверкаютъ и духъ и форму подлинника. Что же представляетъ изъ себя переводъ «Трактата» Беркли?

Какъ заявляетъ и редакция, сочиненіе Беркли не представляетъ для перевода особыхъ затрудненій. Это не трудъ нѣмецкаго фи-

лософа, отягченный громадными періодами, съ запутаннѣйшей терминологіей, приводящей переводчика въ отчаяніе. Нѣтъ, трактатъ Беркли написанъ легкимъ и простымъ языкомъ: гладкія фразы (Беркли считается прекраснымъ стилистомъ), самая обыкновенная терминологія, которая, хотя и уступаетъ нѣмецкой въ стремленіи къ точности, зато наврядъ ли смутитъ переводчика. Къ сожалѣнію, отъ этого въ переводѣ Е. Θ. Дебольской не осталось и слѣда: слогъ перевода очень тяжелъ и отнюдь не литературенъ; читатель поминутно долженъ напрягать вниманіе, чтобы понять смыслъ фразы, даже чтобы предварительно разобрать грамматическую конструкцію предложенія.

Не желая быть голословнымъ, приведу нѣсколько образцовъ стиля перевода.

«Теперь я обращаюсь къ разсмотрѣнію источника этихъ господствующихъ понятій, которымъ, какъ мнѣ кажется, служить рѣчь. *И, навѣрное, что-либо менѣе распространенное, чѣмъ самый разумъ, не могло бы быть источникомъ общераспространеннаго мнѣнія*» (стр. 51). «Треугольникъ опредѣляется какъ плоская поверхность, ограниченная тремя прямыми линіями, *каковымъ опредѣленіемъ это названіе ограничено обозначеніемъ одной опредѣленной идеи и никакой другой*» (стр. 52). «Существуютъ духовныя субстанціи, духи или человѣческія души, которыя... хотя и идей или вызываютъ въ себѣ идеи; но эти идеи смутны, слабы и непостоянны съ тѣми, *которыя они воспринимаютъ въ ощущеніяхъ*» (стр. 85). «Онъ долженъ согласиться, *что неразумно упорствовать въ защитѣ того, чего онъ самъ не знаетъ, и въ признаніи съ моей стороны за нелѣпость несогласія присоединиться къ положенію*» (стр. 92).

Я могъ бы привести еще достаточное количество подобныхъ же примѣровъ (они встрѣчаются почти на каждой страницѣ), но думаю, что и этихъ довольно для того, чтобы составить себѣ представленіе о стилѣ перевода. Сколько времени и труда долженъ потратить читатель, чтобы преодолѣть его! Къ сожалѣнію, жертва формою не привела и къ точности. Постоянно встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія о томъ, что переводчица отнеслась къ дѣлу механически и не овладѣла текстомъ, не усвоила его. Неточностей, даже искаженій встрѣчается довольно много. Вотъ, для примѣра, нѣкоторыя изъ нихъ:

«Болѣе того,—такъ какъ существу-
етъ большое разнообразіе другихъ
созданій, *соотвѣтствующихъ слож-*
ной идее челоука въ нѣкоторыхъ,
но не во всѣхъ частяхъ, то умъ...»
(стр. 38 перев.).

Въ подлин.:

«Moreover, there being a great variety of other creatures *that partake in some parts, but not all, of the complex idea of man, the mind...*»

Слѣдующій примѣръ является не только неточностью, но гру-
бымъ искаженіемъ самой мысли:

«Мнѣ кажется столь же очевиднымъ,
что нѣкоторыя изъ нихъ (живот-
ныхъ) въ извѣстныхъ случаяхъ *раз-*
суждаютъ такъ, какъ бы они обла-
дали ощущеніями, но лишь посред-
ствомъ частныхъ идей, именно тѣхъ,
какія они получаютъ черезъ ощу-
шенія» (стр. 41).

Въ подлин.:

«*It seems as evident to me that they do, some of them, in certain instances reason as that they have sense; but it is only in particular ideas, just as they receive them from their senses.*»

Еще примѣръ:

«Такъ какъ всѣ существующія вещи
частны, то какимъ образомъ дохо-
димъ мы до терминовъ?» (стр. 42).
Въ подлин.:

«Since all things that exist are only particulars, how come we by *general terms?*»

Зачѣмъ вычеркивать слово «general», когда именно въ немъ
самая суть?

Однако, довольно примѣровъ. Можно указать еще на неудач-
ный переводъ нѣкоторыхъ очень важныхъ и употребительныхъ
у Беркли терминовъ. Такъ, врядъ ли удобно передавать, какъ
это сдѣлано, напр., на 90 стр., терминъ «outness» черезъ «внѣш-
ность»; не лучше ли «нахожденіе во внѣ, объективность»? Также

Слѣдуетъ:

«Кромѣ того, такъ какъ существу-
етъ большое разнообразіе другихъ
созданій, *участвующихъ въ нѣкото-*
рыхъ, но не во всѣхъ частяхъ сложной
идеи челоука, то умъ...»

Слѣдуетъ:

«Мнѣ кажется такъ же очевиднымъ
то, что нѣкоторыя изъ нихъ въ
извѣстныхъ случаяхъ *разсуждаютъ,*
какъ и то, что они ощущаютъ, но
только (разсуждаютъ они) посред-
ствомъ частныхъ идей, именно по-
лучаемыхъ ими черезъ ощущенія».

Слѣдуетъ:

«Такъ какъ всѣ существующія вещи
суть только частныя, то какъ мы
получаемъ *общіе термины?*»

не совсѣмъ гладко переводить «to be present» черезъ «наличность». Совсѣмъ неудачна передача «appearance» черезъ «видимость»—нѣмцы передаютъ этотъ терминъ, вполне удачно, черезъ «Erscheinung». Невѣрно переведено и слѣдующее мѣсто: «положительная отвлеченная идея «нѣчто», «бытности» или существованія» (стр. 120). Врядъ ли сразу можно понять. (Въ подлинн.: «the positive abstract idea of quiddity, entity, or existence»; Ибервегъ въ извѣстномъ своемъ переводѣ передаетъ такъ: «die positive abstracte Idee der Wesenheit, des Seins oder der Existenz»). Не говоря о неудобности перевода «entity» черезъ «бытность», «quiddity» вовсе не соотвѣтствуетъ «нѣчто». Беркли этотъ терминъ заимствовалъ у схоластиковъ, которые черезъ «quidditas» обозначали существенное свойство предмета, такъ что лучше перевести «quiddity» черезъ сущность («Wesenheit»). Наконецъ, очень неудаченъ переводъ «habitudes» черезъ «взаимодѣйствія» (стр. 172), тѣмъ болѣе, что Беркли взаимодѣйствіе между вещами отрицаетъ;—не лучше ли «отношенія, связь?» Напоследокъ остановлюсь на самомъ важномъ и самомъ частомъ у Беркли терминѣ «being perceived». Не особенно удобно передать его черезъ «восприниманіе» (у Ибервега «Percipiertwerden»). Дѣло въ томъ, что «восприниманіе» означаетъ скорѣе активную сторону процесса познанія и съ большимъ основаніемъ можетъ быть употребляемо по отношенію къ субъекту, чѣмъ къ объекту познанія. Я бы предложилъ нѣсколько неловкій, но за то безусловно вѣрный терминъ «бытіе воспринимаемымъ».

Итакъ, переводъ грѣшитъ и по формѣ, и по точности своей очень солидными пробѣлами. Нельзя не выразить, вмѣстѣ съ привѣтствіемъ самаго факта появленія перевода *Трактата* Беркли, пожеланія, чтобы ко второму изданію переводъ былъ основательно переработанъ.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены измѣненія и дополненія, слѣзанныя Беркли во 2-мъ изданіи *Трактата*. Это даетъ возможность отмѣтить нѣкоторую эволюцію во взглядахъ Беркли. Введеніе написано сжато и хорошо. Только почему не упомянуто, когда говорится о сочиненіяхъ Беркли, «Siris»? Врядъ ли можно о немъ умолчать, недаромъ англійскій издатель и комментаторъ Беркли Фрезеръ называетъ «Siris» однимъ изъ лучшихъ памятниковъ англійской метафизики.

Слѣдовало бы, вообще, отмѣтить въ философіи Беркли борьбу рационализма и эмпиризма и освѣтить совершенно забытую вторую половину его дѣятельности.

П. Блонскій.

И. Лапшинъ. Законы мышленія и Формы познанія. Спб., 1906. Цѣна 2 руб.

Содержаніе изслѣдованія И. И. Лапшина «Законы мышленія и формы познанія» можетъ быть выражено словами самого автора въ слѣдующихъ 16 положеніяхъ (изъ числа 22 тезисовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ изслѣдованія для защиты его въ качествѣ диссертации):

1. Въ современной философіи большинство мыслителей, открыто или безмолвно признавая общезначимость законовъ мышленія (напр., закона противорѣчія), въ то же время оспариваютъ гносеологическую необходимость тѣхъ или другихъ формъ познанія.

2. Въ современной философіи весьма часто встрѣчается трансцендентное примѣненіе законовъ мышленія, т.-е. перенесеніе ихъ на вещи въ себѣ.

3. Какъ пользованіе законами мышленія помимо установки ихъ связи съ формами познанія въ гносеологіи, такъ и трансцендентное примѣненіе ихъ въ метафизикѣ совершенно произвольно.

4. «Чистое ощущеніе» уже заключаетъ въ себѣ въ «неопознанной» формѣ необходимыя элементы познанія (пространство, время, категоріи, единство сознанія), и «эволюція формъ познанія» сводится къ эволюціи опознанія этихъ формъ.

5. Пространство и время неотдѣлимы отъ содержанія сознанія: пустое пространство и пустое время—фикціи мысли.

6. Категоріальный синтезъ также неотдѣлимъ отъ чувственныхъ данныхъ сознанія.

7. «Я» не есть субстанція, но формальное единство сознанія, неотдѣлимое отъ содержаній послѣдняго.

8. Гносеологическій анализъ трансцендентальнаго единства апперцепціи показываетъ, что законы мышленія опираются на категоріальный синтезъ, въ которомъ участвуютъ всѣ формы познанія.

9. Отсюда ясно, что тѣ, кто отвергаетъ значеніе критической теоріи познанія, тѣмъ самымъ лишаютъ себя права ссылаться на законы формальной логики.

10. Остается неизвѣстнымъ, приложимы ли законы мышленія, опирающіеся на категоріи, къ вещамъ въ себѣ, и весь секретъ головоломки по поводу реальности и нереальности вещи въ себѣ заключается въ бессознательномъ перенесеніи законовъ мышленія на вещи въ себѣ.

11. Какъ только обнаружена неприложимость для насъ законовъ мышленія внѣ сферы возможнаго опыта, такъ тотчасъ же исчезаетъ самый *raison d'être* метафизики, какъ доказательной области познанія.

12. Законы мышленія суть простыя абстракціи для выраженія всеобщности, необходимости и незамѣстимости формъ познанія.

13. Законъ коммутативности формъ познанія заключается въ безразличіи порядка при дедукціи категорій.

14. Такъ какъ плюрализмъ равноправныхъ и коммутативныхъ формъ познанія есть необходимое условіе логичности нашего познанія, то и выходитъ, что критицизмъ есть чистѣйшее выраженіе стремленія къ міросозерцанію, свободному отъ логическихъ противорѣчій.

15. При такъ называемомъ нарушеніи законовъ мышленія можно констатировать лишь разстройство связности между представленіями и рѣчью.

16. Формы и содержаніе познанія порознь не имѣютъ никакого смысла и несводимы другъ на друга: Чистый Разумъ и Чистый Опытъ взяты порознь, какъ нѣчто обособленное, — двѣ фикціи.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе И. И. Лапшина «Законы мышленія и формы познанія» имѣетъ цѣлью дополнить критическую теорію познанія ученіемъ о томъ, что логическіе законы мышленія, законъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но зависятъ отъ остальныхъ устанавливаемыхъ гносеологіею критицизма факторовъ знанія, именно, отъ чувственнаго содержанія опыта, отъ формъ интуиціи (отъ времени и трехмѣрнаго пространства), отъ категорій и единства самосознанія. Въ свою очередь этотъ тезисъ разсматривается И. И. Лапшинымъ, какъ основаніе для слѣдующихъ двухъ весьма важныхъ выводовъ: 1) «тѣ, кто отвергаетъ значеніе критической теоріи познанія, тѣмъ самымъ лишаютъ себя права ссылаться на законы формальной логики.

2) Неизвѣстно, приложимы ли законы мысли, опирающіеся на категорию, формы созерцанія и ощущенія, къ вещамъ въ себѣ» (стр. 152).

Оригинальность этого замысла и важное значеніе самой попытки поднять столь своеобразныя проблемы и разсмотрѣть отношенія, съ величайшимъ трудомъ поддающіяся анализу, даютъ право изслѣдованію занять видное мѣсто въ философской литературѣ, даже и въ томъ случаѣ, если главныя цѣли, поставленныя авторомъ, не достигнуты имъ. Во всякомъ случаѣ значеніе его изслѣдованія, какъ возбуждающаго мысль, несомнѣнно. Къ тому же цѣнность этого труда чрезвычайно повышается вслѣдствіе необыкновенно широкаго знакомства автора съ современною философскою литературою.

По поводу основныхъ цѣлей изслѣдованія надо замѣтить, что борьба съ трансцендентною метафизикою вовсе не требуетъ сложнаго построенія, къ которому прибѣгаетъ авторъ, и можетъ вестись съ помощью простой ссылки на то, что субъективныя необходимости нашего мышленія и свойства міра, даннаго намъ въ опытѣ, не могутъ быть безусловно обязательными для того, что не дано въ опытѣ. Точно также надо замѣтить, что путь, избранный авторомъ для упроченія положенія именно критической теоріи знанія, не можетъ привести къ этому результату: въ самомъ дѣлѣ, даже если бы ему и удалось доказать, что законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго зависятъ отъ остальныхъ элементовъ опыта, все же это еще не вело бы къ торжеству критической теоріи знанія до тѣхъ пока, пока остается возможнымъ вовсе не принятое въ расчетъ авторомъ основное допущеніе интуитивистическихъ теорій знанія, именно допущеніе, что эти элементы опыта составляютъ содержаніе транссубъективнаго міра, непосредственно воспринимаемое познающимъ субъектомъ.

Отъ этого однако не теряетъ значенія основная цѣль изслѣдованія доказать несамостоятельность законовъ формальной логики: если бы автору удалось достигнуть этого, то этимъ самымъ онъ во всякомъ случаѣ устранилъ бы всѣ міросозерцанія, утверждающія возможность внѣпространственнаго и внѣвременнаго бытія, а также свободы. Трудно однако согласиться съ тѣмъ, что этотъ богатый слѣдствіями тезисъ достаточно обоснованъ. Чтобы подойти къ нему, авторъ устанавливаетъ сначала, что вообще всѣ элементы опыта, именно содержанія опыта, формы интуиціи и ка-

тегоріи, не отдѣлимы другъ отъ друга. Наиболѣе своеобразнымъ является здѣсь утвержденіе, что всѣ содержанія не только внѣшняго, но и внутренняго духовнаго опыта протяженны. Такимъ образомъ, согласно ученію автора, не только ощущенія цвѣта, а также ощущенія звука, запаха, вкуса, но даже и эмоціи (радости, печали и т. п.) и хотѣнія протяженны. Устанавливая это положеніе, авторъ, повидимому, принимаетъ ассоціативную связь содержаній опыта съ пространственными представленіями и вообще сосуществованіе содержаній опыта и пространства за протяженность содержаній опыта. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ всѣ элементы дѣйствительности принадлежатъ къ одному и тому же міру, и притомъ къ міру, въ которомъ протяженность играетъ выдающуюся роль, то, взявъ какой бы то ни было элементъ дѣйствительности и изслѣдуя его отношеніе къ остальному міру, мы навѣрное натолкнемся въ концѣ-концовъ также и на что-либо протяженное; изъ этого однако вовсе не вытекаетъ, будто элементъ дѣйствительности, взятый нами для изслѣдованія, самъ былъ протяженнымъ. Такъ, напр., теорія эмоцій Джемса-Ланге, на которую ссылается авторъ (стр. 36), только указываетъ на связь эмоцій съ протяженнымъ организмомъ человѣка, но вовсе не утверждаетъ протяженности эмоцій, точно такъ же, какъ согласно цитатѣ автора изъ Шмитцъ-Дюмона «графическая конструкція статистическихъ таблицъ еще не доказываетъ протяженности статистики» (стр. 103). Мы полагаемъ, что даже и то содержаніе опыта, которое авторъ считаетъ типично протяженнымъ, именно ощущеніе цвѣта, на самомъ дѣлѣ вовсе не протяженно, а только сознается, какъ нѣчто такое, что встрѣчается всегда въ комплексахъ явленій, въ составѣ которыхъ есть также и протяженность; если авторъ считаетъ тѣмъ не менѣе свой тезисъ достаточно обоснованнымъ, то, какъ намъ кажется, причина этого заключается въ томъ, что онъ смѣшиваетъ понятія «обладать предикатомъ протяженности» («голубой» цвѣтъ можетъ обладать предикатомъ «свѣтлый») и «быть связаннымъ болѣе или менѣе отдаленною связью съ протяженностью» (доброта и образованность могутъ сосуществовать въ одномъ и томъ же человѣческомъ я), по крайней мѣрѣ, въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи устанавливая подобнымъ же образомъ, что категоріи мышленія находятся всегда въ связи съ формами интуиціи, авторъ не рѣшается называть категоріи (напр., категорію при-

чинности, субстанціальности и т. п.) протяженными, а признаетъ ихъ только неотдѣлимыми отъ протяженности и вовсе не поясняетъ, чѣмъ вызвано это различіе въ терминахъ. Борясь со своими противниками, утверждающими непротяженность душевныхъ явленій, авторъ обнаруживаетъ, кромѣ того, склонность отождествлять понятіе сосуществованія съ понятіемъ пространственнаго сосуществованія; поэтому, избравъ мишенью такого философа, какъ Бергсонъ, который утверждаетъ, будто явленія внутренняго чувства представляютъ собою чистую послѣдовательность безъ всякаго сосуществованія, авторъ легко побѣждаетъ противника простымъ указаніемъ на то, что «чистая послѣдовательность безъ всякаго отношенія къ сосуществованію немислима» (стр. 35), но вслѣдъ за этимъ онъ уже безъ достаточныхъ основаній, слишкомъ поспѣшно переходитъ отъ наличности сосуществованія душевныхъ явленій къ пространственности этого сосуществованія.

Неопредѣленность понятій, съ которыми оперируетъ авторъ, и склонность его принимать внѣшнія связи между представленіями (напр., ассоціацію представлений по смежности) за глубокую зависимость ихъ другъ отъ друга, въ еще большей степени проявляется въ главномъ пунктѣ изслѣдованія, именно тамъ, гдѣ авторъ стремится доказать, что законы формальной логики, законъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, зависятъ отъ остальныхъ факторовъ опыта, между прочимъ отъ трехмѣрнаго пространственнаго синтеза. Иногда, повидимому, авторъ готовъ обосновывать этотъ тезисъ просто съ помощью того соображенія, что всѣ матеріалы нашего мышленія протяженны. «Если весь матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ наше мышленіе, сознается протяженнымъ, то, говоритъ онъ, очевидно, и верховные законы нашего мышленія опираются на пространственный синтезъ» (стр. 97). Однако на слѣдующей страницѣ онъ говоритъ: «Намъ могутъ замѣтить, что мы примѣняемъ къ внѣпространственнымъ объектамъ законы мышленія, когда говоримъ о двухъ числахъ, что одно больше другого, о двухъ интенсивностяхъ ощущеній, что одна больше другой («солнце сегодня свѣтитъ ярче вчерашняго»), о двухъ промежуткахъ времени, что одинъ больше другого, но вѣдь не надо забывать, что мы здѣсь *абстрагируемъ* отъ протяженныхъ ощущеній и представлений, заполняющихъ данное время или соотвѣтствующихъ даннымъ количествамъ, а не *фактически мыслимъ* внѣ пространства» (стр. 98).

Итакъ, то, что абстрагировано отъ протяженныхъ ощущеній и само непротяженно, все же мыслится, какъ подчиненное законамъ тождества и противорѣчія; слѣдовательно, зависимость этихъ законовъ отъ пространства состоитъ не въ томъ, что всякій тождественный себѣ и непротиворѣчивый элементъ опыта долженъ быть протяженнымъ, а должна заключаться, вѣроятно, въ условіяхъ акта мышленія о предметѣ, напр. въ томъ, что актъ мысленной постановки элемента опыта (хотя бы и непротяженного), какъ тождественнаго себѣ, нуждается въ трехмѣрномъ пространствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, это второе возможное пониманіе тезиса автора ясно сквозитъ, напр., въ такихъ его доводахъ: «нельзя изъ отвлеченнаго анализа понятія **a** понять, что оно $=a$, если при этомъ не данъ пространственный синтезъ въ видѣ сопоставленія двухъ буквъ съ правой и съ лѣвой стороны знака равенства или двухъ звуковъ **a**, соединенныхъ произнесеніемъ слова «равно», и притомъ не только во времени, но и *идь-нибудь въ пространство, ибо вѣдь и звуки локализируются нами въ пространство*» (стр. 97, курсивъ автора). Въ такихъ доводахъ обнаруживается, какъ намъ кажется, въ высшей степени склонность автора принимать внѣшнія связи сосуществованія (актовъ мышленія о тождествѣ и пространственныхъ представленій) за глубокія функціональныя зависимости (иллюстраціею можетъ служить также резюме доводовъ о зависимости закона противорѣчія отъ трехмѣрной пространственной интуиціи, на стр. 107).

Положеніе автора особенно ухудшается тѣмъ, что глубокая функціональная связь между законами тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, съ одной стороны, и пространственнымъ синтезомъ, съ другой стороны, конечно, существуетъ, однако имѣетъ прямо противоположное направленіе, именно подчиненіе элементовъ опыта закону тождества и противорѣчія есть условіе возможности пространственнаго синтеза, а не наоборотъ: въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы былъ возможенъ пространственный синтезъ, необходимо уже имѣть множественность элементовъ $A B C D \dots$, изъ которыхъ каждый тождественъ себѣ и не противорѣчивъ. Эта дѣйствительно глубокая зависимость пространственнаго синтеза отъ тождества себѣ и непротиворѣчивости элементовъ опыта столь очевидна, отрицаніе ея столь немислимо, что мы желали бы истолковать изслѣдованіе автора, какъ попытку установленія *взаимной* зависимости пространствен-

наго синтеза отъ закона тождества и противорѣчія и, наоборотъ, закона тождества и противорѣчія отъ пространственного синтеза. Точку опоры для такого истолкованія мы надѣялись найти въ его «законѣ коммутативности формъ познанія», однако ссылка на этотъ законъ не можетъ помочь, — во-первыхъ, потому что, по ученію автора, онъ относится только къ формамъ познанія и къ тому же устанавливаетъ лишь «безразличіе порядка при дедукціи категорій», во-вторыхъ, потому, что все изслѣдованіе рассчитано на то, чтобы доказать *приоритетъ* пространственно-временныхъ формъ и категорій передъ законами тождества и противорѣчія, а не взаимозависимость между ними, и, наконецъ, въ-третьихъ, потому, что указываемая нами зависимость пространственного синтеза отъ закона тождества предполагаетъ пониманіе закона тождества въ духѣ аналитической формулы «А есть А», утверждающей *абсолютное тождество*, именно устанавливающей ту простую мысль, что «всякій элементъ опыта тождественъ себѣ», между тѣмъ какъ И. Лапшинъ отвергаетъ аналитическое пониманіе закона тождества. Формулу « $A=A$ » онъ рассматриваетъ, какъ «выраженіе синтетическаго акта мысли, которымъ подчеркивается *сходное въ различномъ*» (стр. 91). Въ этомъ пониманіи закона тождества, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать разгадку того, почему авторъ рѣшилъ утверждать приоритетъ пространства, времени и категорій передъ закономъ тождества и противорѣчія и посвятилъ цѣлое изслѣдованіе установкѣ этого своеобразнаго тезиса. Конечно, онъ долженъ былъ указать при этомъ, почему отвергаетъ законъ тождества, какъ чисто аналитическую формулу; онъ не забываетъ выполнить эту обязанность, однако соображенія, высказываемыя имъ, крайне неубѣдительны. Онъ полагаетъ, что законъ тождества, понятый какъ чисто аналитическая формула, приводитъ неизбежно къ провозглашенію невозможности никакого соединенія понятій, никакихъ сужденій, кромѣ тождесловій, «человѣкъ—человѣкъ», «растеніе—растеніе» (вродѣ того, какъ это дѣлали послѣдователи Антисеена). Намъ кажется, что бороться такимъ образомъ противъ аналитическаго пониманія закона тождества это все равно, что отрицать аксіому «цѣлое больше своей части» подъ тѣмъ предлогомъ, будто, принимая эту аксіому, намъ пришлось бы высказывать о вещахъ *только* такія сужденія, какъ «а больше $\frac{1}{2}$ а» и т. п. Авторъ возстаетъ также противъ аналитическаго пониманія закона тождества на томъ основаніи, „что абсолютное то-

жество есть понятіе самопротиворѣчивое, и потому рѣшительно нѣтъ надобности и даже совершенно невозможно, чтобы опытъ согласовался съ подобнымъ понятіемъ» (стр. 93); онъ ссылается при этомъ на Шубертъ-Зольдерна, который говоритъ, что «*абсолютное тожество—чистая бессмыслица*, такъ какъ не можетъ быть рѣчи о двухъ содержаніяхъ сознанія вообще, коль скоро они вовсе не подлежатъ различенію» (стр. 92). Мы полагаемъ, что эти заявленія основываются на одномъ изъ самыхъ губительныхъ недоразумѣній, какія только встрѣчались въ философіи. Утверждать абсолютное тожество всякаго элемента опыта *самому себѣ* это значитъ говорить не о *двухъ*, а объ *одномъ* содержаніи сознанія, какъ *тожественномъ себѣ*, и, если противники аналитическаго пониманія закона тожества заявляютъ, что «намъ никогда не могутъ быть даны *два* (курсивъ нашъ, Н. Л.) абсолютно тожественныхъ, наглядныхъ или воспроизведенныхъ представленія» (стр. 133), то это совершенно вѣрно, но къ дѣлу не относится, такъ какъ рѣчь идетъ не о двухъ, а объ одномъ представленіи, какъ тожественномъ себѣ.

Намъ замѣтить, можетъ быть, по этому поводу, что защищаемая нами формулировка закона тожества, согласно которой «всякій элементъ опыта тожественъ себѣ», есть святая истина, однако истина бесплодная; въ отвѣтъ на это мы напомнимъ, что такія наиобщія аксіомы всегда кажутся бесплодными просто потому, что безъ нихъ нельзя дышать, и, пользуясь ими на каждомъ шагу, мы не умѣемъ настолько абстрагировать ихъ отъ состава опыта, чтобы оцѣнить всю степень ихъ значенія; между прочимъ, пользуясь закономъ тожества въ его аналитическомъ значеніи, мы показали выше, что пространственный синтезъ немислимъ безъ множества соотносящихся элементовъ, изъ которыхъ каждый тожественъ себѣ; точно также не трудно показать, что *общеобязательность* даже и *единичныхъ* сужденій (напр., «пуля пробила доску насквозь») возможна лишь въ томъ случаѣ, если всякій элементъ опыта тожественъ себѣ (см. объ этомъ Н. Лосскій: «Обоснованіе интуитивизма», гл. «Необходимость, общеобязательность и всеобщность знанія»). Если согласиться съ этимъ, то надо будетъ признать, что задача, поставленная авторомъ, доказать зависимость законовъ формальной логики отъ пространства, времени и категорій, не выполнена имъ уже потому, что подъ закономъ тожества онъ разумѣетъ не тотъ законъ, который стоитъ во главѣ формальной логики.

Такимъ образомъ, мы вовсе не соглашаемся съ рѣшеніями вопросовъ, даваемыми авторомъ, но это не мѣшаетъ намъ усматривать въ его изслѣдованіи высокія достоинства, перечисленные нами выше. Надо замѣтить еще, что въ своей краткой рецензій мы не исчерпали, конечно, содержанія книги И. И. Лапшина; такъ, напр., одиннадцатая глава его изслѣдованія посвящена вопросу о «проблематическихъ объектахъ мысли» (въ особенности о математическомъ символизмѣ); въ качествѣ приложенія къ книгѣ даны двѣ интересныя статьи: «О трюсоности въ мышленіи» и «О мистическомъ познаніи и вселенскомъ чувствѣ».

Н. Лосскій.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи:

Brentano Franz. Untersuchungen zur Sinnespsychologie. Leipzig 1907. Стр. 161. Ц. 4 М. 20 Pf.

Weissfeld, M., dr. Kants Gesellschaftslehre. Bern 1907. Стр. 136. Ц. 1 М. 50 Pf.

Ефименко, А. Я. Исторія Украины и ея народа. Спб. 1907. Стр. 174. Ц. 50 к. Библ. «Общ. Пользы».

Hinneberg, Paul. Systematische Philosophie. T. I. (Die Kultur der Gegenwart.) S. VIII.+432. P. 10 М. въ перепл. 12 М. Berlin и Leipzig 1907.

Библіотека «Свѣточа» подъ ред. С. А. Венгерова.

Карѣевъ, Н. И., проф. Теорія личности П. Л. Лаврова. Съ портретомъ Лаврова. Спб. 1907. Стр. 64. Ц. 30 к.

Külpe, O. Immanuel Kant. Darstellung und Würdigung. Berlin. 1907. S. VII+152. P. 1, M. Съ портретомъ Канта.

Полянскій, Н. Н. Стачка рабочихъ и уголовный законъ. Спб. 1907. Стр. 407. Ц. 1 р. 50 к. Библ. «Общ. Пользы».

Свенцицкій, Вал. Религіозный смыслъ «Бранда» Ибсена. Спб. 1907. Стр. 31. Ц. 10 коп.

Спекторскій, Е. Очерки по философіи общественныхъ наукъ. Вып. I. Варшава 1907. Стр. VII+245. Ц. 1 р. 75 к.

Библіотека «Свѣточа» подъ ред. С. А. Венгерова.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М. Собраніе сочиненій. Часть I, съ портретомъ автора. Штундистъ Павелъ Руденко. Спб. 1907. Стр. XXXI+224. Ц. 1 р.

Шпеттъ Густавъ. Проблема причинности у Юма и Канта. Кіевъ 1907. Стр. II+207.

Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique—1906.

V. Bourdon. «L'effort».

По мнѣнію автора, умственное и нравственное усиленіе неразрывно связаны съ усиленіемъ мускульнымъ и носятъ, слѣдовательно, одинъ характеръ съ физическимъ усиленіемъ. Въ противопоставленіи внѣшняго міра нашему я усиленіе не играетъ роли.

G. Prévost. «La religion du doute».

Современная намъ религія неразрывна съ сомнѣніемъ, но сомнѣніе, въ свою очередь, можетъ стать исходнымъ пунктомъ своего рода религіи или доктрины, опредѣляющей наше положеніе во вселенной и отношеніе къ безконечному, и должно быть, слѣдовательно, разсматриваемо, какъ орудіе прогресса. Эта религія или доктрина, избѣгая давать Богу какое бы то ни было опредѣленное наименованіе, тѣмъ не менѣе приходитъ къ тому, что идея Божества есть своего рода идея Безконечнаго; что нѣтъ и не можетъ быть небытія, а существуетъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій и превращеній; и если доказано существованіе энергіи, неодаренной сознаниемъ, то отчего же не допустить подобное же существованіе энергіи, одаренной сознаниемъ; при чемъ, въ связи съ послѣднимъ допущеніемъ, даже безъ точнаго опредѣленія ожидающихъ человѣка превращеній, можетъ быть построена очень практичная и очень возвышенная система морали.

R. de Fursac. «L'avarice».

Изученіе скупости на основаніи многочисленныхъ наблюденій, или своего рода клиническое изслѣдованіе.

Скупость есть ненормальность духа, заключающаяся въ чрезмерной любви къ собственности ради собственности.

Элементарныя проявленія познанія, какъ-то: воспріятіе, память, ассоціаціи, вполне нормальны у скупого. Что же касается такихъ сложныхъ процессовъ познанія, каковы воображеніе, сужденіе и образованіе общихъ понятій, — скупой обнаруживаетъ въ нихъ свою несостоятельность, благодаря тому, что матеріальный интересъ является для него единственнымъ интересомъ въ жизни.

Въ области чувствъ наблюдается атрофія альтруистическихъ чувствованій; эгоистическія чувствованія тоже по преимуществу атрофированы, за исключеніемъ, конечно, сильно развитого чувства собственности.

Скупому присущи вполне сознательныя, произвольныя дѣйствія или же ставшія автоматичными въ силу привычки, но отнюдь не импульсивныя или внушенныя чужою волею. По отношенію къ внѣшнему міру онъ проявляетъ очень сильную волю и держитъ своихъ близкихъ въ подчиненіи, въ приобрѣтеніи собственности избѣгаетъ и страшится малѣйшаго риска. Съ нравственной точки зрѣнія поведеніе скупого предосудительно, такъ какъ наноситъ ущербъ соціальному, семейному и индивидуальному благополучію.

A. Lalande. «Pragmatisme et pragmatisme».

Авторъ обрисовываетъ подъ именемъ прагматизма философское направленіе Пирса и Джемса, отличительнымъ признакомъ котораго служитъ протестъ противъ философскаго дилетантизма, признаніе равноцѣнности научныхъ и философскихъ истинъ и признаніе абсолютнаго значенія обращенія къ опыту. Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ указываетъ, что наименованіе «прагматизмъ» принято Пирсомъ для обозначенія своего правовѣрнаго прагматизма въ отличіе отъ всѣхъ прагматическихъ разновидностей въ ученіи философовъ созданной имъ школы.

G. Palante. «L'ironie». Etude psychologique.

По своему происхожденію иронія можетъ быть скорѣе отнесена къ индивидуальнымъ, чѣмъ къ соціальнымъ чувствованіямъ, но сферой ея примѣненія служитъ преимущественно соціальная область. Источникомъ ироніи, какъ и смѣха, служитъ своего рода дуализмъ, несоотвѣтствіе между мыслью и дѣйствіемъ, областью идеальнаго и реальнаго, между умомъ и чувствомъ, отвлеченной мыслью и строго единичнымъ представленіемъ. Соціальная иронія есть лишь частный случай метафизической ироніи, которая покоится на основныхъ противорѣчіяхъ, присущихъ

нашей природѣ, вселенной или Божеству. Принципомъ ироніи, слѣдовательно, служитъ пессимизмъ. Отличительнымъ ея свойствомъ является преобладаніе интеллектуального элемента и до нѣкоторой степени интеллектуальный аристократизмъ.

Существованіе ироніи особенно оправдывается наличностью коллизій между индивидуальной и социальной совѣстью, и, тѣмъ не менѣе, иронія получаетъ различную нравственную оцѣнку, въ зависимости отъ умственного облика самихъ критиковъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что мы въ ней имѣемъ полезный противовѣсъ по отношенію ко всѣмъ крайнимъ формамъ развитія догматизма, евангелизма и морализма.

F. Paulhan. «Le mensonge du monde».

Основными законами, управляющими вселенной, служатъ: 1) законъ систематизаціи, согласно съ которымъ вселенная состоитъ изъ отдѣльныхъ системъ вполне законченнаго типа или же, въ состояніи развитія, или, наконецъ, въ состояніи распаденія. 2) Законъ исчезновенія, являющійся дополненіемъ къ первому въ качествѣ особой его разновидности; исчезновеніе, совершающееся вполне закономѣрно по достиженіи цѣлаго ряда восходящихъ, а затѣмъ и нисходящихъ ступеней развитія, не тождественно смерти, носящей чисто случайный характеръ. 3) Законъ противоположенія элементовъ и ихъ сочетаній: гармонія всегда покоится на дисгармоніи.

Это смѣшеніе систематизаціи и противоположенія характеризуетъ и явленіе міровой лжи. Всякая ложь заключаетъ въ себѣ противоположеніе реальности и выражаемой мысли, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится къ систематизаціи, стараясь скрыть эту дисгармонію.

Съ этой точки зрѣнія не только общество и всѣ его великія функціи, какъ-то: религія, искусство, наука, нравственность, являются ложью, такъ какъ создаютъ съ извѣстной цѣлью особый фиктивный міръ, примѣняя противоположеніе и систематизацію, но ложь можетъ быть усмотрѣна и въ мірѣ органическомъ, и даже физико-химическомъ.

F. Pillon. «Sur la philosophie de Renouvier».

Критическій анализъ сочиненія Gabriel Séaille «La philosophie de Charles Renouvier, Introduction à l'étude du néo-criticisme», 1905, въ которомъ авторъ ошибочно, по мнѣнію г. Пиллона, останавливается только на второмъ періодѣ философскаго раз-

витія Ренувье, считая одни только сочиненія этого періода настоящей, характерной для Ренувье философіей.

C. Ribéry. «Le caractère et le tempérament».

Указавъ на попытку классификаціи характеровъ, основанной на фізіологическихъ данныхъ темперамента, авторъ приходитъ къ тому выводу, что теперь, послѣ героическаго періода въ развитіи науки о характерахъ, настало, наконецъ, время для позитивнаго изученія характера.

Montmorand. «Hystérie et mysticisme. Le cas de sainte Thérèse».

Въ небольшой замѣткѣ авторъ подвергаетъ сомнѣнію истерію средневѣковыхъ мистиковъ, рассматривая, съ одной стороны, данныя изъ самонаблюденій Св. Терезы, заставляющія предполагать въ ней истерію, съ другой—доводы ея защитниковъ.

G. Compaugé. «Psychologie de l'adolescence».

Разбирая сочиненіе Stanley Hall, посвященное психологіи юношества, авторъ отмѣчаетъ богатство собраннаго въ немъ матеріала, но, на ряду съ достоинствами, отмѣчаетъ и недостатки, какъ-то: отсутствіе систематичности и логичности, пробѣлы (напр. по вопросу объ юношеской дружбѣ), преобладаніе не психологической, а физической точки зрѣнія и преувеличенное представленіе о цѣнности излагаемой психологической теоріи.

G. Belot. «Esquisse d'une morale positive».

Цѣль автора—дать сжатый очеркъ позитивной морали: онъ приводитъ необходимыя условія ея субъективнаго и объективнаго характера; указываетъ антиномію, заключающуюся въ двоякомъ отношеніи морали къ предписаніямъ, идущимъ извнѣ; отмѣчаетъ роль социальной идеи въ построеніи морали и кончаетъ признаніемъ глубокой практической и педагогической цѣнности подобной морали.

P. Gaultier. «Le rôle social de l'art».

Всякое произведеніе искусства, независимо отъ намѣреній художника и отъ сюжета, социальное уже само по себѣ: по природѣ, происхожденію и воздѣйствію на окружающихъ. Эстетическая эмоція немислима безъ симпатіи, безъ чувства общительности. И чѣмъ прекраснѣе художественное произведеніе, тѣмъ оно социальнѣе. Отсюда слѣдуетъ, что великъ лишь тотъ художникъ, которому не чуждо ничто человѣческое—и даже болѣе того—ничто живое. Но искусство не можетъ подчиняться

какой-нибудь внѣшней цѣли и художникомъ должны руководить не социологическія или нравственныя соображенія, а исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно—стремленія къ воспроизведенію и возбужденію въ другомъ человѣкѣ эстетической эмоции.

G. H. Luquet. «Note sur un cas d'association des idées».

Нѣсколько наблюденій примѣнительно къ явленію ассоціаціи идей: 1) ассоціированіе происходитъ не только между идеями, но также между впечатлѣніями и чувственными образами. 2) Въ ассоціаціи возможны промежуточные безсознательныя звенья. 3) Есть случаи ассоціаціи по сходству, не сводимые на ассоціацію по смежности. 4) Въ процессѣ ассоціаціи наблюдаются два момента: связываніе двухъ состояній сознанія и воспроизведеніе одного изъ нихъ при помощи другого, при чемъ второй моментъ возможенъ безъ наступленія перваго.

A. Naville. «La sociologie abstraite et ses divisions».

Подъ отвлеченной или чистой социологіей слѣдуетъ подразумѣвать науку, изслѣдующую естественныя законы отношеній между людьми. Сколько видовъ этихъ отношеній, столько должно быть и отдѣловъ социологіи или социологическихъ наукъ—противно общепринятой классификаціи, подраздѣляющей совершенно неосновательно социологію на экономическую, религіозную и эстетическую. Всѣ человѣческія отношенія могутъ быть сгруппированы въ слѣдующіе шесть главныхъ видовъ: 1) Совмѣстная дѣятельность. 2) Обмѣнъ. 3) Дарственное отношеніе (благотворительность). 4) Нанесеніе ущерба. 5) Власть (приказаніе и исполненіе приказанія). Изслѣдованіе каждой изъ этихъ группъ составитъ содержаніе особой социологической науки.

Th. Ribot. «Qu'est-ce qu'une passion?»

Терминъ *страсть*, имѣвшій въ психологіи широкое примѣненіе вплоть до Канта включительно, въ настоящее время почти совершенно изгнанъ изъ нея подъ вліяніемъ англичанъ. Цѣль даннаго изслѣдованія возстановить съ помощью данныхъ современной психологіи его значеніе.

Возникновеніе страстей обусловливается цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, каковы: 1) внѣшняя среда, раздраженіе, внушеніе; 2) физиологическое строеніе субъекта—его темпераментъ и характеръ.

Что касается содержанія страсти, она, какъ и другія проявленіе-

нія чувствъ, содержитъ въ себѣ двигательные, интеллектуальные и аффективные элементы. Кромѣ того, отличительными ея свойствами служатъ: наличность навязчивой идеи (*idée fixe*), продолжительность и интенсивность. Около навязчивой идеи, какъ центра, совершаются процессы ассоціаціи и диссоціаціи другихъ элементовъ. Слѣдующая стадія въ развитіи страсти характеризуется развитіемъ творческаго воображенія. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и участія логики, особенно логики чувствъ, а также двигательной силы.

M. Mauxion. «L'intellectualisme et la théorie physiologique des émotions».

Несмотря на кажущуюся противоположность, интеллектуалистическая теорія чувствованій Гербарта и его послѣдователей вполне согласуется съ физиологической теоріей эмоцій Ланге, Джемса, Рибо и можетъ служить прекраснымъ ея дополненіемъ. Дѣло въ томъ, что интеллектуалистическая теорія различаетъ *чувствованія*, сводимыя ею на отношенія между представленіями, и *аффекты* или иначе — эмоціи, немислимыя безъ извѣстныхъ органическихъ проявленій. Физиологическая теорія видитъ въ эмоціи одинъ только элементъ, объективное выраженіе котораго составляютъ извѣстныя физиологическія явленія, субъективное — сопровождающія ихъ ощущенія удовольствія и страданія; между тѣмъ, кромѣ этого элемента, составляющаго, такъ сказать, форму или выраженіе эмоціи, въ ней есть еще другой элементъ, отмѣчаемый, на ряду съ признаніемъ перваго, интеллектуалистической теоріей, а именно: первичное чувство, при возникновеніи эмоціи, удовольствія или страданія, сводимое къ гармоніи или противоположенію представленій.

Probst-Biraben. «Contribution du sofisme à l'étude du mysticisme universel».

По мнѣнію автора, изученіе христіанскаго мистицизма должно быть дополнено изслѣдованіемъ индійскаго и мусульманскаго мистицизма, что даетъ возможность произнести сужденіе объ универсальномъ мистицизмѣ.

B. Bourdon. «Sur le rôle de la tête dans la perception de l'espace».

Сообщеніе объ экспериментѣ, произведенномъ для выясненія участія нашего внутренняго уха въ воспріятіи пространства.

G. Compauré. «La pédagogie de l'adolescence».

Въ сочиненіи Stanley Hall «Adolescence, its psychology etc.»

собрано и по педагогическимъ вопросамъ много цѣннаго матеріала, не приведеннаго однако въ систему. Изъ многочисленныхъ наблюдений, указываемыхъ недостатковъ американскаго образованія и собственныхъ предначертаній, вытекаетъ, въ сущности, лишь одинъ строго обоснованный выводъ: вопреки установившейся американской практикѣ, для мальчиковъ и дѣвочекъ должно быть два различныхъ типа образованія.

A. Binet. «Les premiers mots de la thèse idéaliste». Опровергая исходную точку зрѣнія идеализма, рассматривающую матерію, какъ проявленіе сознанія, и пользуясь для этой цѣли сочиненіемъ Strong «Why the Mind has a Body», авторъ перечисляетъ выводы, вытекающіе изъ этого опроверженія и обнаруживающіе несостоятельность идеализма.

Th. Ribot. «Comment les passions finissent». Страсть прекращается слѣдующимъ образомъ: 1) постепенно ослабѣвая до полного исчезновенія вслѣдствіе измѣнившихся психологическихъ или физиологическихъ условій; 2) принимая совершенно другой характеръ при наличности у субъекта энергіи и подъ условіемъ возникновенія направляющей идеи или цѣли; 3) уступая мѣсто другой страсти, при чемъ такіе случаи полной, абсолютной замѣны очень рѣдки; 4) переходя въ безуміе, съ которымъ она имѣетъ много общаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличается кое-какими признаками, вслѣдствіе чего является возможность съ одинаковымъ правомъ и утверждать, и отрицать, что страсть есть уже безуміе; 5) кончаясь смертью—неизбѣжной, обусловленной характеромъ данной страсти или же—преднамѣренной, произвольно принятой, несмотря на инстинктъ самосохраненія.

L. Lévy-Brühl. «La morale et la science des moeurs». Отвѣтъ критикамъ, оспаривающимъ главное положеніе автора, замѣнишаго (въ своемъ сочиненіи *La morale et la science des moeurs*) теоретическую мораль наукой о нравахъ. По мнѣнію автора, его точка зрѣнія отнюдь не разрушаетъ морали, т. к. мораль рассматривается имъ, какъ функція всѣхъ другихъ социальныхъ установленій вмѣстѣ взятыхъ. Мало того, концепція науки о нравахъ и вытекающаго изъ нея нравственнаго рациональнаго искусства нисколько не препятствуетъ прогрессу, и высказываемая критиками опасенія объясняются ихъ нежеланіемъ признать наряду съ физической природой природу нравственную, какъ такую же объективную реальность.

J. Sageret. «La commodité scientifique et ses conséquences». Ссылаясь на сочиненія математика Poincaré «Наука и гипотеза» и «Цѣнность науки», авторъ указываетъ, что предметомъ науки является не понятіе абсолюта, какъ полагаютъ метафизики, а отношенія между общими повторяющимися явлениями и системы этихъ отношеній, согласно воззрѣнію позитивистовъ, при чемъ отношенія эти должны быть выражены *удобнымъ*, т.-е. соответствующимъ, наиболѣе приспособленнымъ образомъ. Идея удобства въ примѣненіи къ идеѣ научности нисколько не унижаетъ этой послѣдней, но она заставляетъ разграничить математическія науки отъ наукъ физическихъ и отнести математику къ области не наукъ, а искусствъ въ виду того, что математика не объектъ, а средство познанія.

G. L. Duprat. «Contre l'intellectualisme en psychologie». Возставая противъ интеллектуализма въ психологіи, авторъ дѣлаетъ попытку нарисовать картину умственного развитія, исходя изъ требованій жизнедѣятельности и противопоставляя понятіямъ Разума и Воли изъ метафизической психологіи первичныя стремленія и привычки.

Boerich. «L'attention spontanée dans la vie ordinaire et ses applications pratiques».

И съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія можно различать простое и сложное произвольное вниманіе, или иначе: примитивное и аперцептивное. Роль примитивнаго вниманія, возбуждаемаго какимъ-нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ на наши чувства, чрезвычайно велика въ практической жизни: не только въ жизни ребенка и дикаря, но и въ жизни культурнаго человѣка, ученаго, артиста. Примитивное вниманіе лежитъ въ основѣ всякаго обученія, искусства и наукъ. Примитивнымъ вниманіемъ пользуются шарлатаны, привлекающіе публику показными эффектами. На немъ же основано все первоначальное воспитаніе дѣтей. Примитивное вниманіе, прежде всего, возбуждаетъ своимъ творчествомъ и артистъ. Этотъ видъ вниманія подчиняется слѣдующимъ правиламъ: 1) чтобы вниманіе поддерживалось, необходимо послѣдовательное увеличеніе интенсивности или живости впечатлѣній; 2) при однообразныхъ впечатлѣніяхъ, между каждымъ предыдущимъ и послѣдующимъ впечатлѣніемъ необходимъ опредѣленный промежутокъ времени; 3) объектъ, которымъ предполагается возбудить вниманіе, долженъ

быть вполнѣ опредѣленъ; 4) полезно ассоціировать разнородныя впечатлѣнія, относящіяся къ одному и тому же объекту; 5) вниманіе подчиняется закону контраста.

Аперцептивнымъ называется то вниманіе, которое возбуждается въ насъ въ моментъ присоединенія къ прежнимъ понятіямъ и впечатлѣніямъ чего-нибудь новаго. Оно, слѣдовательно, всегда должно быть подготовлено. Искусство готовить аперцептивное вниманіе хорошо знакомо драматическимъ артистамъ, педагогамъ, государственнымъ дѣятелямъ, ораторамъ. На немъ построилъ все свое обученіе Руссо («Эмиль»). Правила аперцептивнаго вниманія слѣдующія: 1) присоединяемое къ прежнимъ новое понятіе можетъ не быть новымъ въ дѣйствительности, но казаться таковымъ; 2) новое понятіе должно быть однородно съ прежними, но не тождественно; 3) новыя понятія должны быть присоединяемы къ прежнимъ при помощи посредствующихъ звеньевъ; 4) между двумя высшими точками аперцептивнаго вниманія должно пройти опредѣленное время, чтобы не послѣдовало утомленія, которое можетъ помѣшать вниманію.

Chide. «La logique avant les logiciens».

Предполагая существованіе въ сознаніи человѣческомъ логики въ тѣ далекія времена, когда еще не было логиковъ, т.-е. еще до диспутовъ Сократа съ софистами,—мы этимъ самымъ приписываемъ своимъ отдаленнымъ предкамъ тотъ же интеллектуальный механизмъ, который составляетъ наше достояніе. Между тѣмъ, механизмъ этотъ выработался постепенно, и, насколько позволяетъ судить изученіе первобытныхъ арійскихъ языковъ, первоначально господствовалъ хаосъ, среди котораго постепенно выдѣлялись логическія категоріи.

Tassy. «Le sympathique et l'idéation».

Авторъ отмѣчаетъ тѣсную связь между процессами познанія и проявленіями симпатической системы.

F. Le Dantec. «Les objections au monisme».

Убѣжденный сторонникъ монизма, авторъ въ первой части статьи излагаетъ главныя положенія исповѣдуемаго имъ направленія, опровергая тѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ монизма дуалистами, — а затѣмъ предоставляетъ слово противникамъ, какъ напр. критику монизма — г. Vignon (*Revue de philosophie*) и др., изрѣдка лишь вставляя критическія замѣчанія.

Gautier. «Qu'est-ce que l'art?»

Реализація идеала не есть цѣль искусства: эстетическая дѣятельность произвольна и сама служитъ для себя цѣлью, подобно дѣятельности, проявляемой въ игрѣ, при чемъ существеннымъ признакомъ ея является творчество прекраснаго. Прекрасное же не объективнаго происхожденія, какъ предполагаютъ идеалисты и реалисты въ эстетикѣ, а субъективнаго, и сводится на эстетическую эмоцію, которая можетъ получать и объективное выраженіе. Итакъ, произведеніе искусства неразрывно связано съ эстетической эмоціей и, слѣдовательно, съ личностью художника, и постольку искусство идеально, т.-е. выше реального міра природы, изъ котораго, однако, щедрой рукой черпаетъ для своихъ цѣлей, представляя, такимъ образомъ, синтезъ природы и человѣческой чувствительности, одухотворяя природу, общая ей красоту.

R. de La Grasserie. «Les moyens linguistiques de condensation de la pensée».

Существеннымъ признакомъ *сжатія*—явленія, общаго всѣмъ мірамъ, а именно, космическому, физическому, нравственному и соціальному,—служитъ увеличеніе интенсивности. Противоположное сжатію явленіе разрѣженія тоже имѣетъ свои достоинства.

Сжатіе мысли достигается при помощи лингвистическихъ способовъ выраженія въ прозѣ и стихахъ, при помощи стилистическихъ приѣмовъ и, наконецъ,—искусственныхъ средствъ въ передѣлкахъ прозы въ стихи, историческаго сюжета въ романъ и драму и т. п. при чемъ въ переводахъ достигается обратный результатъ—разрѣженіе мысли.

Сообщая мысли большую силу, сжатіе не должно быть, однако, постояннымъ, чтобы не вызывать утомленія. Факторами явленій сжатія и разрѣженія служатъ воздѣйствія: времени, климата и характера націи. Сжатіе мысли всегда было прекраснымъ и цѣннымъ средствомъ запоминанія и усвоенія въ исторіи культуры всего человѣчества.

G. Dumas. «Les conditions biologiques du remords».

На основаніи приводимыхъ экспериментовъ надъ нервно-больными авторъ утверждаетъ, что чувство раскаянія зависитъ отъ органическихъ условій и состоянія нервной системы, вовсе не являясь неизмѣннымъ фактомъ нравственнаго сознанія.

F. Paulhan. «L'échange économique et l'échange affectif: le sentiment dans la vie sociale».

Въ общественной жизни, подобно экономическому обмѣну, совершается обмѣнъ аффективный, отличающійся отъ перваго большею неопредѣленностью. Экономическій обмѣнъ предполагаетъ оцѣнку сравнительной стоимости товара, аффективный связанъ съ опредѣленіемъ цѣнности того удовлетворенія, которое дается тѣмъ или другимъ чувствомъ; при чемъ многія услуги, составляющія, вообще, проявленіе чувства, могутъ приобрѣтаться и путемъ экономическаго обмѣна. Иногда чувство присоединяется къ экономическому обмѣну, видоизмѣняя его. Такимъ образомъ, аффективный обмѣнъ, несмотря на свою противоположность обмѣну экономическому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближается къ нему и, во всякомъ случаѣ, не лишень экономическаго элемента. Оба они, переплетаясь между собою, дополняютъ другъ друга, и оба, каждый-по своему, служатъ прогрессу.

W. M. Kozlowski «L'apriori dans la science».

Разсматривая апіорные элементы въ наукѣ, авторъ отмѣчаетъ прогрессъ въ основныхъ проблемахъ науки, заключающійся въ примиреніи антиноміи.

H. Bergson. «L'idée de néant».

Абсолютное *ничто* нельзя ни вообразить себѣ, ни помыслить и, слѣдовательно, нѣтъ соотвѣтствующаго ему понятія, а лишь одно наименованіе или псевдо-идея,—что очень важно себѣ уяснить для пониженія и разрѣшенія связанныхъ съ этимъ вопросомъ философскихъ проблемъ.

C. Bos. «Des éléments affectifs de la conception».

Усматривая участіе аффективныхъ элементовъ въ образованіи понятій, авторъ ставитъ его въ зависимость отъ принадлежности субъекта къ интеллектуальному или аффективному типу и высказываетъ предположеніе, что споръ номиналистовъ и реалистовъ можетъ получить разрѣшеніе именно на этой почвѣ: номиналисты, среди которыхъ было болѣе всего англичанъ, лишены аффективнаго элемента, оказывались склонными къ интеллектуальному схематизму, къ построенію концепта на основаніи преимущественно зрительныхъ отчетливыхъ образовъ, которые именно благодаря своей отчетливости мѣшаютъ *реальному* возникновенію концепта; реалисты же, принадлежа къ аффективному типу,

переживаютъ при построении концепта рядъ реальныхъ аффективныхъ состояній и вѣрятъ поэтому и въ реальное существованіе вызывающей ихъ причины.

Eugenio Rignano. «Théorie mnémonique du développement».

Изложеніе и критика теории Richard Semon, рассматривающей явленіе памяти въ связи съ эволюціей органической жизни.

Probst—Biraben. «L'extase dans le mysticisme musulman».

Психологическій анализъ мусульманскаго мистическаго экстаза.

Eugène Blum. «Le mouvement pédologique et pédagogique».

Обзоръ педологической и педагогической литературы за 1905 г.

Adrien Naville. «La morale conditionnelle».

Рациональная мораль условна, но подобное утверженіе не ведетъ къ ея отрицанію, а наоборотъ—къ признанію. Говоря объ условности морали, мы не должны смѣшивать мораль, какъ ученіе о средствахъ, съ моральной телеологіей или ученіемъ о цѣляхъ, которое покоится на психологіи. Такими цѣлями слу- жать: истина и наслажденіе.

Мораль безъ телеологіи немыслима, но одной телеологіи тоже недостаточно: надо не только представить себѣ идеалъ, но и знать, какъ его достигнуть. Мораль и есть не что иное, какъ общая теорія тѣхъ средствъ, которыя наилучшимъ образомъ ведутъ къ намѣченному идеальному цѣлямъ. Она, между прочимъ, отвѣчаетъ на слѣдующіе вопросы: 1) насколько долженъ человекъ считаться при выполненіи долга со своими отношеніями къ отдѣльнымъ личностямъ и группамъ? 2) Каково должно быть соотношеніе справедливости и милосердія? 3) Будетъ ли полнѣе достигнуть идеалъ (истина и наслажденіе) при индивидуализмѣ или при ограниченіи индивидуализма? 4) Какъ влияетъ на развитіе характера и природныхъ дарованій матеріальное обезпеченіе, освобождающее отъ заботы о кускѣ хлѣба? 5) Долженъ ли существовать правящій классъ или влияніемъ должна пользоваться избранная публика, независимо отъ происхожденія? и т. д.

На всѣ эти вопросы могутъ быть даны одни лишь условные отвѣты и, вообще говоря, мораль измѣнчива, моралей много, моральная же телеологія неизмѣнна и универсальна.

L. Dugas. «La fonction psychologique du rire».

Новая теорія смѣха, выдвигающая въ немъ на первый планъ элементъ психической импульсивности.

G. H. Luquet. «Logique rationnelle et psychologisme».

Критика сочиненія Couturat «La logique et la philosophie contemporaine», въ которомъ авторъ, убѣжденный сторонникъ интеллектуалистической или рационалистической логики, обрушивается на враждебнаго ему направленію теченія современной философской мысли, каковыми, по его мнѣнію, являются: психологизмъ, социологизмъ, морализмъ и прагматизмъ.

Victor Egger. «Une illusion visuelle».

Небольшая замѣтка о зрительной иллюзіи, переживаемой авторомъ при разсматриваніи съ извѣстнаго пункта комнаты отраженія въ зеркалѣ, находящемся подъ прямымъ угломъ къ библиотечному шкафу.

Gaston Richard. «Les obscurités de la notion sociologique de l'histoire. Sociologie et Axiologie».

Задавшись вопросомъ, возможна ли социологія безъ аксіологии, авторъ, на основаніи обзора новѣйшей социологической литературы (за 1905 г.), приходитъ къ выводу, что возможно примиреніе двухъ антиномій: объективнаго натурализма и субъективной философіи исторіи.

Revue de philosophie за 1906 г.

№ 1. **Emile Boutroux** «L'expérience religieuse de M. William James». Сочиненіе Джемса «The varieties of religions experience» представляетъ мастерски обрисованную психологію религіознаго сознанія.

Религіозный фактъ, по его мнѣнію, принадлежитъ области индивидуальнаго опыта, при чемъ религіозный опытъ, кромѣ чисто религіозныхъ фактовъ, содержитъ въ себѣ рядъ примыкающихъ къ нимъ физиологическихъ или патологическихъ явленій и внѣ-сознательныхъ фактовъ. Въ каждомъ религіозномъ чувствѣ и религіозномъ актѣ есть и метафизика, какъ-то: Богъ, Провидѣніе, безсмертіе; но суть религіи не въ ней, т.-к. она не первичнаго происхожденія, а—въ религіозномъ чувствѣ и т. п. проявленіяхъ религіознаго сознанія; съ исчезновеніемъ религіозной догмы сознаніе это останется, если только остальные условія его налицо. Истина религіозная совершенно другого характера, чѣмъ истина научная, но такъ же властно требуетъ себѣ признанія.

Психологическій анализъ Джемса будитъ мысль, вызывая немало глубокихъ философскихъ вопросовъ.

V. Delbos. «Léon Ollé-Laprune et son enseignement à l'École Normale».

Характеристика личности покойнаго профессора философіи Ollé-Laprune, его профессорской двадцатилѣтней дѣятельности въ Ecole Normale и читаннаго имъ въ 1896—1897 г. курса *о разумъ и рационализмъ*.

A. Eymieu «Comment l'idée incline à l'acte». Изученіе низшихъ, одноклѣточныхъ организмовъ, какъ, напр., лейкоцитовъ, а также—нервныхъ клѣтокъ показываетъ намъ, какимъ образомъ каждая идея при своемъ повтореніи вызываетъ и соответствующее ей дѣйствіе.

C. Boucaud. «L'initiative personnelle et l'autorité sociale» (Окончаніе).

Перечисливъ въ первой части всѣ свободы, необходимыя для полнаго расцвѣта человѣческой личности, авторъ во второй и послѣдней части даетъ очеркъ юридической эмбриологіи, т.-е. постепеннаго, сначала эмбриологическаго развитія индивидуума въ нѣдрахъ поглощающихъ его коллективныхъ массъ. Освобожденіе совершается постепенно. Помощь личности въ ея развитіи оказываютъ: 1) торговля, 2) греческая философія, 3) государство, 4) духовенство, 5) христіанство. Право становится гуманистичнымъ, индивидуальнымъ, хотя и не индивидуалистическимъ, такъ какъ личность не разрываетъ съ обществомъ и полный ея расцвѣтъ возможенъ лишь черезъ общество, при чемъ социальная власть является необходимымъ дополненіемъ личной, индивидуальной свободы. Но и власть общества, для блага индивидуумовъ, тоже нуждается въ ограниченіи, и эту послѣднюю задачу принимаетъ на себя государство. Политическія формы, въ которыя оно облакаетъ общество, должны однако согласоваться съ даннымъ социальнымъ состояніемъ, т.-е.—степенью развитія общества.

№ 2. **A. Sertillanges** «Agnosticisme, on anthropomorphisme?»

Разсматривая агностицизмъ, какъ реакцію противъ крайняго интеллектуализма, граничащаго съ антропоморфизмомъ, авторъ указываетъ, что истина находится въ серединѣ между этими двумя крайностями, и такіе вопросы, какъ—въ какой степени и какимъ именно образомъ доступно намъ познаніе Бога—лучше всего разрѣшаются при философской точкѣ зрѣнія св. Θомы.

S. Baille. «Genèse des premiers principes».

Очеркъ исторической эволюціи закона противорѣчія.

M. Gossard. «*Linéaments d'une synthèse scolastique des moeurs*».

Выставляя рядъ положеній изъ области этики, примыкающихъ, какъ къ исходной точкѣ, къ понятію Божества, авторъ высказываетъ увѣренность, что его очеркъ науки нравовъ остается синтезомъ этическихъ понятій даже въ томъ случаѣ, если выставленнымъ имъ положеніямъ будетъ приписано значеніе гипотезъ.

J. Gardair.—A. Charousset. «*La formation des idées*».

Продолженіе ведущейся съ М. Vernies на страницахъ журнала полемики по вопросу о происхожденіи идей.

№ 3. **F. Mentré,** «*Qui a découvert les phénomènes dits inconscients?*»

Изложеніе теоріи безсознательныхъ душевныхъ явленій Мэнъ-де-Бирана съ указаніемъ его предшественниковъ по данному вопросу, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣваетъ, забытый въ свою очередь послѣдующими психологами.

J. Bulliot. «*Pour lire M. Poincaré*». (Не окончено).

Критика сочиненій Poincaré: «*La Science et l'Hypothèse*» и «*La Valeur de la Science*» съ цѣлью доказать, что между философіей и наукой нѣтъ болѣе непроходимой пропасти, что безъ философіи немыслима и философія наукъ, и что задача философіи все еще состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись богатыми современными научными данными, дать свое собственное широкое построеніе, произвести синтезъ—требованіе, невыполненное сочиненіями М. Poincaré при всѣхъ ихъ научныхъ достоинствахъ.

E. Tassy. «*Esquisse de l'Activité intellectuelle*».

Очеркъ интеллектуальной дѣятельности въ нѣкоторыхъ основныхъ ея элементахъ съ психо-физиологической точки зрѣнія.

Comte Domet de Vorges. «*La philosophie médiévale d'après M. Picavet*».

Критика сочиненія г. Пикавэ, посвященнаго анализу средне-вѣковыхъ философскихъ ученій съ точки зрѣнія ихъ теодицеи и теологии.

№ 4. **F. Warrain.** «*La Triade de la Réalité*».

Наше познаніе представляетъ въ своей основѣ тройкій корень, состоящій изъ противоположеній: сходства и различія, активности и пассивности, единства и множества.

D-r José Ingegneros. «*La psychophysiologie du langage musical*».

Задавшись цѣлью построить психо-физиологію языка музыки,

авторъ предварительно рассматриваетъ психо-физиологію членораздѣльной рѣчи и сравниваетъ членораздѣльную рѣчь съ языкомъ музыки. Затѣмъ онъ останавливается на основныхъ функціяхъ этого языка, указываетъ соотвѣтствующіе имъ нервныя центры, отмѣчаетъ вліяніе музыкальнаго воспитанія на различные музыкальные типы и заканчиваетъ упоминаніемъ объ анатомической локализациі указанныхъ нервныхъ центровъ.

G. Bertier. «La beauté rationnelle».

По словамъ автора, заимствующаго развиваемыя имъ идеи изъ сочиненія Souriau «La beauté rationnelle», въ эстетикѣ—совершенно такъ же, какъ и въ логикѣ, наукѣ, морали—рѣшающее слово принадлежитъ разуму и съ этой точки зрѣнія красота должна быть опредѣлена, какъ очевидное совершенство.

№ 5, 6. **W. James.** «Le Pragmatisme».

По мнѣнію Джемса принципъ прагматизма, заимствованный имъ у американскаго философа Пейрса и нѣсколько иначе только формулированный, представляетъ наиболѣе вѣрный путь къ истинѣ, такъ какъ при помощи его разрѣшаются всѣ противорѣчія.

Baron Charles Mourre. «La Dualité du moi dans les sentiments».

Авторъ полагаетъ, что въ составъ чувствованія кромѣ эмоций входитъ еще идейный факторъ, а именно: идея противоположенія своего я своему же прошлому или будущему я. Для подтвержденія своей мысли онъ подробно разбираетъ слѣдующія чувствованія: честолюбіе, чувство мести, любовь, эстетическое чувство, чувство смѣшного; къ нимъ онъ присоединяетъ религиозное чувство, ненависть, зависть, страхъ, робость, стыдъ, и отмѣчаетъ, что въ чувствѣ скуки указанное противоположеніе, хоть и смутно, но все же сознается. Въ заключеніе авторъ останавливается на выясненіи отношенія ощущенія къ чувствованію, что даетъ возможность точнѣе опредѣлить характеръ выставленнаго имъ противоположенія.

F. Warrain. «Les principes des mathématiques de M. Couturat et la Métaphysique».

Анализируя послѣднее сочиненіе Couturat по философіи математики «Les principes des mathématiques» и отмѣчая его связь съ метафизикой, авторъ разбираетъ слѣдующіе вопросы: отношеніе математики къ понятію количества, къ пространству и

времени; роль числа въ математикѣ, порядковыхъ отношеній и значеніе геометрии.

R. Meunier. «Une hygiène philosophique. Le végétarisme».

Вегетарианизмъ имѣетъ за собой извѣстныя преимущества, рассматриваемый съ химической, физиологической, психологической и эстетической точекъ зрѣнія; хотя онъ и не чуждъ многихъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе представляетъ вполне разумный режимъ, не могущій, однако, рассчитывать на широкое распространеніе.

J. Gardair. «L'Être divin».

Авторъ подвергаетъ критикѣ тезисъ M. Sertillange о непознаваемости Бога въ его статьѣ *Agnosticisme ou Anthropomorphisme* (№ 2), ссылаясь на тотъ источникъ, на который опирается и M. Sertillange, т.-е. на ученіе св. Θомы.

C. Dessoulavy. «Le Dieu fini».

Передавъ содержаніе сочиненія г. Шиллера (*Riddles of the sphinx*, 1894) и остановившись на его тезисѣ о конечности Бога, авторъ отмѣчаетъ несостоятельность противоположнаго взгляда, выдвигающаго понятіе абсолютной безконечности.

№ 7. **G. Chatterton—Hill.** «La Physiologie morale».

Истинная, т.-е. вполне здравая, физиологическая мораль можетъ осуществиться лишь при условіи соціальной интеграціи. Между тѣмъ, въ настоящее время наблюдается полнѣйшая дезинтеграція на ряду съ расцвѣтомъ индивидуализма, что въ достаточной степени подтверждается постепеннымъ увеличеніемъ числа самоубійствъ и нигилистическихъ ученій, при чемъ дезинтеграція эта, какъ показываетъ статистика, находится въ зависимости отъ слабости религіозныхъ, политическихъ и семейныхъ узъ.

E. Varon. «Le Psychisme inférieur».

Теорія проф. Грассэ (*L. Grasset, Le Psychisme inférieur*), признающая наличность низшихъ проявленій психической дѣятельности, по своему значенію заслуживающихъ безспорнаго вниманія, поддающихся анализу и классификаціи и отвѣчающихъ извѣстнымъ нервнымъ центрамъ, — прекрасно объясняетъ такія явленія, какъ ценестезическія расстройства, болѣзни личности и т. п., отличается большой ясностью и убѣдительностью и затрагиваетъ много интересныхъ вопросовъ.

№ 8. **A. de Gomer.** «Le problème moral et la science».

Въ итогъ своей статьи авторъ приходитъ къ слѣдующимъ

выводамъ: новое теченіе въ морали 1) отличается увѣренностью въ возможности построить науку человѣческой дѣятельности, не уступающую въ точности физическимъ наукамъ, 2) предполагаетъ на фундаментѣ этой науки создать рационально-нравственное искусство, исходя изъ улучшеній, требуемыхъ коллективнымъ нравственнымъ сознаниемъ. Въ дѣйствительности же различіе индивидуальностей мѣшаетъ обобщенію и установленію строго научныхъ данныхъ. Что же касается второго положенія, новая школа морали очевидно не отдаетъ себѣ отчета въ противорѣчій между отрицаниемъ нравственной отвѣтственности, вытекающимъ изъ научнаго обоснованія человѣческихъ дѣйствій, и—стремленіемъ къ усовершенствованію путемъ приспособленія къ требованіямъ коллективнаго нравственнаго сознанія.

Для каждаго не предубѣжденнаго ума остается вполне очевидной необходимость разграниченія области науки и искусства. Предложенная концепція морали, какъ науки, исключающая признаніе свободы воли, долга и нравственной отвѣтственности, есть, прежде всего, фикція, такъ какъ совершенно не отвѣчаетъ реальному нравственному сознанію, данному намъ въ опытѣ. Затѣмъ, она никогда не будетъ въ состояніи создать искусства хорошаго, нравственнаго поведенія, не допустивъ предварительно его обязательности. Наконецъ, невозможно признать, чтобы усовершенствованіе могло быть слѣдствіемъ доктрины, вычеркивающей понятіе долга.

A. D. Sertillanges. «Agnosticisme ou anthropomorphisme».

Авторъ отстаиваетъ выставленный имъ въ статьѣ подъ этимъ же названіемъ (№ 2) тезисъ о непознаваемости Бога, анализируя доводы своего критика М. Gardair (№ 6) и снова возвращаясь къ положеніямъ св. Θомы.

X. Moisant. «Le merveilleux en psychologie».

Анализируя работу по психологіи мистиковъ отца Poulain (R. P. Auguste Poulain, Des Grâces d'oraison, traité de Théologie mystique, 1906), авторъ отмѣчаетъ громадныя ея достоинства, изъ которыхъ на первый планъ могутъ быть выдвинуты слѣдующія: 1) данная работа, устанавливая правильный взглядъ на душевное состояніе мистиковъ, тѣмъ самымъ опровергаетъ патологическія теоріи мистицизма, надѣляющія мистиковъ полнѣйшимъ безволіемъ; 2) благодаря удачному опредѣленію мистическаго воссоединенія и тонкому правдивому анализу, указанное

сочиненіе является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о мистицизмѣ, прекраснымъ руководствомъ для изученія психологіи христіанскихъ мистиковъ.

№ 9. E. Mallet. «La philosophie de l'action.

Задача автора—раскрыть внутреннюю основную тенденцію новаго философскаго теченія, а именно—философіи дѣйствія, ограничиваясь предѣлами Франціи и въ ней—временемъ появленія сочиненія Blondel *о Дѣйствіи* (1893 г.). Съ этой цѣлью авторъ останавливается на разсмотрѣніи: 1) точнаго и опредѣленнаго смысла предпріятія, заключающагося въ *философіи дѣйствія*, независимо ни отъ какихъ полемическихъ замѣчаній; 2) метода философіи дѣйствія и его значенія; 3) выгоды, извлекаемой апологетикой изъ новаго философскаго теченія. Въ заключеніе авторъ указываетъ, что философія дѣйствія можетъ быть названа *католической философией*.

F. Mentré. «La philosophie des sciences d'après Cournot».

Въ настоящее время, среди философскихъ теченій обнаруживается сильное движеніе въ пользу философіи наукъ. Наблюдается влеченіе, отчасти объясняемое модой, философовъ къ наукѣ и ученыхъ къ философіи; но ихъ задача, прежде всего, должна заключаться въ томъ, чтобы не смѣшать эти двѣ области, не причинить невольнаго ущерба,—и наилучшимъ руководителемъ подобающей тактики можетъ быть въ этомъ случаѣ названъ Cournot, заложившій основы философіи наукъ. Cournot даетъ опредѣленіе науки и философіи, и ихъ взаимоотношеній. По его мнѣнію, философскій и научный элементъ, несмотря на коренное различіе, прекрасно дополняютъ другъ друга въ естественномъ развитіи интеллектуальной дѣятельности; въ подтвержденіе своего мнѣнія Cournot ссылается на исторію. Вся его дѣятельность, всѣ сочиненія вращаются вокругъ этой основной идеи—выясненія взаимоотношеній науки и философіи. На основаніи его ученія слѣдовало бы уничтожить установившуюся нелѣпую связь философіи съ *словеснымъ факультетомъ*. Другая заслуга Cournot заключается въ томъ, что онъ съ большой точностью разграничилъ область философіи и свелъ ее, въ сущности, къ метафизикѣ, основанной на наукѣ.

№ 10. Paul Gaultier. «La critique d'art».

Будучи воплощеніемъ эстетической эмоціи художника, произведеніе искусства не поддается чисто интеллектуальной кри-

тикѣ, независимой отъ возбужденныхъ чувствъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ отказываться совсѣмъ отъ критики, замѣняя ее субъективными впечатлѣніями: эстетика способна формулировать извѣстные правила, соблюденіе которыхъ явилось бы условіемъ красоты. Такимъ образомъ, возможна критика произведеній искусства, одинаково далекая и отъ догматизма, и отъ импрессионизма, опирающаяся на эстетическую эмоцію и допускающая извѣстную закономерность въ ея воплощеніи.

F. Baudin. «La philosophie de la Foi chez Newman» (№ 6—10).

Оригинальность Ньюмана въ его философіи вѣры заключается какъ въ постановкѣ самой проблемы вѣры, такъ и въ рѣшеніи ея. Отъ общей теоріи вѣрованія онъ переходитъ къ религіозному вѣрованію и рассматриваетъ его съ психологической, апологетической и теологической точекъ зрѣнія. Психологическій анализъ Ньюмана превосходенъ, философія же вызываетъ возраженія. Его экспериментальная теорія вѣрованія является не позитивизмомъ, а догматизмомъ, будучи пристегнута къ предвзятой идеѣ—признанію фидеизма, прежде всего какъ потребности къ вѣрованію, а затѣмъ уже, какъ доктрины.

Критика, которой Ньюманъ подвергаетъ разумъ, и попытка построения систематическаго интуиціонизма и фидеизма должны быть признаны неудачными.

Его фидеизмъ вѣры отличается субъективностью. Въ своемъ анализѣ вѣры Ньюманъ выясняетъ взаимоотношенія вѣры и разума. Его апологетика выражена имъ въ *религіозномъ прагматизмѣ*, т.-е. оправданіи вѣры, какъ личнаго религіознаго опыта и въ *философіи символа вѣры*, т.-е. оправданіи ея уже какъ системы позитивныхъ вѣрованій. Религіозный прагматизмъ оказывается аффективнымъ, романтическимъ догматизмомъ; но истинная вѣра, по мнѣнію Ньюмана, есть нѣчто большее, чѣмъ индивидуальная или социальная проблема, основанная на инстинктѣ—индивидуальномъ или социальномъ и нуждается поэтому во второй апологетикѣ—философскомъ обоснованіи. Но приводимая имъ апологетика не можетъ быть признана достаточной, удовлетворительной.

Такимъ образомъ, вся его система должна быть названа неудачнымъ опытомъ фидеистической философіи. Но помимо системы, остается Ньюманъ, какъ психологъ и какъ гениальный психологъ. Величайшее его заблужденіе заключалось въ томъ, что онъ думалъ обойтись безъ философіи въ изученіи вѣры.

№ 11 J. Gardair. *La connaissance de Dieu.*

Полемическая статья (въ отвѣтъ на статью М. Sertillange «Agnosticisme ou anthropomorphisme». № 8) по поводу непознаваемости Бога, съ новыми ссылками на философію св. Оомы.

G. Guéutin. «Le libre arbitre».

Перебирая различныя пониманія свободы воли и различныя виды детерминизма, какъ-то—механической, біологической, психологической въ примѣненіи: 1) къ животному, 2) къ человѣку, авторъ утверждаетъ свободу воли въ смыслѣ свободы безразличія, какъ способность вести нравственную борьбу и, въ итогѣ своей статьи, приходитъ къ выводу, что вопросъ о свободѣ воли можетъ быть рѣшенъ лишь за предѣлами науки и психологіи, такъ какъ идея нравственной человѣческой личности, на которую опирается свобода воли, есть метафизическое построеніе.

Abbé Gayraud. «Marcel Hébert: L'évolution de la foi catholique».

Критика философскаго сочиненія Marcel Hébert, разсматривающаго католическое христіанство, какъ одинъ изъ интересныхъ и богатыхъ моментовъ эволюціи человѣческаго сознанія, уступающій въ настоящее время свое мѣсто социализму. По мнѣнію критика, христіанство не можетъ быть продуктомъ эволюціи человѣческаго сознанія и, кромѣ того, оно далеко отъ распада и исчезновенія, такъ какъ Христосъ до сихъ поръ вѣнчаетъ и мысль человѣческую, и сознаніе, и нравственность, наконецъ—всю цивилизацію и исторію.

№ 12. Comte Domet de Vorges. «Dieu infini».

Приводя взгляды Ст. Милля и, изъ новѣйшихъ философовъ, г. Шиллера—на конечность Божества и высказываясь въ пользу безконечности, авторъ указываетъ, что признаніе Бога конечнымъ подрываетъ христіанство: если Богъ конеченъ, то онъ не всемогущъ, не абсолютно совершененъ и справедливъ и т. п.

A. D. Sertillanges. «La connaissance de Dieu».

Отвѣтъ на статью М. Gardair (№ 11).

Alex. Véronnet. «La Matière, les Ions, les Electrons».

Научная статья по электричеству (не окончена).

Gabriel Cazals. «Une conception nouvelle de la Personnalité».

Критика сочиненія М. Bazaillas «la vie personnelle», въ которомъ авторъ противопоставляетъ сознаніе разуму и указываетъ,

что построения разума искажаютъ духовную реальность или личность.

G. de Pascal. «Revue critique de sociologie».

Небольшая замѣтка по поводу распространения идей социализма.

N. Vaschide et R. Meunier. «La mémoire des rêves et la mémoire dans les rêves» (№ 10 и 12).

Эта статья приводитъ богатую литературу и множество экспериментальныхъ данныхъ по вопросу о памяти на сновидѣнія и во время сновидѣній, какъ занимающему видное мѣсто въ психологіи сновидѣнія, при чемъ отмѣчается: 1) что лучше всего запоминаются тѣ сны, во время которыхъ происходитъ пробужденіе и 2) что воспоминаніе о какомъ-нибудь снѣ во время сновидѣнія есть явленіе самовнушенія.

В. Волковичъ и З. Столица.

Извѣстія и замѣтки.

Съ 20 іюня по 20 августа сего года при Педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ (Соляной городокъ) организуются кратковременные педагогическіе курсы (изученіе человѣка, какъ предмета воспитанія) для учителей, родителей и всѣхъ интересующихся вопросами воспитанія. На курсахъ будутъ читаться лекціи по экспериментальной и педагогической психологіи (18 лекцій), индивидуальной психологіи (ученіе о характерахъ—10 лекцій), психо-физиологіи органовъ чувствъ (5 лекцій), физиологіи и анатоміи нервной системы (18 лекцій), патологической педагогикѣ (воспитаніе ненормальныхъ и отсталыхъ дѣтей—10 лекцій), школьной гигиенѣ (6 лекцій), исправленію недостатковъ дѣтской рѣчи (6 лекцій). Кромѣ того для слушателей будутъ организованы практическія занятія по экспериментальной психологіи, бесѣды по вопросамъ педагогики (о психологическихъ основахъ воспитанія и преподаванія) и научно-педагогическія экскурсіи. Читать лекціи будутъ профессора Педагогическихъ Курсовъ: В. И. Вартановъ, А. С. Грибоѣдовъ, Н. П. Гундобинъ, А. А. Крогіусъ, А. Ф. Лазурскій, А. П. Нечаевъ, Д. В. Фельдбергъ и др. Практическія занятія будутъ вестись подъ руководствомъ А. П. Нечаева въ лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи.

Запись на курсы принимается и справки относительно ихъ выдаются въ лабораторіи Эксп. Педагогич. Психологіи въ Петербургѣ (Соляной Городокъ, Фонтанка, 10, секретарю комиссіи по устройству курсовъ). Лично ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 12 до 4-хъ ч.

Заявленіе, внесенное группой студентовъ въ Совѣтъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета ¹⁾.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Собраніе ²⁾ студентовъ С.-Петербургскаго университета, состоявшееся 28-го марта 1907 г., по выслушаніи доклада студента А. Л. «О расширеніи преподаванія психологіи въ Университетѣ», постановило:

«Признавая современную постановку изученія психологіи въ русскихъ университетахъ вообще, а въ С.-Петербургскомъ въ частности, неудовлетворительной, мы высказываемся:

1) за желательность расширенія преподаванія психологіи въ университетѣ;

2) за необходимость дать возможность студентамъ, желающимъ сосредоточить свои силы на изученіи психологіи, свободно выбрать желаемый циклъ наукъ (образованіемъ при историко-филологическомъ или естественномъ факультетѣ психологической группы, какъ единственнымъ выходомъ при дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ);

3) за то, чтобы этотъ вопросъ былъ поднятъ въ профессорской корпорации и былъ по возможности скорѣе разрѣшенъ въ указанномъ смыслѣ.

Собраніе надѣется, что всѣ гг. профессора, сочувствующіе этому дѣлу, будутъ содѣйствовать проведенію его въ жизнь.

Собраніе поручаетъ группѣ студентовъ, отъ имени которой былъ прочитанъ докладъ, представить эту резолюцію въ совѣтъ профессоровъ вмѣстѣ съ мотивированной объяснительной къ ней запиской.

Объяснительная записка.

Исполняя порученіе собранія, мы считаемъ нужнымъ изложить тѣ мотивы, которые легли въ основаніе резолюціи.

За послѣднее время среди студенчества обнаружился сильный

¹⁾ Въ заявленіе вошли: резолюція собранія студентовъ и объяснительная записка къ ней.

²⁾ На которомъ присутствовали гг. профессора: Бодуэнъ-де-Куртензъ, Н. Е. Введенскій, приватъ-доцентъ академикъ Лаппо-Данилевскій, пр.-доц. Лосскій, Розенбахъ, Нецаевъ, Вознесенскій и Сперанскій.

интересъ къ психологіи и стремленіе къ болѣе глубокому изученію ея. Источникъ этого стремленія лежитъ въ громадномъ значеніи психологіи для разныхъ областей жизни и знаній.

Несомнѣнно, что *педагогика*, какъ цѣлесообразное вліяніе на жизнь ребенка, всецѣло основана на психологіи. Общіе принципы методики обученія, вопросы о культурѣ памяти, вниманія, интеллекта, о значеніи навыковъ, о воспитаніи воли и т. п. очевидно представляютъ по своей сущности вопросы психологическіе.

Въ послѣднее время съ развитіемъ экспериментальной психологіи особенно настойчиво выдвигается вопросъ о значеніи для педагогики послѣдней, такъ какъ она даетъ намъ въ педагогическихъ вопросахъ идеаль точности и доказательности изслѣдованія. «Современная педагогика должна быть основана на наблюденіи и опытѣ» (Бинэ и Анри).

При этомъ умѣстно вспомнить, что едва ли не большинство оканчивающихъ университетъ идетъ въ учителя.

Безусловно также необходима психологія и для *медицины*, въ особенности при изученіи физиологіи центральной нервной системы и органовъ чувствъ, а равнымъ образомъ для психіатріи и нервной патологіи. Кромѣ того знаніе психологіи можетъ способствовать большому уясненію этиологіи болѣзней и даже терапіи ихъ. «Я едва ли преувеличу, если скажу, что число заболѣваній, повидимому тѣлесныхъ, а въ дѣйствительности обусловленныхъ примарными психическими вліяніями, по крайней мѣрѣ, столь же велико, какъ и число дѣйствительно соматическихъ заболѣваній» (Ад. Штрюмпель, извѣстный клиницистъ). Здѣсь нельзя умолчать о томъ, что часть студентовъ университета переходитъ на медицинскій факультетъ.

Поворотъ въ *криминалистикъ*, который выразился въ требованіи изучать не преступленіе, а преступника, выдвинулъ громадную роль психологіи для теоріи уголовной отвѣтственности. Физиологическая психологія, статистика, антропологія—вотъ тѣ новые научные пути, на которыхъ создается обновленное изученіе преступленія» (Тардъ).

Изъ послѣдняго видно, что въ развитіи психологіи нуждается не только наука, но и практическія потребности государства. Роль психологіи въ практикѣ адвоката, судьи, старающихся понять обстановку преступленія, не требуетъ поясненія.

Коснемся значенія психологіи и въ другой отрасли юридиче-

скихъ наукъ—*общей теоріи права*; для этого достаточно сослаться на то направленіе въ послѣдней, которое считаетъ существомъ права психическіе процессы, а методомъ науки права—психологическій методъ (проф. Петражицкій).

Не лишне замѣтить, что около половины студентовъ С.-Петербургскаго университета—юристы.

Область *историческаго знанія* также обращается за помощью къ психологіи. Напомнимъ только о спорѣ между двумя теченіями въ исторической наукѣ, изъ которыхъ одно сводитъ почти все къ психологіи, а другое не придаетъ ей такого рѣшающаго значенія.

Въ этой области особенно велико значеніе сравнительной психологіи (въ объясненіи явленій языка, мѣа и религіи).

Также нельзя сомнѣваться, что изученіе душевныхъ явленій со стороны ихъ состава и взаимнаго вліянія имѣетъ огромное *философское* значеніе—для теоріи познанія, этики, эстетики и т. д. (проф. А. И. Введенскій).

Перечисленными примѣрами далеко не исчерпывается все практическое и теоретическое значеніе психологіи, но мы думаемъ, что они дѣлаютъ вполне законнымъ и обоснованнымъ стремленіе группы студентовъ отдаться специально изученію психологической науки.

Это стремленіе тщетно разбивается о крайнюю неудовлетворительность преподаванія психологіи въ русскихъ университетахъ.

Психологія въ нихъ читается только какъ общій курсъ, чѣмъ самымъ исключается возможность психологической спеціализаціи. Психологія причислена къ историко-филологическому факультету, между тѣмъ она по своему современному опытному направленію не можетъ ограничиться однимъ только историко-филологическимъ факультетомъ: она требуетъ для себя многихъ естественныхъ наукъ и прежде всего психологической лабораторіи. Такимъ образомъ, психологія въ своемъ быстромъ развитіи переросла тѣ рамки, которыя были ей поставлены въ нашихъ университетахъ официальными планами. На пути развитія психологіи въ нашихъ университетахъ лежатъ серьезныя препятствія.

Имѣющіяся въ Россіи три-четыре университетскія психологическія лабораторіи дали намъ мало; рѣдкія работы, вышедшія изъ этихъ лабораторій, принадлежатъ почти исключительно ихъ руководителямъ-профессорамъ, а не студентамъ. Причина та-

кого неутѣшительнаго явленія прежде всего, конечно, невозможность для студентовъ специализироваться по психологіи.

Студентъ не можетъ отдаться какъ слѣдуетъ психологическимъ работамъ, потому что тѣ отнимаютъ массу времени, а на него взвалена необходимость выбирать себѣ какую-нибудь предусмотренную официальными планами специальность и изучать тѣ предметы, которые никакого непосредственнаго отношенія къ психологіи не имѣютъ. Предметная система въ этомъ отношеніи дала намъ очень мало.

Въ данное время въ университетѣ уже довольно опредѣленно намѣтилась группа студентовъ, рѣшившихся специализироваться по психологіи. Послѣ долгихъ исканій эта группа пришла къ ясному сознанию своихъ задачъ: она выработала для себя планъ занятій (онъ былъ одобренъ собраніемъ студентонъ, съ участіемъ гг. профессоровъ), который и позволяетъ себѣ представить на авторитетное разсмотрѣніе гг. профессоровъ.

Какія же науки нужны для спеціальнаго изученія психологіи?

Въ настоящее время рѣзкія границы, существовавшія между различными науками, начинаютъ постепенно сглаживаться, съ другой стороны, каждая наука распадается на массу подотдѣловъ. Поэтому при спеціальномъ изученіи психологіи нельзя ограничиться одной только психологіей, но необходимо знаніе многихъ и другихъ наукъ, поэтому и сама психологія разбивается еще на подотдѣлы.

Современная психологія приняла за общее правило, что каждому психическому процессу соответствуетъ строго опредѣленный физиологическій процессъ, который слѣдуетъ открыть и объяснить на общихъ естественно-научныхъ основаніяхъ (Гефдингъ).

Отсюда ясно, что для психолога необходимо знаніе *физиологій*. Въ свою очередь физиологія требуетъ для обстоятельнаго знакомства съ нею понятія объ *анатоміи* и *гистологій*, которое должно быть включено въ циклъ наукъ, нужныхъ для психолога.

«Примемъ во вниманіе, что, «душевная жизнь развивается рядомъ съ извѣстными физическими и химическими условіями»... (Гефдингъ)—почему для психолога обязательны общіе курсы *физики* и *химіи*; «она развивается при посредствѣ цѣлаго ряда ступеней, изъ которыхъ низшая и высшая взаимно освѣщаютъ другъ друга... Жизнь сознанія обозначаетъ высшую форму жизненнаго развитія, она показываетъ намъ высшія формы, въ кото-

рыхъ живыя существа вадуть великую борьбу съ міровыми условіями и въ этой борьбѣ раскрываютъ свою природу» (Гейдингъ).

Такимъ образомъ, чтобы лучше понять природу нашей души, намъ нужно установить мѣсто человѣка въ міровой связи, — слѣдовательно, для психолога необходимы: *біологія* и *сравнительная психологія животныхъ*.

А чтобы яснѣе понять механизмъ нормальной человѣческой душевной дѣятельности, нужно видѣть эту дѣятельность въ извращенномъ, болѣзненномъ состояніи, другими словами, мы должны обратиться за помощью къ *психо-патологіи*, которая въ данномъ случаѣ можетъ принести психологіи громадную пользу. Затѣмъ, еще со временъ Гербарта были попытки приблизить психологическія изслѣдованія по ихъ строгости и точности къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ, но только Фехнеромъ и Вундтомъ было предложено рѣшеніе вопроса о средствахъ измѣренія психическихъ явленій и объ основахъ психологическаго эксперимента. Такъ какъ экспериментальная психологія даетъ намъ въ психологическихъ вопросахъ идеалъ точности и доказательности изслѣдованія, то не приходится защищать необходимости изученія *экспериментальной психологіи*. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняя не составляетъ особаго отдѣла общей психологіи и понимается лишь какъ особый методъ, съ помощью котораго можетъ разрабатываться любой отдѣлъ психологіи. Благодаря многократному повторенію опытовъ, экспериментальная психологія пріобрѣтаетъ богатый матеріалъ, поддающійся статистической обработкѣ, которая устраняетъ случайность и ошибочность отдѣльныхъ наблюденій. Такимъ образомъ, при изученіи современной психологіи является необходимымъ знаніе *основъ математическаго метода*. Всего желательнѣе, чтобы для спеціалистовъ-психологовъ былъ составленъ особый курсъ математики, въ который входили бы необходимыя данныя изъ теорій вѣроятностей, аналитической геометріи, интегральнаго и дифференціальнаго исчисленія, статистики и пр. Само собой разумѣется, что такъ какъ для психолога, какъ и для всякаго другаго ученаго изслѣдователя обязательно знаніе основныхъ методовъ научнаго изслѣдованія, то онъ долженъ также знать и *логику*.

Перечисленными выше науками не исчерпывается еще кругъ наукъ, нужныхъ для психолога.

Кромѣ общей психологіи есть еще *сравнительная психологія*, которая разсматриваетъ чловѣка по отношенію его къ другимъ людямъ, а также по отношенію къ возрасту, полу и т. д. Изъ ея многочисленныхъ отдѣловъ особенно разработаны: *психологія массъ* и *психологія дѣтскаго возраста*.

Къ психологіи дѣтскаго возраста близко стоитъ практическое примѣненіе общей психологіи къ дѣлу воспитанія, именно педагогика. По практическимъ соображеніямъ психологами должна изучаться *педагогика*, а также *исторія педагогики*.

Далѣе: мы знаемъ, что языкъ развивается у народовъ параллельно ихъ умственному развитію; онъ является, такъ сказать, внѣшнимъ выразителемъ внутренняго міра, выразителемъ скрытой душевной жизни. Вотъ почему для психолога цѣнно знакомство съ *сравнительнымъ языкознаніемъ*.

Имѣетъ значеніе для психолога и *исторія искусствъ*, потому что она рисуеъ намъ, какъ развивалось эстетическое чувство у чловѣка.

Важно для психолога и знакомство съ *общей теоріей права*, потому что здѣсь находитъ онъ для себя богатѣйшій матеріаль, хотя бы для болѣе глубокаго изученія волевыхъ процессовъ.

Наконецъ, безспорно завершеніемъ психологическаго образованія должно быть образованіе философское. Несмотря на то, что въ настоящее время психологія стала вполне самостоятельной наукой и не можетъ разсматриваться только какъ одна изъ философскихъ дисциплинъ, несмотря на это, психологъ долженъ изучать *исторію философіи*, потому что психологія въ своемъ историческомъ прошломъ неразрывно связана съ философіей. Исторіей философіи мы и заканчиваемъ перечень тѣхъ наукъ, которыя необходимы для спеціалиста-психолога.

Позволяемъ себѣ еще разъ перечислить ихъ:—Общая психологія (съ исторіей психологіи), экспериментальная психологія.

Физиологія съ анатоміей и гистологіей.

Физика.

Химія.

Біологія.

Сравнительная психологія животныхъ.

Психопатологія.

Общія основы математическаго метода.

Логика.

Сравнительная психологія; психологія массъ и психологія дѣтскаго возраста.

Педагогика и исторія педагогики.

Сравнительное языкознаніе.

Исторія искусствъ.

Общая теорія права.

Исторія философіи.

Въ виду разнообразія и обширности перечисленныхъ наукъ, можетъ возникнуть такой вопросъ: не будутъ ли предполагаемые спеціалисты-психологи простыми недоучками, нахватавшими однихъ верховъ? На него мы отвѣтимъ, что психологъ будетъ изучать только общіе курсы менѣ важныхъ для него наукъ. Вѣдь изучаетъ же врачъ массу различныхъ наукъ, между тѣмъ никто не упрекаетъ его въ томъ, что онъ не спеціалистъ и по физикѣ, и по химіи и т. д.

Какимъ же образомъ можетъ быть осуществленъ планъ спеціальныхъ занятій по психологіи?

По нашему предположенію всѣ перечисленныя науки должны составить *психологическую группу* или *отдѣленіе*, на подобіе существующихъ уже нынѣ на факультетахъ, при чемъ это отдѣленіе, какъ и другія, проходило бы въ три или четыре года. Студенты, записавшіеся на это отдѣленіе, сдавали бы только тѣ предметы, которые значатся на послѣднемъ.

Вопросъ о томъ, причислить психологическую группу къ историко-филологическому или къ естественному факультету, вопросъ формальный, и по существу неважный.

Гораздо важнѣе другой вопросъ: не придется ли университету приглашать новыхъ профессоровъ и образовывать новыя кафедры, что послужило бы значительнымъ препятствіемъ для созданія психологической группы? Однако, большинство перечисленныхъ курсовъ читается въ университетѣ и нынѣ, а для остальной части мы имѣемъ основаніе полагать, что университетъ можетъ обойтись тѣми научными силами, которыя имѣются въ немъ въ настоящее время.

Наконецъ, является еще одинъ и пожалуй самый важный вопросъ: куда пойдутъ спеціалисты-психологи по окончаніи университетскаго курса?

Въ виду громаднаго, чуть не всеобъемлющаго значенія психологіи въ наукѣ и въ жизни, трудно заранѣе предрѣшить, куда

приложить свои силы специалистъ-психологъ; однако, невольно думается, что во многихъ мѣстахъ онъ будетъ желаннымъ гостемъ. Въ данномъ случаѣ можно было бы сдѣлать нѣсколько вполне обоснованныхъ предположеній, однако мы остановимся только на двухъ изъ нихъ, какъ наиболѣе опредѣленныхъ.

1) Несомнѣнно, что часть психологовъ посвятитъ себя научной разработкѣ теоретическихъ проблемъ психологіи, педагогики и пр.

2) Также несомнѣнно, что значительная часть психологовъ приложить свои силы къ практической работѣ на нивѣ народнаго образованія. Если въ Россіи будетъ введено, наконецъ, всеобщее народное образованіе, то по приблизительному подсчету понадобится, сверхъ имѣющихся уже нынѣ, еще около 250.000 учителей. Чтобы подготовить такіе громадныя кадры учителей, придется безспорно образовать многочисленныя курсы, а завѣдываніе ими поручить специалистамъ. Понятно, что такими являются прежде всего психологи. Мы уже выяснили значеніе психологіи для педагогики...

На собраніи, вынесшемъ приведенную резолюцію, у нѣкоторыхъ гг. профессоровъ и студентовъ, хотя и вполне сочувствующихъ общей мысли доклада, все же явились отдѣльныя сомнѣнія и возраженія.

Мы считаемъ своимъ долгомъ коснуться ихъ.

Одни изъ нихъ указывали, что возможность для студентовъ специализироваться по психологіи есть и при существующей системѣ; что нѣтъ нужды образовывать новую «психологическую фронтъ»; что нужно стремиться къ уничтоженію существующихъ перегородокъ между факультетами, слѣдуетъ стремиться къ введенію истинной предметной системы, которой, молъ, и нужно ждать. Они ссылались на примѣръ германскихъ университетовъ, гдѣ студенты могутъ записываться на любые предметы, и гдѣ экзамены по опредѣленной группѣ наукъ, а также университетскіе дипломы даютъ лишь возможность работать въ наукѣ. Относительно этихъ возраженій мы скажемъ слѣдующее: при существующей системѣ официальные планы не предусматриваютъ самой возможности специализаціи по психологіи; они обязываютъ студента сразу избрать опредѣленную группу наукъ, они налагаютъ на студента массу связанныхъ съ нею работъ, что не позволяетъ ему всецѣло отдаться изученію наукъ, нужныхъ для

психолога; не говоримъ уже о несогласованности часовъ лекцій по разнымъ предметамъ.

Только образованіе самостоятельной психологической группы преодолѣтъ препятствія, создаваемые существующей системой, и дастъ свободу занятій студенту-психологу.

Далѣе, вполне сочувствуя уничтоженію перегородокъ между факультетами и введенію истинной предметной системы, мы однако замѣтимъ: 1) что психологическая группа лишь разрушаетъ перегородки между факультетами, такъ какъ соединяетъ въ себѣ предметы историко-филологическаго и естественнаго факультетовъ, и 2) что нельзя отказывать въ удовлетвореніи такой настоятельной потребности только потому, что она будетъ по всей вѣроятности разрѣшена съ теченіемъ времени введеніемъ предметной системы.

Затѣмъ, примѣръ германскихъ университетовъ неубѣдителенъ. Истинная предметная система также заставляетъ для полученія диплома пройти извѣстную группу наукъ. Кромѣ того за-границею университетскій докторскій дипломъ даетъ только право добиваться научныхъ степеней, право работать въ наукѣ. Но допускать ли къ этому въ Россіи, при дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, тѣхъ студентовъ, которые не получили дипломовъ по опредѣленной группѣ наукъ?

Возраженія другихъ сводились къ тому, что психологія требуетъ предварительной философской подготовки и что психологическая группа можетъ быть только частью философскаго отдѣленія.

По поводу ихъ мы скажемъ: необходимая психологу подготовка дается кругомъ наукъ психологической группы. Затѣмъ, психологія стала наукою вполне самостоятельной со своими особыми и достаточно обширными задачами; для самой философіи, какъ знанія наивысшей общности, нужна предварительная психологическая подготовка.

Наконецъ, остается еще одно сомнѣніе, будетъ ли имѣть психологическая группа достаточное количество слушателей?

Громадное, всеобъемлющее значеніе психологіи служить этому прочной гарантіей; классическая группа при историко-филологическомъ факультетѣ насчитываетъ не болѣе 12 студентовъ. Въ настоящее время число желающихъ специализироваться по психологіи уже значительно больше.

Мы думаемъ, что намъ удалось въ предѣлахъ нашихъ силъ выяснить тѣ мотивы, которые легли въ основаніе обнаружившагося стремленія студентовъ къ спеціализаціи по психологіи. Мы не хотѣли бы, чтобы нашъ планъ былъ встрѣченъ холодно и равнодушно. Мы ждемъ сочувствія и вниманія. Мы смѣемъ надѣяться, что профессорская корпорація автономнаго университета пойдетъ навстрѣчу идейно-чистому и общественно-полезному движенію студенчества ¹⁾).

¹⁾ По порученію группы составили А. Левоневскій и Г. Черный.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1907 ГОДЪ (18-й годъ изданія)
на общепедагогическій журн. для учителей и дѣятелей по народному образованію

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Журналъ издается по слѣдующей программѣ: 1) Вопросы общей реформы системы образованія. 2) Злободневные вопросы школьнаго дѣла. 3) Общіе вопросы образованія и воспитанія. 4) Педагогическая психологія. 5) Школьная гигиена. 6) Исторія школы. 7) Методика преподаванія. 8) Беллетристическія произведенія съ сюжетами, взятыми изъ жизни школы, и школьныя воспоминанія. 9) Обзоры новѣйшихъ теченій въ области знанія (научный фелетонъ). 10) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений въ области народнаго образованія (Гос. Дума, земство и т. п.). 11) Иностранная школа. 12) Инородческая школа. 13) Начальная школа. 14) Городскія училища. 15) Средняя школа. 16) Высшая школа. 17) Профессіональная школа. 18) Вопросы женскаго образованія. 19) Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей разныхъ авторовъ по означенной программѣ журналъ даетъ ежемѣсячно слѣдующіе отдѣлы: I. Критика и библиографія педагогическихъ и популярно-научныхъ сочиненій. II. Хроника нар. образованія на Западѣ. III. Хроника начальнаго образованія. IV. Хроника народныхъ библиотекъ. V. Хроника воскресныхъ школъ. VI. Хроника профессиональнаго образованія. VII. Замѣтки изъ текущей жизни. VIII. Разныя извѣстія. IX. Правительственныя распоряженія.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. Я. Абрамовичъ, X. Д. Алчевская, К. И. Андриенко, Ц. П. Балтамонъ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртензъ, И. А. Бѣлозерскій, И. П. Бѣлоконскій, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, Б. П. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виревіусъ, Е. М. Гаршинъ, проф. И. М. Гревсъ, А. Г. Готлибъ, Я. Я. Гуревичъ, А. Я. Гуревичъ, К. Н. Деруновъ, О. А. Добіашъ, К. В. Ельницкій, Н. М. Жестелевскій, И. П. Житетскій, С. А. Золотаревъ, Г. Г. Зоргенфрей, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. О. Калтеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, П. Н. Казанцевъ, В. А. Келтуяла, Н. П. Кашинъ, П. А. Конскій, Н. И. Коробка, А. А. Карасевъ, проф. Н. Н. Ланге, В. А. Лезинъ, Л. К. Лемке, проф. П. Ф. Лесгафтъ, А. Л. Липовскій, А. А. Локтинъ, О. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, А. В. Мезіеръ, А. П. Налимовъ, А. П. Нечаевъ, А. Новиковъ, А. В. Овсяниковъ, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, О. Х. Павловичъ, проф. А. Л. Погодинъ, В. Подстепанскій, С. Н. Поляковъ, В. Л. Розенбергъ, Г. П. Роковъ, И. А. Рудневъ, Н. А. Рубакинъ, Е. П. Рѣпина, С. Ф. Русова, М. Н. Салтыкова, проф. И. А. Сикорскій, М. С. Симоновъ, Л. С. Севрукъ, проф. Ир. П. Скворцовъ, А. О. Соколовъ, М. И. Страхова, проф. Сумцовъ, М. А. Тростниковъ, А. М. Тютрюмовъ, К. А. Тюделевъ, В. И. Чернолуцскій, Н. В. Чеховъ, В. И. Фармаковский, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, проф. В. М. Шимкевичъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, Н. С. Шохоръ-Троцкая, д-ръ В. Ф. Якубовичъ, А. Якимирскій и др.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая (за май-іюнь и июль-августъ—семь р., съ доставкой—7 руб. 50 коп.: для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₀. Книжные магазины получаютъ за комиссію 5⁰/₀ съ годовой цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой принимается только въ конторѣ журнала.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Провс. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учительскія библиотекы низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международнои выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ 1904 году.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Слб., Литовская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

Открыта подписка на журналъ

„Дѣтскій Отдыхъ“

въ 1907 году,

выходить ежемѣсячно.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1907 году

Атласъ картинъ по Русской исторіи,

выпускъ 5-й, заключающій въ себѣ слѣдующія картины:

1) Императрица Анна разрываетъ „кондиціи“; 2) Въ кабинетѣ императрицы Анны; 3) „Слово и дѣло“; 4) Цесаревна Елизавета у преобразенскихъ казармъ 26 ноября 1741 г.; 5) Приемъ императрицей Елизаветой иностраннаго посла; 6) Въ академической гимназіи. Картины исполнены автотипіей по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ „**Иаъ прошлаго Русской земли**“, составленный *С. Князьковымъ*, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „**Библіотена Дѣтскаго Отдыха**“.

Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ учебныя библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и въ библіотеки средн. учебн. заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой **6** руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала въ *С.-Петербурѣ, Загородный пр., 28.*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета
на 1907 годъ.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями **6** руб., съ пересылкою **7** руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по **1** руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **А. Александровъ.**

Печатается по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, экономическую, общественную и литературную газету

СЛОВО,

ВЫХОДИТЬ въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, съ 19-го ноября 1906 года.

Главная политическая задача СЛОВА — создание конституціоннаго центра.

НАША ПРОГРАММА:

Укрѣпленіе русской національной идеи въ связи съ идеей обще-славянской, при равноправіи народностей, населяющихъ Россію. Цѣлостъ и нераздѣльность Россіи. Развитие русской государственности на началахъ прогрессивной конституціонной монархіи. Свобода церкви и полная вѣротерпимость. Полное равноправіе крестьянъ. Развитие мелкаго землевладѣнія на правѣ личной собственности и создание интенсивнаго хуторскаго хозяйства. Широкое, въ центрѣ и на окраинахъ, мѣстное самоуправленіе. Всесословная мелкая земская единица—какъ основа земскаго самоуправленія. Всемирная забота государства о производительныхъ, тѣсно связанныхъ между собой, силахъ страны — землѣдѣліи и промышленности. Развитие промышленности и торговли на началахъ самодѣятельности, широкой инициативы, подъема производительности народнаго труда и классовой организаціи представителей труда и капитала. Изысканіе путей къ примиренію труда и капитала. Государственная регулировка ихъ взаимныхъ отношеній. Всеобщее образованіе на началахъ широкаго общественнаго почина и съ устраненіемъ особыхъ правъ и привилегій по образованію. Свобода слова, печати, союзовъ и собраній при твердой власти, основанной на общественномъ довѣрїи. Борьба съ насиліемъ справа и слѣва, развитіе широкаго народнаго творчества. Миролюбіе и сдержанность вышней политики при твердой и исполненной достоинства охранѣ національныхъ интересовъ. Реформа арміи и флота. Созданіе надежной военной силы для охраны неприкосновенности Россіи, обезпеченія ея мирной политики и защиты экономическихъ интересовъ страны. Служеніе національнымъ началамъ въ литературѣ и искусствѣ во всехъ его областяхъ при полномъ вниманіи ко всякимъ новымъ художественнымъ теченіямъ.

Редакторъ-Издатель М. М. ѲЕДОРОВЪ.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой на 1907 годъ.

На 12 мѣс.—12 р., на 6 мѣс.—6 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

За границу: 12 мѣс. 20 р., 6 мѣс.—11 р., 3 мѣс.—6 р., 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ въ конторѣ газеты: при подпискѣ—4 р., къ 1 апрѣля—4 р. и къ 1 августа—4 р. Для учащейся молодежи и для волостныхъ правленій допускается скидка въ 25% съ подписной цѣны. Отдѣльные №№ по 5 коп. Перемѣна адреса 45 коп.

Подписка принимается въ Главной конторѣ газеты „Слово“, въ С.-Петербургѣ, Невскій 92, (Телефонъ 233—57).

Съ апрѣля выходить въ Москвѣ при Комиссiи по организаціи домашняго чтенiя
серiя періодическихъ сборниковъ

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

прив.-доц. Н. Д. Виноградова (филос. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), прив.-доц. І. М. Гольдштейна (эконом. отд.), Б. А. Кистяковского (юрид. отд.), прив.-доц. Н. К. Кольцова (ест.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданія—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанiя, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанiя, а также и по беллетристикѣ. 3. Библиографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученiя и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложенiи будутъ печататься программы, составленныя комиссiей по организаціи домашняго чтенiя.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4—6 печ. листовъ, цѣной отъ 25—40 коп. за книжку. Объявленiя (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, С. М. Барацъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доц. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Брошштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. П. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, М. И. Вѣлоруссовъ, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынский, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, прив.-доц. Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. Б. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Э. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гресьскій, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, Н. А. Дубровский, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, прив.-доц. А. А. Ивановскій, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Ивановъ, прив.-доц. В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизиветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, П. С. Коганъ, А. П. Колпаяевъ, г. А. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Кслярскій, Л. П. Кравецъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивячъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Луцичскій, О. И. Рудченко-Лѣтчикъ, Е. А. Лякискій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Миревичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нецаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Поняшевъ, прив.-доц. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. И. Ростов-

певъ, В. Г. Рудневъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулпнъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Симоненко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. П. П. Соколовъ, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, проф. Ѳ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. В. Н. Твердохлббовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. А. Ѳ. Флоровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, проф. А. П. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Ю. Д. Энгель, Е. Н. Янжулъ, акад. П. П. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, прив.-доц. А. С. Яшенко.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семеновича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

1907 г.

Открыта подписка

Годъ VII.

на „Журналь Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ при московскомъ университетѣ подъ редакціей проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго и прив.-доц. Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Россомимо, С. А. Суханова и д-ра В. М. Яковенко.

Журналь выходитъ 6 разъ въ годъ выпусками въ 12—15 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересыл. и доставкой—10 р. За границу—12 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервныхъ болѣзней.

Секретарь: В. Протопоповъ.

1907 г.

Продолжается подписка

Годъ I.

НА ЖУРНАЛЬ

„Современная Психіатрія“,

издаваемый при ближайшемъ участіи

А. Н. Бернштейна, В. А. Муратова и С. А. Суханова.
(Москва). (Саратовъ). (Москва).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

П. Б. Ганнушкина и М. Ю. Лактина.
(Москва). (Москва).

Журналь „Современная Психіатрія“ посвящается всѣмъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналь будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ каждая, приблизительно въ концѣ каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу—8 р.

Въ текущемъ году „Современная Психіатрія“ дастъ 10 книжекъ (вмѣсто 12) при подписной цѣнѣ 5 руб. (за границу 7 руб.). Первая книжка „Современной Психіатріи“ вышла въ мартѣ 1907 года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“: Москва, Краснопрудная, домъ № 27, кв. 46.

26 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 Г. 26 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновиднѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ оккультныхъ явленій и фактовъ.)

Независимое слово въ школѣ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Открыта подписка на 1907 годъ

— Четвертый годъ изданія —

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

„ВЪСЫ“

Въ 1907 году „Вѣсы“ будутъ издаваться при томъ же составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе три года, при ближайшемъ участіи: Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Блона, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, З. Н. Гиппіуса, Вячеслава Иванова и Д. С. Мережковского.

Подписная цѣна на годъ (12 №№) пять рублей съ пересылкой; на полгода три рубля съ пересылкой. За границу семь рублей.

Годовые подписчики на 1907 годъ, внесшіе всю сумму до 15-го января имѣютъ право получить бесплатно одно изъ изданій к—ва „Скорпіонъ“, изъ списка, который будетъ объявленъ въ январскомъ №. Всѣ подписчики на 1907 годъ пользуются при выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, складъ „Коммисіонеръ“.

Редакторъ-Издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV-й.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 г.

НА ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГІИ, КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГІИ и ГИПНОТИЗМА,

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.

Редакторы отдѣловъ:

Прив.-доц. Н. О. Лосній—общей пси- хологіи.	}	Проф. Л. В. Блуменану и прив.-доц. М. С. Добротворскій—психопатологіи.
Прив.-доц. А. Ф. Лазурскій и д-ръ А. А. Крогіусъ—эксперимент. психологіи.		Прив.-доц. В. П. Осиповъ—гипнотизма.
А. П. Нечаевъ—педагогической психо- логіи.		Д. А. Дриль и проф. В. Ф. Чинъ—кри- минальной антропологіи и обще- ственной психологіи.

Журналъ въ 1907 году выйдетъ въ количествѣ 5 книжекъ въ годъ, об-
емомъ въ 5—6 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: 1) оригинальныя
статьи по психологіи общей, ея исторіи, по психологіи экспериментальной и
педагогической, по зоопсихологіи, по психопатологіи и гипнотизму, по крими-
нальной антропологіи и общественной психологіи; 2) обзоры, рецензіи и ре-
фераты по указаннымъ отдѣламъ; 3) корреспонденціи, отчеты и письма; 4) хро-
ника, біографіи и некрологи; 5) объявленія и извѣщенія. Книжки 2-ая и 4-ая
будутъ предоставлены для статей и рефератовъ, относящихся исключительно
къ области педагогической психологіи.

Въ подписномъ году будутъ разосланы подписчикамъ 2 безплатныхъ при-
ложенія: 1) Сочин. акад. В. М. Бехтерева „Основныя ученія о функціяхъ
мозга“ (вып. VI) и 2) Сочин. д-ра Ю. К. Бѣликина „Неврастенія“.

Примѣчаніе! Приложенія будутъ выданы подписавшимся до 1 апрѣля 1907 г.

Оригинальныя статьи и рефераты (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше
просятъ адресовать въ редакцію (Боткинская, 9., Клиника душевныхъ и нерв-
ныхъ болѣзней), (по педагог. псих. А. П. Нечаеву, Фонтанка, 10, психол.
лабор.). Приемныя часы по вторникамъ, отъ 1—2) и пятницамъ, отъ 2—3.
Статьи въ случаѣ надобности подлежатъ сокращеніямъ и редакціоннымъ по-
правкамъ. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по соглашенію съ
авторами. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, по-
ступаютъ въ полное распоряженіе редакціи. О книгахъ, присылаемыхъ въ
редакцію, будутъ дѣлаться объявленія. Книги и журналы просятъ присылать
въ бібліотеку редакціи (С.-Петербургъ, Боткинская, д. № 9, Клиника душевно-
больныхъ). Плата за объявленія 30 р. за страницу.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ за 5 книжекъ, съ перес. 3 р. 50 к. Цѣна
за двѣ книжки педагог. псих. 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. Требования и
деньги адресовать въ контору П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стременная, 12.

Редакторъ: В. М. Бехтеревъ.

ВЫШЛА 4-Я КНИЖКА

журнала

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

XVIII г. изданія.

1) Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. (Продолженіе.) Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго.—2) Динамическіе факторы въ воспитаніи. Л. Стрѣлова.—3) Учебникъ природовѣдѣнія. Проф. Т. Локтя.—4) Къ реформѣ средней школы.—5) Изъ современныхъ скандинавскихъ литературъ.—Г. Беллетристика Каринь Михаэлисъ. Юрія Веселовскаго.—6) Къ вопросу объ умственномъ утомленіи учениковъ въ связи съ качествомъ воздуха въ классѣ. В. Рахманова.—7) О желательной постановкѣ бібліотекъ. Л. Хавкиной-Гамбургеръ.—8) Изъ дѣятельности Пироговской комиссіи по распространенію гігѣническихъ знаній въ народѣ. В. Лебедева.—9) Задачи преподаванія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Л. Миллициной.—10) Петровская академія. Л. Молякова.—11) Городъ больныхъ дѣтей. В. Федлевской.—12) „Дѣти государства“ въ Венгріи. Л. С.—13) Критика и библиографія. Проф. Челпановъ, Учебникъ психологіи; Александръ Нечавевъ, Учебникъ психологіи для гимназій; А. Воскресенскій, Опытъ философской пропедевтики; М. І. Сагаралде, Философская пропедевтика. Л. С.—Джонъ Дьюи, Школа и общество, пер. съ англ. Г. П.—Популярная гігіена, А. И. Макушина; Учебникъ гігіены для среднихъ учебныхъ заведеній и профессиональныхъ школъ, В. Д. Ревеліоти.—Народная и дѣтская литература съ 1880 по 1905 г., сборникъ сводныхъ отзывовъ подъ ред. А. А. Громбаха, вып. I; Географія. Л. С.—Владиміръ Вагнеръ, Чѣмъ долженъ быть университетъ? Е. Синицкаго.—Д., 1905 и 1906 годы въ петербургскомъ университетѣ. Ею же.—С. Созиновъ, Судьба нашей средней школы. Г. П.—Ив. Озеровъ, На борьбу съ народной тьмой. Г. Р.—Д. и О. Рудевичъ, Дѣтская душа. Г. П.—Проф. В. Шимкевичъ, Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. А. Тихомировъ, Положеніе человѣка въ природѣ. Среди дикарей, Виктора Окса. Я. А. Берлинъ, Меньшіе братья въ семьѣ народовъ. Вокругъ южнаго полюса, сост. С. Григорьевъ. Л. С.—Весенние голоса, сборникъ стих. и разск. для дѣтей старшаго возраста.—Книжка для дѣтей, изд. И. И. Горбунова-Посадова.—Джонъ Халifaxъ, пов. Кракъ, пер. съ англ.—Дешевыя изданія „Посредника“: Тоска по родинѣ, А. Шиманскаго; Призывной, С. Семенова; Можно ли человѣку жить безъ работы, В. Ф.; Не по закону, Миллициной; Жена рабочаго, Ѳ. Поступаева; На высотѣ, И. Наживина; Благодѣтели, его же; Передъ судомъ, Н. Тимковскаго.—Клиги и брошюры, поступившія въ редакцію.—14) Хроника. Изъ текущей жизни средней школы: Вторая половина текущего учебнаго года въ средней школѣ. Нѣкоторыя послѣдствія циркуляра о переводныхъ экзаменахъ. Наступило ли успокоеніе въ школѣ? Настроеніе современной учащейся молодежи. Петербургское „общество улучшения средней школы“. Вопросъ о школѣ на дворянскомъ съѣздѣ. Секція средней школы при московскомъ о-вѣ народныхъ университетовъ.—Разъясненіе мин. нар. проsv. объ условіяхъ пріема учениковъ коммерческихъ училищъ въ университеты. Инцидентъ въ московской духовной семинаріи. Р. Г.—Изъ хроники народнаго образованія: Народные учителя въ Государственной Думѣ. Народное образованіе въ наказахъ Думѣ. Народное образованіе въ правительственномъ проектѣ о реформѣ мѣстнаго самоуправления. Новыя правительственныя мѣры по нар. образов. Православное вѣдомство и свобода совѣсти. Легализація Лиги образованія. Изъ хро-

ники просвѣтительныхъ обществъ и учреждений. Основаніе федераціи учителейскихъ союзовъ въ Россіи. Изъ жизни учительскихъ организацій, учительства и учащихся. Народная школа и голодъ. Разныя извѣстія. *В. Чарнолуцкаго.*—По пути къ объединенію англійской школы. *Л. С.—15)* Объявленія.

Продолжается подписка на 1907 годъ.

Всѣ экземпляры за 1906 г. разошлись.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки — 5 р., съ доставкой и пересылкой — 6 р., въ полгода — 3 р.; съ пересылкой за границу — 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточнохъ людей цѣна уменьшется на 1 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ

(девятый годъ изданія)

на еженедѣльную юридическую газету

„П Р А В О“,

выходящую въ С.-Петербургѣ подъ редакціей В. М. Гессена, I. В. Гессена, пр.-доц. А. П. Каминка, пр.-доц. Н. И. Лазаревскаго, В. Д. Набокова и проф. Л. I. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „ПРАВА“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административною практикою, „ПРАВО“ удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей, списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ, а также и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода — 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 4 руб. и къ 1 мая 3 руб. За границу на годъ — 10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19. При юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики „ПРАВА“ пользуются при выискѣ частныхъ изданій скидкой въ размѣрѣ 50%.